

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025
2(46)

ISSN 2587-9472
Эн № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 2 (46)' 2025

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права

Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик

Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии.

Редакционный совет:

Председатель – Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права Московского университета имени С.Ю. Витте, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии;

Арабаев Ч.И., д-р юрид. наук, профессор, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, вице-президент НАН КР (Кыргызстан);

Балыева Д.Ю., заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения Института международных отношений МИД Туркменистана (Туркменистан);

Бандурин Н.В., д-р юрид. наук, профессор, профессор гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

Букалерова Л.А., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;

Бытко С.Ю., д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии;

Василевич Г.А., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Беларусь, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского национального университета (Белоруссия);

Гущин В.В., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности;

Давитадзе М.Д., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;

Землин А.И., д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой транспортного права Российского университета транспорта, заслуженный деятель науки РФ;

Кекеновски Й., д-р полит. наук, профессор, профессор Университета Св. Климента Охридского, (Северная Македония);

Кожевников О.А., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;

Левушкин А.Н., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;

Ного С., д-р юрид. наук, профессор, президент Сербской ассоциации международного уголовного права, вице-президент Пекинского Международного форума уголовного и международного уголовного права, профессор юридического факультета и заведующий кафедрой уголовного права Университета «Мегатренд», (Сербия);

Осавелюк А.М., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;

Рагимов И.М., д-р юрид. наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, президент Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона (Азербайджан);

Сауляк О.П., д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета;

Федюнин А.Е., д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии;

Чанхай Лун, д-р юрид. наук, профессор юридического факультета Университета Внутренней Монголии (Китай).

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.

Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

Системные требования: PC не ниже класса Pentium III;

256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows

98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X

и выше; мышь.

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2025

**СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ПУБЛИЧНОГО ПРАВА**

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	7
<i>Байрамов Фарман Джангирович, Подкидышев Сергей Константинович</i>	
ОСОБЕННОСТИ ПРИОБРЕТЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА В НОВЫХ СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	16
<i>Кулакова Елизавета Валерьевна</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

НЕЦЕЛЕВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОМЕЩЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	22
<i>Суслова Светлана Игоревна</i>	
ПРАВОВОЙ СТАТУС ИМУЩЕСТВА ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	29
<i>Челышева Наталья Юрьевна, Куклинова Елена Александровна, Куклинов Михаил Леонидович</i>	
ЧАСТНОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОКАЗАНИЯ РАННЕЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В РОССИИ	37
<i>Васильева Ксения Валерьевна</i>	

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА,
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ**

ПРИЧИНЫ РОСТА ЧИСЛЕННОСТИ ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ, В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД	44
<i>Геранин Виталий Владимирович, Мальцева Светлана Николаевна</i>	
СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ЭКОЦИДА КАК ВОЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ	53
<i>Мироненко Сергей Юрьевич</i>	
ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ПОДСТРЕКАТЕЛЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ВАНДАЛИЗМА	59
<i>Налимов Юрий Дмитриевич, Туманов Александр Сергеевич</i>	

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

ПРИНЦИП NEMO JUDEX IN PROPRIA CAUSA ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ.....	64
<i>Рыжков Константин Сергеевич</i>	
РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ	70
<i>Егерев Иван Михайлович, Егерева Олеся Александровна</i>	

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	77
<i>Колонтаевская Ирина Федоровна</i>	
ЕВРОПЕЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И РОССИЯ: СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА. ВЗГЛЯД ИЗ ИТАЛИИ	88
<i>Карла Рампино</i>	

CONTENTS

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR ELECTORAL OFFENCES IN THE RUSSIAN FEDERATION.....	7
<i>Bayramov F.D., Podkidyshev S.K.</i>	

THE SPECIFICITIES OF ACQUIRING CITIZENSHIP IN NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	16
<i>Kulakova E.V.</i>	

RELEVANT ISSUES OF PRIVATE LAW

IMPROPER USE OF PREMISES IN RUSSIAN CIVIL LAW.....	22
<i>Suslova S.I.</i>	

LEGAL STATUS OF PROPERTY OF THE HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN RUSSIAN FEDERATION.....	29
<i>Chelysheva N.Y., Kuklinova E.A., Kuklinov M.L.</i>	

PRIVATE LAW ASPECTS OF PROVIDING EARLY ASSISTANCE TO CHILDREN WITH DISABILITIES IN RUSSIA.....	37
<i>Vasilyeva K.V.</i>	

RELEVANT ASPECTS OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS

THE REASONS FOR THE INCREASE IN THE NUMBER OF PERSONS IN CUSTODY IN THE MODERN PERIOD	44
<i>Geranin V.V., Maltseva S.N.</i>	

SUBJECTIVE SIGNS OF ECOCIDE AS A WAR CRIME	53
<i>Mironenko S.Yu.</i>	

THE FEATURES OF QUALIFICATION OF THE INSTIGATOR'S ACTIONS IN THE COMMISSION OF VANDALISM.....	59
<i>Nalimov Y.D., Tumanov A.S.</i>	

SPECIFIC ISSUES OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

THE PRINCIPLE OF NEMO JUDEX IN PROPRIA CAUSA IN CIVIL AND ADMINISTRATIVE CASES.....	64
<i>Ryzhkov K.S.</i>	

THE RISKS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FORENSIC SCIENCE AND WAYS TO OVERCOME THEM	70
<i>Egerev I.M., Egereva O.A.</i>	

ORGANIZATIONAL AND LEGAL SUPPORT OF DEMOGRAPHIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	77
<i>Kolontayevskaya I.F.</i>	
EUROPEAN DEMOCRACY AND RUSSIA: CREATING THE IMAGE OF THE ENEMY. A VIEW FROM ITALY	88
<i>Carla Rampino</i>	

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Байрамов Фарман Джангирович¹,
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: bfarman@mail.ru,

Подкидышев Сергей Константинович¹,
e-mail: va0167@mail.ru,

¹Российский государственный университет социальных технологий (ФГБОУ «РГУ СоцТех»),
г. Москва, Россия

В статье анализируются административные правонарушения, затрагивающие избирательные права граждан, которые являются неотъемлемым элементом демократического правового государства. Объектом исследования выступают правонарушения, посягающие на гарантированное Конституцией Российской Федерации право избирать и быть избранным. Предметом анализа являются нормы административного законодательства, регулирующие ответственность за такие правонарушения, а также правоприменительная практика.

В работе рассматриваются наиболее распространенные составы административных правонарушений, включая подкуп избирателей, незаконную агитацию, подделку подписей и вмешательство в деятельность избирательных комиссий. Проведен анализ норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Основу исследования составляют методы правового анализа, синтеза, а также сравнительный подход к изучению национального и международного опыта. Авторы выявляют наиболее проблемные области, связанные с нарушениями избирательного законодательства, и предлагают конкретные меры по совершенствованию правового регулирования. В статье также приведены различные научные подходы к проблеме административной ответственности и сформулирована собственная аргументированная позиция.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: избирательное право, административная ответственность, электоральные правонарушения, избирательный процесс, КоАП РФ, агитация, подкуп избирателей, фальсификация подписей, правоприменительная практика, совершенствование законодательства

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR ELECTORAL OFFENCES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Bayramov F.D.¹,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: bfarman@mail.ru,

Podkidyshev S.K.¹,
e-mail: va0167@mail.ru,

¹Russian State University of Social Technologies (FSBEI «RSU Sotstech»), Moscow, Russia

The article describes administrative offenses affecting the electoral rights of citizens, which are an integral element of a democratic rule of law state. The object of the study is offenses that infringe on the right guaranteed by the Constitution of the Russian Federation to vote and be elected. The subject of the analysis is the norms of administrative legislation governing liability for such offenses, as well as law enforcement practice.

The article describes the most common types of administrative offenses, including bribery of voters, illegal campaigning, forgery of signatures and interference in the activities of election commissions. The analysis of the norms of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and the Federal Law «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right of Citizens of the Russian Federation to Participate in a Referendum» is carried out. The methodological basis of the research consists of methods of legal analysis, synthesis, as well as a comparative approach to the study of national and international experience.

The most problematic areas related to violations of electoral legislation are revealed and specific measures to improve legal regulation are suggested. The article also presents various scientific approaches to the problem of administrative responsibility and formulates its own reasoned position. The work may be of interest to lawyers, experts in the field of electoral law, as well as government authorities.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: Electoral law, administrative responsibility, electoral offenses, electoral process, Administrative Code of the Russian Federation, campaigning, bribery of voters, falsification of signatures, law enforcement practice, improvement of legislation

Актуальность исследуемой темы обусловлена ключевой ролью избирательного процесса в функционировании государственной власти, что в рамках современной правовой доктрины рассматривается как обязательный элемент любого суверенного государства. Одним из основополагающих признаков государства является наличие профессионального управленческого аппарата, значительная часть которого формируется на основе выборных процедур.

По мнению Сизиковой Н.В. [1] и Кротовой Е.С. [2] выборы, будучи формой прямого народного волеизъявления, представляют собой легитимированный инструмент реализации принципов демократии, закрепленных в конституционно-правовых актах большинства государств с демократическим устройством. Через участие в выборах граждане осуществляют свое право на управление государственными делами, оказывая непосредственное влияние на формирование структур государственной власти [2]. Этот процесс служит важнейшим механизмом, обеспечивающим реализацию принципов народного суверенитета и выражение общественных интересов, что подчеркивает исключительное значение выборов в политической системе демократического государства.

Органы государственной власти и местного самоуправления, а также их должностные лица наделены полномочиями, прямо или косвенно делегированными народом. Их деятельность должна быть направлена исключительно на защиту интересов общества и воплощение воли народа [3]. В этом контексте выборы можно рассматривать как процесс, посредством которого народ передает свои полномочия представителям, обязующимся действовать в интересах всего общества.

Согласно статье 3 Конституции Российской Федерации, высшими формами непосредственного выражения власти народа являются референдум и свободные выборы¹. Таким образом, выборы выступают, во-первых, средством легитимации государственного управления и политического режима, во-вторых, важным инструментом отбора лиц, способных профессионально и ответственно управлять страной, и, в-третьих, основой демократического устройства государства.

Значимость выборов в современном обществе диктует необходимость создания условий для осознанного участия граждан в избирательном процессе. Это предполагает формирование политической грамотности населения, способности оценивать общественно-политическую ситуацию с позиций объективности и принимать решения на основе личных убеждений и интересов [4]. Такая вовлеченность граждан обеспечивает не только легитимность органов власти, но и их подотчетность народу, что является важнейшим условием укрепления демократических основ государства.

Целью работы является рассмотрение отдельных видов административных правонарушений в области избирательного права, среди которых: подкуп избирателей и участников референдума

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

(ст. 5.16 КоАП РФ); проведение предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума вне агитационного периода и в местах, где ее проведение запрещено законодательством о выборах и референдумах (ст. 5.10 КоАП РФ); изготовление, распространение или размещение агитационных материалов с нарушением требований законодательства о выборах и референдумах (ст. 5.12 КоАП РФ); подделка подписей избирателей, участников референдума (ст. 5.46 КоАП РФ); вмешательство в осуществление избирательной комиссией, комиссией референдума полномочий, установленных законодательством о выборах и референдумах, либо создание помех участию избирателей, участников референдума, участников общероссийского голосования в голосовании (ст. 5.46 КоАП РФ)².

Объектом работы является исследование отдельных видов административных правонарушений в области избирательного права.

Предметом работы является анализ правоприменительной практики, иллюстрирующей наиболее распространенные составы административных правонарушений, посягающих на избирательные права граждан.

По мнению Кинзерской И.Л. в настоящее время во всех странах мира избирательное право и избирательная система используются для формирования государственных органов власти [5]. Избирательное право относится к конституционным правам граждан, гарантированных государством, а избирательная система необходима для реализации этого права. К сожалению, в современном обществе нередки случаи фальсификации во время проведения выборов, подкуп избирателей, что существенно искажает истинную волю народа. Существование этих проблем говорит о том, что принципы избирательного права, закрепленные в законе, не обеспечиваются соответствующими рычагами со стороны государства [6].

В соответствии со статьей 3 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»³ гражданам РФ предоставляется возможность участвовать в выборах на основе принципов всеобщего, равного, прямого волеизъявления, осуществляемого путем тайного голосования. Участие граждан в выборах и референдумах является добровольным и свободным: никто не имеет права принуждать избирателя поддерживать конкретного кандидата или ограничивать его свободу выбора.

В качестве примера реализации избирательных прав можно привести президентские выборы, состоявшиеся в марте 2024 года. Согласно Конституции РФ, глава государства избирается сроком на шесть лет через прямое всеобщее голосование. На этих выборах победу одержал Владимир Путин, занявший президентский пост в пятый раз. В голосовании участвовали четыре кандидата: Николай Харитонов (выдвинутый КПрФ, 4,31 % голосов), Владислав Даванков (партия «Новые люди», 3,85 %), Леонид Слуцкий (ЛДПР, 3,20 %), а также Владимир Путин, выдвинутый инициативной группой в порядке самовыдвижения, набравший 87,28 % голосов. Победа была достигнута в первом туре.

Выборы привлекли значительное внимание как внутри страны, так и за рубежом: за ходом голосования следили 330 тысяч наблюдателей, в том числе 706 представителей из 106 иностранных государств. Присутствие международных наблюдателей, равно как и представителей 2458 отечественных и зарубежных СМИ, способствовало прозрачности избирательного процесса. Несмотря на это, отдельные представители оппозиции заявляли о нарушениях, включая случаи подкупа избирателей и вбросов бюллетеней. Каждый выявленный инцидент оперативно рассматривался компетентными органами, что позволило обеспечить соответствие выборов действующему законодательству и подтвердить их легитимность.

В ходе проведения выборов 15–17 марта 2024 года, по информации, представленной первым заместителем Министра внутренних дел Российской Федерации А. Горовым на заседании Центризбиркома, правоохранительными органами возбуждено 61 уголовное дело и составлено 155 административных протоколов. При этом, как подчеркнул представитель МВД, не зафиксировано нарушений, способных повлиять на итоги голосования.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. – 31.12.2001. – № 256.

³ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 17.06.2002. – № 24. – Ст. 3.

Наиболее значимое количество уголовных дел возбуждено по статьям о заведомо ложном сообщении об акте терроризма (23 случая) и о воспрепятствовании осуществлению избирательных прав (21 случай). Эти цифры свидетельствуют как о напряжённой обстановке в ряде регионов, так и об активности правоохранительных органов в выявлении потенциально опасных правонарушений⁴.

Кроме того, во время выборов были зафиксированы случаи порчи избирательных урн: на отдельных участках злоумышленники заливали их зеленкой, йодом, применяли петарды, поджигали скатерти и даже бросали зажигательные смеси. Эти действия расценивались как попытки дестабилизировать обстановку на избирательных участках и были предметом отдельного анализа со стороны органов внутренних дел.

Данные факты подтверждают необходимость не только совершенствования механизмов охраны правопорядка в период голосования, но и актуализации мер административной ответственности за подобного рода действия, даже если они не повлияли напрямую на результаты выборов.

Юридическая ответственность за нарушения избирательного законодательства охватывает широкий спектр санкций, которые можно объединить в понятие «электоральная ответственность» [7]. Этот институт включает меры конституционно-правовой, административной, уголовной и, в ряде случаев, гражданско-правовой ответственности. Применение соответствующих мер определяется характером нарушений, их общественной опасностью и масштабом последствий.

Особый интерес в научной литературе вызывает административная ответственность за правонарушения в сфере избирательного процесса. Данный вид ответственности возникает в случае нарушения одного из базовых конституционных прав граждан – права избирать и быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления. Хотя удельный вес административных правонарушений в избирательной сфере в общем объеме административных дел невелик, вопросы повышения эффективности регулирования и обеспечения законности избирательного процесса становятся все более актуальными.

Административная ответственность в избирательной сфере представляет собой форму юридической ответственности, заключающуюся в наложении административных наказаний уполномоченными органами на лиц, нарушивших нормы избирательного законодательства. Это могут быть предупреждения, штрафы и иные меры, направленные на восстановление справедливости и предотвращение дальнейших правонарушений [8].

Несмотря на наличие значительного числа исследований, посвященных вопросам ответственности за электоральные правонарушения, данная тема остается открытой для дальнейшего изучения, особенно в контексте изменения общественно-политической ситуации и эволюции избирательного законодательства.

Административная ответственность за нарушения в сфере избирательного права играет важную роль в обеспечении справедливости и законности избирательного процесса. Она распространяется на широкий круг правонарушений, связанных с защитой прав участников избирательных отношений и соблюдением установленных законодательством процедур [9]. Среди оснований для привлечения к административной ответственности можно выделить следующие: нарушение прав членов избирательных комиссий⁵, наблюдателей, доверенных лиц, международных наблюдателей, а также нарушение порядка проведения предвыборной агитации, незаконное финансирование избирательной кампании и сокрытие информации об итогах голосования [10].

Административная ответственность за подобные правонарушения представляет собой самостоятельный вид юридической ответственности, которая наступает за действия, противоречащие законодательству, на различных этапах избирательного процесса. Эти правонарушения можно классифицировать на несколько групп:

Нарушения, связанные с деятельностью избирательных комиссий, включая ошибки в оформлении протоколов или их непредставление:

⁴ МВД сообщило о возбуждении 61 уголовного дела в период выборов: [офиц. сайт] РБК [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/03/2024/65f73b959a7947cb146becd1> (дата обращения: 04.05.2025).

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. – № 256. – 31.12.2001.

- посягательства на права субъектов избирательного права, такие как подкуп избирателей или создание препятствий для их участия в выборах [10];

- нарушения норм финансирования избирательных кампаний, в том числе незаконное использование финансовых средств;

- несоблюдение правил предвыборной агитации, включая злоупотребление возможностями средств массовой информации;

- нарушения порядка голосования и подсчета голосов, влияющие на достоверность итогов выборов.

Одними из наиболее распространенных правонарушений являются подделка подписей избирателей, нарушения в оформлении подписных листов, незаконное использование благотворительной деятельности в ходе предвыборной кампании и использование административного ресурса для оказания влияния на избирателей.

Так, статья 5.46 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ)⁶ устанавливает ответственность в виде штрафа от 2 000 до 2 500 рублей за фальсификацию подписей избирателей или их заверение лицом, осознающим подделку. При этом административная ответственность наступает независимо от наличия корыстных мотивов, если в действиях нарушителя отсутствуют признаки уголовного деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 142 УК РФ⁷.

Важно отметить, что ответственность за заверение поддельных подписей наступает только при доказанности осознания нарушения. Если лицо не знало и не могло знать о факте подделки, оно освобождается от административной ответственности по указанной статье. Проверка подписных листов осуществляется с использованием случайной выборки, процедура которой регламентируется Центральной избирательной комиссией Российской Федерации (ЦИК РФ). Для проверки отбирается не менее 20 % от минимального количества подписей, необходимых для регистрации федерального списка кандидатов.

Процедура проверки подписей строго регламентирована: после приема подписных листов проводится жеребьевка, и выборка проверяемых подписей осуществляется случайным образом. Каждая подпись оценивается на предмет достоверности, и в случае обнаружения нарушений соответствующие меры принимаются в рамках компетенции избирательной комиссии и правоохранительных органов.

Подобная система регулирования направлена на предотвращение и минимизацию нарушений в избирательной сфере, а также на повышение прозрачности и доверия к избирательному процессу. Тем не менее, несмотря на существующую правовую базу, вопросы совершенствования административно-правового регулирования остаются актуальными. Их решение требует как внедрения новых механизмов контроля, так и усиления ответственности за правонарушения, ставящих под угрозу принципы свободных и честных выборов.

В практике применения статьи 5.46 КоАП РФ зафиксировано множество случаев нарушений. Один из таких инцидентов связан с действиями С.Н. Корниловой, занимавшейся сбором подписей в поддержку кандидата на должность главы муниципального района «Олекминский район»⁸. Как было установлено, она заверила своей подписью подписные листы, содержащие заведомо поддельные подписи избирателей. Факт подделки был выявлен после обращения другого кандидата в прокуратуру.

Доказательства правонарушения включали заявления граждан, чьи подписи были сфальсифицированы, а также результаты почерковедческой экспертизы, подтвердившей несоответствие подписей в листах личным подписям избирателей. Установлено, что в дни сбора подписей – 19 и 23 июля 2019 года – граждане, чьи данные были внесены в листы, отсутствовали дома. Подписи за них поставили родственники, что они признали в своих объяснениях. Зная о подделке, Корнилова заверила данные подписи своей личной подписью. Суд квалифицировал её действия по статье 5.46 КоАП РФ, назначив административный штраф в размере 2 000 рублей.

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1. Ч. 1. – Ст. 5.46.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁸ Постановление Олекминского районного суда Республики Саха от 06.11.2019 по делу № 5-47/2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: sudact.ru.

Статья 5.69 КоАП РФ устанавливает ответственность за вмешательство в работу избирательных комиссий или создание препятствий для участия граждан в голосовании. Нарушения, подпадающие под действие этой статьи, могут включать любые действия, мешающие избирателям свободно участвовать в выборах или референдумах.

Одним из таких случаев стало поведение журналиста Ф., который в ходе общероссийского голосования по одобрению изменений в Конституцию РФ спровоцировал конфликт на избирательном участке⁹. Он громко выражал недовольство, требовал от наблюдателей знаний нормативно-правовых актов, отказывался регистрироваться в журнале и вел видеосъемку в помещении для голосования. Эти действия создавали угрозу конфиденциальности персональных данных и привели к скоплению граждан, нарушению социальной дистанции и затруднению доступа участников к бюллетеням.

Дзержинский районный суд Санкт-Петербурга признал Ф. виновным в нарушении статьи 5.69 КоАП РФ и назначил штраф в размере 2 000 рублей. В ходе разбирательства защитник Ф. утверждал, что тот действовал в рамках своей профессиональной деятельности журналиста, которая включает право вести съемку на участке и опрашивать граждан. Также заявлялось, что составление протоколов об административных нарушениях преследовало цель оправдать действия сотрудника полиции, который, якобы, применил силу к Ф.

Суд, однако, оставил эти доводы без удовлетворения. Хотя свидетели утверждали, что Ф. не вмешивался в работу избирательной комиссии, его действия были расценены как препятствующие избирательному процессу.

Законодательство устанавливает строгие требования к процессу сбора подписей в поддержку кандидатов, что связано с обеспечением прозрачности и законности избирательного процесса. Право на сбор подписей предоставляется гражданам Российской Федерации, достигшим 18-летнего возраста и обладающим полной дееспособностью. Сбор подписей может осуществляться исключительно среди избирателей, обладающих активным избирательным правом, в пределах избирательного округа, где кандидат выразил согласие на участие в выборах.

Закон запрещает сбор подписей в ряде мест, включая рабочие места, пункты выдачи заработной платы, пенсий, пособий и других социальных выплат. Нарушение этих правил может повлечь серьезные последствия, вплоть до отказа в регистрации кандидата или отмены регистрации судом. Например, грубым нарушением считается сбор не менее 20 % подписей от общего числа представленных в запрещенных местах, а неоднократным – повторное нарушение данного требования.

Субъектами правонарушений, связанных с нарушением порядка сбора подписей, являются не только непосредственные сборщики подписей, но и должностные лица государственных и муниципальных органов, государственные и муниципальные служащие, а также члены избирательных комиссий с правом решающего голоса. Нарушение этих правил квалифицируется как административное правонарушение.

С увеличением числа политических партий и ростом конкуренции избирательные кампании всё чаще сопровождаются жалобами и обращениями, касающимися нарушений в проведении предвыборной агитации. Законодательство четко определяет агитационный период и места, где агитация запрещена, включая военные части, помещения для голосования и иные аналогичные объекты. Проведение агитации вне установленного периода или в запрещенных местах влечёт ответственность по статье 5.10 КоАП РФ.

Согласно ч. 1 ст. 62 Федерального конституционного закона «О референдуме в Российской Федерации»¹⁰, агитация по вопросам референдума разрешается только с момента регистрации инициативной группы и создания фонда референдума и прекращается за сутки до дня голосования. В день голосования и накануне агитация категорически запрещена. Однако нарушения этих норм не всегда становятся достаточным основанием для принятия судом мер.

⁹ Решение Санкт-Петербургского городского суда от 10.09.2020 № 12-949/2020 по делу № 5-559/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SO SZ&n=268415#AOCZpVUmW20ZMBsy> (дата обращения: 02.12.2024).

¹⁰ О референдуме Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. – 05.07.2004. – № 27. – Ст. 62.

Так, в деле Васильева В.В., кандидата на должность главы Чухломского муниципального района, суд отказал в удовлетворении иска об отмене итогов голосования, несмотря на предоставленные доказательства агитации в день выборов¹¹. В частности, были представлены записи телефонных разговоров, где глава сельского поселения прямо указывала на необходимость агитации в пользу определённого кандидата. Суд, однако, указал на отсутствие оснований для отмены результатов выборов.

В день голосования неизвестное лицо осуществляло агитацию, призывая избирателей голосовать за кандидата Бахвалова В.В. Дополнительно в материалах дела фигурировала запись телефонного разговора между Лимоновой И.Н., главой Ножкинского сельского поселения, и Гусевой М.И., руководителем Чухломского районного местного отделения партии «Единая Россия». Из содержания разговора следовало, что в день голосования агитаторы обходили сторонников партии с целью убеждения их поддержать Бахвалова В.В. Гусева М.И. прямо указала на использование «списков агитаторов», которые получали за свою работу денежное вознаграждение, и подчёркивала: «Конкретно нам надо, чтобы проголосовали только за Бахвалова, я тебе говорю открытым текстом».

Несмотря на представленные истцом доказательства, суд постановил, что оснований для отмены результатов выборов главы Чухломского муниципального района не имеется.

Этот случай подчёркивает сложность состава административного правонарушения, связанного с нарушением запретов на агитацию. Законодатель акцентирует внимание на необходимости воздержания от определённых действий (бездействия) в строго установленных временных и пространственных рамках. Главной характеристикой противоправности таких действий являются нарушение временных и территориальных ограничений, установленных для проведения агитации или референдума.

Закон требует от участников избирательного процесса строго соблюдать запреты, возложенные на них, и ограничиваться действиями, соответствующими правовым нормам. В данном случае нарушение правил представляет собой административное правонарушение, поскольку субъект сознательно игнорирует законодательные ограничения. Судебная практика показывает, что такие нарушения часто становятся предметом разбирательств, поскольку правонарушители действуют по своему усмотрению, не учитывая установленных законом ограничений по времени и месту проведения агитационных мероприятий.

В результате проведенного исследования были достигнуты поставленные цели: проанализированы составы административных правонарушений, посягающие на избирательные права граждан, а также изучена судебная практика по вопросу привлечения к ответственности за правонарушения.

Как показало проведенное исследование, институт административной ответственности, являясь одним из специальных инструментов, обеспечивает соблюдение императивных требований федерального избирательного законодательства.

Важно отметить, что эффективное правовое регулирование избирательного процесса имеет огромное значение для любого демократического государства. Даже самые развитые страны, имеющие многовековую историю проведения избирательных кампаний, сталкиваются с многочисленными трудностями на этом пути. Ситуация усугубляется общественным резонансом, сопровождающим избирательный процесс любого уровня, и значимостью его политических последствий.

Как показывает судебная практика, Российская Федерация не является исключением. Любая избирательная кампания сопровождается тем или иным количеством нарушений. Соблюдение законов и конституции, признание результатов выборов и уважение к мнению всех участников процесса являются ключевыми факторами, определяющими легитимность государственной власти. Только такая власть может быть признана законной и легитимной, это является необходимым условием для стабильности и развития государства.

Таким образом, административная ответственность за правонарушения в избирательной сфере является не только инструментом защиты демократических институтов, но и механизмом, укрепляющим доверие общества к институту выборов.

Для минимизации нарушений и повышения доверия к избирательному процессу представляется необходимым выработать конкретные предложения, направленные на повышение эффективности системы административной ответственности в рассматриваемой сфере.

¹¹ Решение Чухломского районного суда Костромской области от 12.10.2020 по делу № 2а-286/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: sudact.ru.

Во-первых, представляется целесообразным пересмотреть объем санкций, предусмотренных за фальсификацию подписных листов. Действующая редакция статьи 5.46 КоАП РФ устанавливает сравнительно мягкое наказание, что не отражает степени общественной опасности данного деяния. В этой связи предлагается установить повышенный размер административного штрафа (от 10 000 до 20 000 рублей), а также предусмотреть квалифицированный состав правонарушения в случае, если доля поддельных подписей превышает установленный законом порог (например, 10 % от общего числа представленных подписей). Кроме того, возможно введение дополнительной санкции в виде конфискации избирательного залога.

Во-вторых, в целях повышения достоверности представляемых подписных листов и минимизации фальсификаций предлагается внедрение системы цифровой верификации подписей через единую государственную платформу (ЕСИА), с использованием механизмов автоматизированного сопоставления персональных данных. Такой подход обеспечит оперативную проверку достоверности сведений и исключит возможность многократного использования одних и тех же подписей, повысив общий уровень доверия к процедурам регистрации кандидатов.

Третье направление модернизации связано с необходимостью установления ответственности за систематическое распространение недостоверной информации о кандидатах и партиях, участвующих в выборах. С учетом распространенности таких правонарушений в информационной среде, целесообразным представляется введение новой статьи КоАП РФ, устанавливающей административную ответственность за публичное тиражирование заведомо ложных сведений в целях дискредитации участников избирательного процесса, а также за отказ от публикации соответствующего опровержения по решению суда или уполномоченного органа.

Четвёртое предложение касается институциональных механизмов контроля. Для повышения прозрачности выборов и оперативного реагирования на выявленные правонарушения может быть создан специализированный орган – уполномоченный по административному контролю в сфере избирательного процесса, действующий по модели омбудсмана. Такой орган мог бы выступать с инициативами о проверках, участвовать в мониторинге соблюдения административных процедур и направлять материалы в компетентные органы для возбуждения дел об административных правонарушениях.

Наконец, с учётом современного уровня развития технологий и общественного запроса на прозрачность выборов широкое внедрение цифровых и автоматизированных технологий должно быть направлено на минимизацию человеческого фактора и повышение достоверности процедур. Это предполагает обязательное видеонаблюдение в режиме реального времени на избирательных участках, архивацию видеозаписей с открытым доступом для заинтересованных лиц, электронный подсчет голосов представляется необходимым на законодательном уровне закрепить обязательность аудиовизуальной и видеовизуальной фиксации всех ключевых этапов избирательного процесса. Записи, осуществляемые в рамках видеонаблюдения, должны охватывать процедуры голосования, подсчёта бюллетеней, выдачи открепительных удостоверений и хранения избирательной документации, с возможностью последующего открытого доступа к архивам на официальном портале Центральной избирательной комиссии.

Обязательным направлением является реализация организационно-правовых гарантий открытости процедур. Речь идет, прежде всего, о беспрепятственном допуске независимых наблюдателей, включая представителей международных организаций, к каждому этапу избирательного процесса. Не менее важным является обеспечение равного доступа всех участников выборов к государственным и муниципальным информационным ресурсам, помещениям и средствам агитации, распределение которых должно осуществляться на основе публичных и случайных процедур – например, посредством жеребьевки под контролем ЦИК РФ.

Предложенные меры направлены на укрепление правовых гарантий свободных и справедливых выборов, повышение подотчетности участников избирательного процесса и доверия граждан к институту выборов как к базовому элементу демократического правопорядка.

Продолжение научных разработок в данной области позволит значительно повысить эффективность реализации избирательных прав и обеспечит устойчивое развитие демократических процессов в Российской Федерации.

Список литературы

1. Сизикова Н.В. Выборы как форма современного народовластия // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8 (224). – С. 152–155.
2. Каримова К., Кротова Е.С. Выборы как одна из форм прямой демократии // Государственно-правовые исследования. – 2020. – № 3. – С. 521–524.
3. Соловьев А.А. и др. Демократические основы народовластия: монография // А.А. Соловьев, Е.В. Розанова, С.Ю. Нарциссова, В.В. Попадейкин; под общ. ред. В.В. Попадейкина. – Москва: Эдитус, 2021. – С. 27 (190 с.).
4. Цамаев Р.Р. Значение выборов в демократическом государстве // Евразийский научный журнал. – 2017. – №1. – С. 310–311.
5. Кинзерская И.Л. Избирательная система как институт современного демократического государства // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 74-1. – С. 219–224.
6. Мухтаров М.М. Фальсификация в избирательных кампаниях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 2. – С. 97–99.
7. Шахназарян Т.Г. Соотношение юридической ответственности и механизма правового регулирования в сфере электоральных отношений // Kant. – 2016. – № 1 (18). – С. 153–157.
8. Сидоров В.Ю., Алешин П.Н. Особенности административной ответственности за нарушение избирательного законодательства // E-Scio. – 2021. – № 10 (61). – С. 199–203.
9. Зайцев М.С. Административная ответственность за нарушение избирательных прав граждан // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – № 1 (36). – С. 29–33.
10. Ершова Е.С. Административная ответственность за нарушение избирательных прав // Контентус. – 2017. – № 11(64). – С. 51–58.

References

1. Sizikova N.V. Elections as a form of modern democracy // Law and state: theory and practice. – 2023. – № 8 (224). – S. 152–155.
2. Karimova K., Krotova E.S. Elections as one of the forms of direct democracy // State legal research. – 2020. – № 3. – S. 521–524.
3. Soloviev A.A. Democratic foundations of democracy: monograph // A.A. Soloviev, E.V. Rozanova, S.Yu. Narcissova, V.V. Popadeikin; Under the general. ed. V.V. Popadeikin. – Moscow: Editus, 2021. – S. 27 (190 c.).
4. Tsamaev R.R. Significance of elections in a democratic state // Eurasian Scientific Journal. – 2017. – № 1. – S. 310–311.
5. Kinzerskaya I.L. Electoral system as an institution of a modern democratic state // Izvestia RSPU named after A.I. Herzen. – 2008. – № 74-1. – S. 219–224.
6. Mukhtarov M.M. Falsification in election campaigns // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2018. – № 2. – S. 97–99.
7. Shakhnazaryan T.G. The ratio of legal responsibility and the mechanism of legal regulation in the field of electoral relations // Kant. – 2016. – № 1 (18). – S. 153–157.
8. Sidorov V.Yu., Aleshin P.N. Features of administrative responsibility for violation of electoral legislation // E-Scio. – 2021. – № 10 (61). – Pp. 199–203.
9. Zaitsev M.S. Administrative responsibility for violation of the electoral rights of citizens // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – № 1 (36). – S. 29–33.
10. Ershova E.S. Administrative responsibility for violation of electoral rights // Contentus. – 2017. – № 11(64). – S. 51–58.

Статья поступила в редакцию: 08.12.2024

Received: 08.12.2024

Статья поступила для публикации: 30.03.2025

Accepted: 30.03.2025

ОСОБЕННОСТИ ПРИОБРЕТЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА В НОВЫХ СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кулакова Елизавета Валерьевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: kulakova.dongu@mail.ru,

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет», г. Донецк, Россия

В представленной работе анализируется институт признания гражданином РФ как новое основание приобретения гражданства, введенное в 2023 году Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации» и рядом федеральных конституционных законов, принятых в связи с присоединением к России новых регионов. По результатам проведенного анализа обосновывается необходимость пересмотра процедуры автоматического признания российскими гражданами тех граждан Украины, которые прибывают в Россию из третьих стран, ранее проживая на территориях, перешедших под контроль РФ после 30 сентября 2022 года. По итогам проведенного краткого исследования автором предлагается пересмотреть подход законодателя к автоматическому признанию гражданами России тех граждан Украины, которые имеют постоянную регистрацию на территориях, присоединённых к России после 30 сентября 2022 года, и не выразили намерения вернуться к месту жительства или оформить российское гражданство в ходе специальной военной операции. Данное предложение касается, прежде всего, тех лиц, которые прибывают в Российскую Федерацию из третьих стран.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: гражданство, получение гражданства, признание гражданином, основания приобретения гражданства, новые субъекты РФ, специальная военная операция, СВО

THE SPECIFICITIES OF ACQUIRING CITIZENSHIP IN NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kulakova E.V.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: kulakova.dongu@mail.ru,

¹Donetsk State University, Donetsk, Russia

The presented work analyzes the institution of recognition as a citizen of the Russian Federation as a new basis for acquiring citizenship, introduced in 2023 by the Federal Law “On Citizenship of the Russian Federation” and a number of federal constitutional laws adopted due to the accession of new regions to Russia. Based on the results of the analysis, the need to review the procedure for automatic recognition as Russian citizens of those citizens of Ukraine who arrive in Russia from third countries, having previously lived in territories that came under the control of the Russian Federation after September 30, 2022, is justified.

Based on the results of a brief study, the author proposes to revise the legislator’s approach to the automatic recognition by Russian citizens of those Ukrainian citizens who have permanent registration in the territories which became part of Russia after September 30, 2022, and did not express their intention to return to their place of residence or apply for Russian citizenship during a special military operation. This proposal concerns, first of all, those persons who arrive in the Russian Federation from third countries.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: citizenship, obtaining citizenship, recognition as a citizen, grounds for acquiring citizenship, new subjects of the Russian Federation, special military operation, SMO

Конституционное право на гражданство тесно связано с такими фундаментальными абсолютными правами человека как право на жизнь и свободу. Наличие гражданства выступает ключевой гарантией обеспечения и защиты прав человека, а также предоставляет покровительство со стороны родного государства своих граждан, пребывающих за его пределами. Как отмечает Дрогавцева Е.А., право на гражданство не закреплено в главе 2 Конституции России, однако его наличие в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина следует из общего содержания конституционно-правовых норм о гражданстве, а также положений законодательства и правовых позиций Конституционного Суда РФ [1, с. 16].

Поэтому получение российского гражданства является желанным статусом, предоставляющим как защиту со стороны России, так и ряд существенных преимуществ и возможностей, включая социальную защиту, право на участие в политической жизни государства и доступ к государственным услугам.

В связи с утратой правовой связи около 25 миллионов российских соотечественников в результате распада СССР, Россия в дальнейшем старалась урегулировать вопросы, связанные с его последствиями путем создания упрощенного механизма приёма в гражданство для бывших граждан Советского Союза и их потомков [2, с. 3].

Однако в последние годы Российская Федерация столкнулась с новыми вызовами: с необходимостью, с одной стороны, обеспечивать безопасность российских граждан в связи с реально возникшими террористическими угрозами, демографическими проблемами и ограниченностью трудовых ресурсов, но с другой стороны – с необходимостью, как отметил Президент РФ, «защиты людей и самой России от угроз, которые ей пытаются создать на её же исторических территориях»¹.

Проведение Россией специальной военной операции (далее – СВО) существенно повысило поток желающих приобрести российское гражданство. Как отмечает Борблик К.Э., значимым промежуточным итогом СВО стало принятие в состав Российской Федерации четырех новых субъектов: Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР), Запорожской и Херсонской областей [3, с. 244]. Еще в октябре 2022 г. глава Совета Безопасности Николай Патрушев заявил, что «около пяти миллионов жителей Донбасса и юго-восточных регионов Украины нашли убежище в России»².

Большинство из въехавших в Россию граждан Украины стараются как можно быстрее легализовать свой статус и, по возможности, получить российское гражданство. В гуманитарных целях Россия внесла значительные изменения в законодательство, чтобы упростить процесс получения гражданства для указанных категорий граждан. Так, в 2023 году был принят новый Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» (от 28.04.2023 г.), который внес изменения в существующие нормы, регулирующие основания и условия получения российского гражданства³. При этом, однако, был и существенно расширен перечень оснований, согласно которым иностранцы и лица без гражданства не принимаются в граждане РФ. Вероятно, законодатель исходил, прежде всего, из приоритета прав и свобод собственных граждан, необходимости защиты интересов государства и общества.

Согласно вышеуказанному закону, гражданство РФ приобретается по рождению, в результате приема в гражданство, в результате процедуры признания гражданином Российской Федерации, путем выбора гражданства при изменении границ РФ (оптация), а также в соответствии с международными договорами.

Одним из важных нововведений стало введение института признания гражданином Российской Федерации, в статье 19 федерального закона закреплены категории лиц, автоматически признаваемых гражданами России (ст. 19).

Институт признания гражданином России является относительно новым и поэтому пока не получил широкого освещения в научных исследованиях.

¹ Выступление Президента РФ В.В. Путина на встрече со студентами, приуроченной к Татьянинному дню 25.01.2023. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/01/2023/63d11e979a79475247611094> (дата обращения: 20.05.2025). – Текст: электронный.

² Комментарий Николая Патрушева по итогам заседания Совета Безопасности 19.10.2022. – URL: <http://kremlin.ru/events/security-council/69635> (дата обращения: 20.05.2025). – Текст: электронный.

³ О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.05.2023. – № 18. – Ст. 3215.

Некоторые аспекты новых положений Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» были проанализированы в работах Ковтуна О.А. и Терещенко Н.Д. [4], которые провели сравнительный анализ и выделили основные новшества и тенденции в развитии законодательства о гражданстве. Также стоит отметить работу Бижановой А.У., которая акцентировала внимание на ключевых нововведениях и возможных проблемах, с которыми может столкнуться практика применения закона [5]. Анализ содержания первой главы закона в сопоставлении с нормами предыдущей редакции закона был проведен Гороховой С.С. и Хватовой М.А. [6].

Целью данного исследования является анализ практики применения института признания гражданином России и оценка целесообразности его применения в отношении граждан, проживающих на территориях, присоединённых к России после 30 сентября 2022 года, но въезжающих в Россию через третьи страны.

Кроме ФЗ «О гражданстве РФ» 2023 года институт признания гражданства также предусмотрен в ряде федеральных конституционных законов, принятых в связи с присоединением к России ряда исторических территорий в 2014 и 2022 годах.

Так, например, в соответствии со ст. 5 ФКЗ от 04.10.2022 № 5-ФКЗ (ред. от 26.12.2024) «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» признаются гражданами России при условии принесения Присяги: граждане ДНР, граждане Украины и лица без гражданства, постоянно проживавшие на день принятия ДНР в состав России, т.е. на 30 сентября 2022 года, на территории ДНР или ранее постоянно проживавшие на указанной территории и выехавшие из ДНР в Российскую Федерацию, в том числе через территории третьих государств, а также их несовершеннолетние дети⁴.

В связи с этим возникает вопрос о целесообразности автоматического признания гражданами России тех граждан Украины, которые по состоянию на 30 сентября 2022 года, т.е. на день принятия новых субъектов в состав Российской Федерации, постоянно проживали на исторических территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, которые еще фактически не контролировались Россией, или временно, в данный период времени, находятся на территориях, контролируемых Украиной, либо вообще пребывают в третьих странах. Фактически речь идет о тех лицах, которые проживали/проживают (имеют регистрацию) на территориях, которые были освобождены после даты официального принятия в состав России новых регионов в 2022 году.

Таким образом, представляется важным проанализировать возможность применения института признания гражданином России к вышеуказанным категориям лиц, которые спустя значительное время после присоединения новых территорий к России не воспользовались своим правом на получение гражданства.

Анализ федеральных конституционных законов о принятии в состав России новых регионов в 2022 году показывает, что во всех четырех законах норма о признании гражданами России сформулирована одинаково и распространяется на лиц, постоянно проживавших на территории этих регионов на момент их включения в состав России.

Аналогично сформулирована норма о признании гражданами РФ лиц, проживавших в 2014 году на территории Республики Крым или города Севастополя.

Отличие ФКЗ № 6 от 21.03.2014 г. (Крым) от ФКЗ 2022 г. заключается в том, что в первом законе закреплено положение о том, что исключение составляют лица, заявившие в течение месяца после принятия Крыма и Севастополя в состав России о желании сохранить иное гражданство или остаться лицами без гражданства⁵.

В ФКЗ 2022 г., в отличие от ФКЗ 2014 г., для лиц, признаваемых гражданами РФ, предусмотрено дополнительное условие – принесение Присяги гражданина России.

⁴ О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики: Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 10.10.2022. – № 41. – Ст. 6930.

⁵ О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ // Парламентская газета. – 28.03–03.04.2014 г. – № 11.

Это условие связано с тем, что в июле 2017 г. действовавший на тот момент закон о гражданстве был дополнен статьей 11.1, предусматривающей принесение Присяги на последнем этапе получения гражданства⁶.

В Федеральном законе «О гражданстве Российской Федерации» 2023 года также содержится текст Присяги (ст. 21).

Введение требования принесения Присяги усиливает обязательства по соблюдению Конституции и законодательства России.

Анализ ФКЗ 2022 года свидетельствует, что автоматически признаются гражданами России все те, кто на 30 сентября 2022 года постоянно проживал на присоединенных к России территориях, а также те, кто имеет в них регистрацию и въезжает в Россию через третьи страны.

Такой подход был логичен в период включения Крыма и Севастополя, поскольку тогда вся территория этих регионов одновременно вошла в состав России. Тогда гражданами РФ признали всех постоянно проживавших на полуострове жителей на 18 марта 2014 года.

Однако для регионов, вошедших в состав РФ в 2022 году, ситуация иная.

Часть территорий переходила и продолжает переходить под контроль России в ходе СВО, некоторые были временно утрачены (Херсон), а некоторые еще не освобождены (север ДНР, часть Запорожской, Херсонской областей).

Соответственно, лица, проживающие в регионах, фактически находящихся под контролем Украины, не должны автоматически признаваться гражданами России, даже при условии принесения Присяги.

Вопрос в том, можно ли автоматически предоставлять гражданство тем гражданам Украины, которые имели постоянную регистрацию на 30 сентября 2022 года на территории новых регионов, которые хоть и конституционно закреплены за Россией, но которые Россия фактически не могла контролировать? Кроме того, не было и фактической возможности контролировать действия лиц, проживающих на еще неподконтрольных территориях: их перемещение в пределах Украины, а возможно и третьих стран и получение временного убежища; соблюдение режима законности; лояльность к Российской Федерации.

Согласно ФКЗ 2022 года, после въезда в Россию эти граждане Украины могут оформить гражданство, предоставив украинский паспорт с регистрацией в новых регионах на день их принятия в состав России. Это право является заявительным и применяется автоматически без других условий, кроме принятия Присяги.

Вместе с тем, с 2023 года такие граждане должны сначала въехать в Россию как иностранцы (в большинстве случаев как граждане Украины), а затем обратиться в территориальный орган МВД для признания их гражданами России.

До октября 2023 года граждане Украины могли свободно въезжать в Россию через любые пункты пропуска. Однако продолжение СВО и использование украинских граждан для совершения терактов привели к введению ограничений.

Согласно распоряжению Правительства РФ от 6 октября 2023 г. № 2723-р, с 16 октября 2023 г. граждане Украины могут въезжать в Россию из других государств только через аэропорт «Шереметьево» и пункт пропуска «Лудонка» в Псковской области⁷. Латвия приостановила работу своего пограничного пункта, поэтому единственным действующим пунктом пропуска является аэропорт «Шереметьево». Многим жителям новых регионов отказывают во въезде и депортируют без объяснения причин.

Вполне логично, что российские органы безопасности не допускают на территорию России иностранцев, которые создают угрозу национальной безопасности или обороноспособности страны.

Въезд и проверка лояльности фактически стали дополнительным условием для признания гражданства у жителей новых регионов, чего нет в ФКЗ.

⁶ О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 июня 2002 г. – № 22. – Ст. 2031.

⁷ О временном ограничении въезда в РФ граждан Украины, прибывающих в РФ с территорий третьих государств: Распоряжение Правительства РФ от 6 октября 2023 г. № 2723-р – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407687838/> (дата обращения: 20.05.2025). – Текст: электронный.

В связи с этим законодателю следует привести законодательную базу РФ в соответствие со сложившейся практикой. Тем более что у жителей новых регионов, желающих получить гражданство, было достаточно времени для возвращения на место жительства.

Если речь идёт о территориях, которые до сих пор находятся под контролем украинских властей, то с каждым годом вопрос подтверждения факта проживания в новых регионах становится всё более затруднительным, не говоря уже о лояльности жителей. Возникает риск подделки документов о регистрации граждан на территориях, вошедших в состав России, но фактически не контролируемых ею.

В связи с этим было бы логично прекратить практику автоматического признания гражданами России тех лиц, которые проживали на неконтролируемых Россией территориях. Это может быть обосновано либо утратой ими статуса постоянно проживающих, либо введением новых условий для тех территорий, которые не контролировались РФ на 30 сентября 2022 года.

Например, если гражданин Украины в течение определённого законом срока после освобождения территории не обратится за получением российского гражданства, то он не сможет автоматически считаться гражданином России на основании федерального конституционного закона.

В качестве альтернативы автоматическому признанию гражданства на освобождённых территориях можно рассмотреть возможность использования существующего механизма получения вида на жительство или российского гражданства на общих основаниях, применимых к другим гражданам Украины, не имеющим постоянной регистрации в этих регионах. Учитывая действующие упрощённые процедуры получения российского гражданства для граждан Украины, установленные Указом Президента РФ от 04.01.2024 г. № 11, которые определяют категории иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право подать заявление о приёме в гражданство Российской Федерации, такой подход мог бы быть более целесообразным⁸. В целом, процедура приобретения гражданства Российской Федерации является важным и значимым шагом, поскольку открывает для иностранца новые возможности и права [7, с. 115].

Предлагается пересмотреть подход законодателя к автоматическому признанию гражданами России тех граждан Украины, которые имеют постоянную регистрацию на территориях, присоединённых к России после 30 сентября 2022 года, и не выразили намерения вернуться к месту жительства или оформить российское гражданство в ходе специальной военной операции. Данное предложение касается, прежде всего, тех лиц, которые прибывают в Российскую Федерацию из третьих стран. Усилившаяся дестабилизация обстановки в России, совершение диверсий на транспортной, энергетической и других инфраструктурах; вооружённое нападение и убийства мирных жителей приграничных с Украиной территорий; политические убийства; поджоги административных зданий [8] актуализируют данное предложение. Основная цель предлагаемого изменения – укрепление обороноспособности и безопасности государства, а также более эффективная защита прав и законных интересов граждан Российской Федерации.

Список литературы

1. Дрогавцева Е.А. Право на гражданство: конституционные гарантии и проблемы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: спец. 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки / Дрогавцева Екатерина Александровна; Санкт-Петербургский университет М-ва внутр. дел Российской Федерации. – Санкт-Петербург, 2023. – 31 с.
2. Бабурина В.Н. Гражданство Российской Федерации: конституционно-правовая теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право / Бабурина Вера Леонидовна; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2017. – 23 с.
3. Борблик К.Э. Социально-экономическая характеристика новых регионов Российской Федерации // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2024. – № 1. – С. 255–258.

⁸ Об определении отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации: Указ Президента РФ от 4 января 2024 г. № 11 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 08.01.2024. – № 2. – Ст. 395.

4. Ковтун О.А., Терещенко Н.Д. Основные новеллы Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» 2023 года // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки / Humanities, social-economic and social sciences. – 2024. – № 4 (апрель). – С. 109–114.
5. Бижанова А.У. Основные изменения в правовом регулировании института гражданства в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2024. – № 4 (503). – С. 259–262.
6. Горохова С.С., Хватова М.А. О некоторых аспектах трансформации общих положений законодательства Российской Федерации в сфере российского гражданства // Юридические исследования. – 2023. – № 10. – С. 14–26.
7. Кикоть-Глуходедова Т.В., Зайцева Я.А. Прием в гражданство как один из способов приобретения гражданства Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 7. – С. 112–115.
8. Кузнецов В.А. Проявление террористических угроз в Российской Федерации в условиях специальной военной операции на Украине // Вестник науки. – 2023. – № 5 (62). – Т. 1. – С. 291–293.

References

1. Drogavceva E.A. Pravo na grazhdanstvo: konstitucionnye garantii i problemy realizacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: spec. 5.1.2. Publichno-pravovye (gosudarstvenno-pravovye) nauki / Drogavceva Ekaterina Aleksandrovna; Sankt-Peterburgskij universitet M-va vnutr. del Rossijskoj Federacii. – Sankt-Peterburg, 2023. – 31 s.
2. Baburina V.N. Grazhdanstvo Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovaya teoriya i praktika: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: spec. 12.00.02 – Konstitucionnoe pravo; konstitucionnyj sudebnyj process; municipal'noe pravo / Baburina Vera Leonidovna; Voronezhskij gos. un-t. – Voronezh, 2017. – 23 s.
3. Borblik K.E. Social'no-ekonomicheskaya harakteristika novyh regionov Rossijskoj Federacii // Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki. – 2024. – № 1. – S. 255–258.
4. Kovtun O.A., Tereshchenko N.D. Osnovnye novelly Federal'nogo zakona «O grazhdanstve Rossijskoj Federacii» 2023 goda // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki / Humanities, social-economic and social sciences. – 2024. – № 4 (aprel'). – S. 109–114.
5. Bizhanova A.U. Osnovnye izmeneniya v pravovom regulirovanii instituta grazhdanstva v Rossijskoj Federacii // Molodoj uchenyj. – 2024. – № 4 (503). – S. 259–262.
6. Gorohova S.S., Hvatova M.A. O nekotoryh aspektah transformacii obshchih polozhenij zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii v sfere rossijskogo grazhdanstva // Yuridicheskie issledovaniya. – 2023. – № 10. – S. 14–26.
7. Kikot'-Gluhodedova T.V., Zajceva Ya.A. Priem v grazhdanstvo kak odin iz sposobov priobreteniya grazhdanstva Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2023. – № 7. – S. 112–115.
8. Kuznecov V.A. Proyavlenie terroristicheskikh ugroz v Rossijskoj Federacii v usloviyah special'noj voennoj operacii na Ukraine // Vestnik nauki. – 2023. – № 5 (62). – T. 1. – S. 291–293.

Статья поступила в редакцию: 20.05.2025
 Статья поступила для публикации: 30.05.2025

Received: 20.05.2025
 Accepted: 30.05.2025

НЕЦЕЛЕВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОМЕЩЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Суслова Светлана Игоревна^{1,2},

докт. юрид. наук, доцент,

e-mail: svetsuslova@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия

Исследуется проблематика законодательного регулирования и тенденции правоприменительной практики в области нецелевого использования помещений в свете изменения положений гражданского законодательства в этой области. Анализируются немногочисленные примеры судебной практики по данной категории дел. Оцениваются аргументы о возможности применения ст. 287.7 ГК РФ не только к помещениям, но и к зданиям. Обращается внимание на обширное вмешательство публичного правопорядка в вопрос о целевом использовании объектов недвижимости участниками частноправовых отношений. По итогам проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что вопрос о цели использования нежилых помещений недостаточно четко урегулирован законодательством и может вызывать неоднозначное толкование в правоприменительной практике. Закрепление вида разрешенного использования объектов капитального строительства в градостроительном законодательстве состоялось еще до того, как появилась анализируемая жесткая санкция, которая может привести к прекращению права собственности на ценный объект недвижимости. В свете существенного ужесточения санкции за нецелевое использование помещений науке и судебной практике еще предстоит сформулировать подходы к границе свободы усмотрения участников частноправовых отношений при использовании принадлежащих им объектов. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: помещения, нежилые помещения, жилые помещения, нецелевое использование, право собственности, собственность, использование зданий

IMPROPER USE OF PREMISES IN RUSSIAN CIVIL LAW

Suslova S.I.^{1,2},

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: svetsuslova@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²Irkutsk Law Institute (a branch) of The All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

The article examines the issues of legislative regulation and trends in law enforcement practice in the field of improper use of premises in light of changes in the provisions of civil legislation in this area. The article analyzes a few examples of judicial practice in this category of cases. It evaluates the arguments on the possibility of applying Art. 287.7 of the Civil Code of the Russian Federation not only to premises, but also to buildings. Attention is drawn to the extensive intervention of public law in the issue of the targeted use of real estate by participants in private law relations.

Based on the results of the study, the author concludes that the issue of the purpose of using non-residential premises is not clearly regulated by law and may cause ambiguous interpretation in law enforcement practice. The consolidation of the type of permitted use of capital construction objects in urban planning legislation took place even before the analyzed tough sanction appeared, which could lead to the termination of ownership of a valuable real

estate object. In the light of the significant tightening of sanctions for the misuse of premises, science and judicial practice have yet to formulate approaches to the border of discretion of participants in private law relations when using objects belonging to them.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: premises, non-residential premises, residential premises, misuse, ownership, property, use of buildings

Введение

В 2021 году в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹ появилась статья 287.7, в которой предусматривается возможность прекращения права собственности в случае нецелевого использования не только жилых помещений (как это ранее было закреплено в ст. 293 ГК РФ), но и нежилых помещений. Подобные, достаточно жесткие последствия, которых раньше не было в отношении нецелевого использования нежилых помещений, требуют пристального внимания к тому, как складывается судебная практика по данному вопросу. Ученые, комментирующие произошедшие изменения в указанной сфере, лишь в незначительном количестве случаев отмечали видимые ими противоречия и потенциальные риски, преимущественно ограничиваясь одобрением того обстоятельства, что режим прекращения права собственности был унифицирован применительно к жилым и нежилым помещениям² [1].

Помимо этого, следует отметить, что судебной практики по применению указанной нормы в отношении нежилых помещений не очень много. Эта ситуация полностью совпадает с той, которая сложилась в отношении ст. 293 ГК РФ (в отношении жилых помещений). Долгие годы после вступления в силу первой части ГК РФ никто и не помышлял о возможности прекратить право собственности на жилые помещения путем их продажи с публичных торгов. В годы, когда институт права собственности лишь укреплялся, когда везде говорилось о свободе собственника, незыблемости собственности, недопустимости произвольного лишения собственности (жилища), данное законодательное положение, содержащее сильнейший рычаг публичного давления на собственника, даже ведущего себя виновно по отношению к жилому помещению, рассматривалось несколько инородно. Лишь по истечении значительного промежутка времени стали появляться единичные судебные решения, в которых суды осмеливались признавать правомерность действий публичных органов, заявляющих о продаже жилых помещений с публичных торгов. И, как правило, такие дела сопровождались серьезным общественным резонансом и широким освещением в средствах массовой информации³. В последние годы практика прекращения права собственности на жилые помещения с публичных торгов перестала быть экзотикой, хотя, безусловно, что положительные решения по данной категории споров не носят массового характера и суды достаточно жестко оценивают соблюдение всех законодательных требований (предупреждение собственников, их действия по устранению выявленных нарушений, доказанность нецелевого использования и т.д.)⁴.

Такое же осторожное отношение наблюдается сейчас и применительно к нежилым помещениям, поскольку эта сфера представляется не менее сложной и значимой, затрагивает огромное количество как граждан, использующих нежилые помещения для личных нужд, так и тех, кто использует такие объекты в предпринимательской деятельности.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08 авг. 2024 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

² Например, Т.В. Дерюгина отмечала, что «следует оценить положительно появление общей нормы, регулирующей прекращение права собственности на помещения в результате его бесхозяйственного содержания».

³ В частности, когда речь касалась содержания в жилых помещениях значительного количества кошек или собак, или захламления жилых помещений вещами со свалок.

⁴ Например, Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11 августа 2020 по делу № 88-18201/2020; Решение Лесозаводского районного суда Приморского края от 13 октября 2023 г. № 2-687/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Нецелевое использование зданий

Остановимся на некоторых сложных вопросах, связанных с законодательным регулированием и со складывающейся практикой применительно к прекращению права собственности за нецелевое использование помещений.

Одним из таких вопросов является возможность применения норм о прекращении права собственности в том случае, если объектом нецелевого использования (а в более широкой трактовке ст. 287.7 ГК РФ – бесхозяйственного содержания помещения) выступают не отдельные помещения, а все здание целиком.

Буквальное толкование ст. 287.7 ГК РФ свидетельствует о том, что на здание как самостоятельный объект недвижимости, указанные законоположения не распространяются. Появляются и примеры судебных решений, где правоприменители именно так подходят к разрешению данных споров. Например, администрация городского поселения обратилась в Арбитражный суд с иском к индивидуальному предпринимателю об изъятии и продаже с публичных торгов объекта недвижимости – здания гостиницы. Истец настаивал, что к спорным правоотношениям применима ст. 287.7 ГК РФ, поскольку допускает изъятие и продажу с публичных торгов не только помещений, но и зданий в целом. Суд первой и второй инстанции не согласился с таким подходом и, не оспаривая факта того, что собственник неиспользованием здания допустил его частичное разрушение, констатировали противоположное: «положения указанной нормы устанавливают возможность продажи с публичных торгов только помещений, а не зданий, как самостоятельных объектов прав»⁵. Аналогичную позицию судебные инстанции заняли и в деле бесхозяйного содержания здания магазина⁶, категорически отвергнув возможность принудительного прекращения права собственности на нежилое здание на основании ст. 287.7 ГК РФ, несмотря на массовое обращение жителей и установление фактов нарушения их прав бесхозяйным содержанием данного объекта.

Представляется, что такой подход судебных инстанций, действительно, основывается на букве закона. Однако, отвечает ли такое прочтение нормы той цели, которую преследовал законодатель, внося изменения в ст. 287.7 ГК РФ и распространяя на нежилые помещения нормы о возможной их продаже с публичных торгов?

Представляется, что причиной закрепления как ранее действовавшей ст. 293 ГК РФ в отношении жилых помещений, так и принятой ст. 287.7 ГК РФ, является, в первую очередь, необходимость защиты прав и интересов соседей. Как отметил Конституционный Суд РФ в Определении от 17 июля 2018 г. № 1749-О⁷, рассматривая вопрос о конституционности ст. 293 ГК РФ, положения указанной статьи направлены именно на защиту прав и законных интересов соседей. Не сомневаются в этом тезисе и ученые, критикуя при этом подход законодателя в части отсутствия у соседей реальных механизмов защиты их прав [2]. Таким образом, нарушение собственником цели использования жилого или нежилого помещения приводит к тому, что от данных действий страдают именно соседи соответствующих помещений. При этом несмотря на дискуссионность и отсутствие общепризнанного понятия «соседи», именно отношения в рамках многоквартирных домов или зданий, разделенных на отдельные нежилые помещения, принадлежащих разным лицам, наиболее ярко отражает суть соседских отношений [3–5].

Когда же мы говорим об отдельно стоящих зданиях, то совершение собственником действий, которые могут быть квалифицированы как бесхозяйственное содержание (включая нецелевое использование), в меньшей степени способны нарушить права и интересы соседей. В рамках отдельно стоящих зданий отсутствует общее имущество, которые бы связывало различных собственников, отсутствуют общие стены. Как отмечают специалисты, занимающиеся проблематикой соседского права «... соседским следует признать право лица на определенное недвижимое имущество, смежное с дру-

⁵ Постановление арбитражного суда Волго-вятского округа от 4 февраля 2025 г. по делу № А82-15747/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Определение четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 6 августа 2024 г. по делу № 88-24633/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2018 г. № 1749-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Смирновой Татьяны Альбертовны на нарушение ее конституционных прав статьей 293 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

гим недвижимым имуществом или расположенное близко к нему» [6]. Конечно, полностью исключать возможность нарушения прав соседей в отношении отдельно стоящих зданий все же нельзя, поскольку соседство может выражаться и в едином земельном участке, а также в нахождении объектов достаточно близко друг от друга, что в условиях современной урбанизации городов порождает факт соседства даже при отсутствии общих смежных стен или иного общего имущества. Однако, утверждение о том, что соседские отношения в данном случае выражены в значительно меньшей степени, чем в помещениях, думается, является сложно опровержимым.

Другое дело, что особый характер данной нормы, выражающейся в первую очередь в том, что правом на обращение в суд наделены только публичные органы, дает основание для утверждения о том, что целью указанной статьи является не только защита частных прав и интересов соседей, но и публичного интереса, заключающегося в сохранении объектов недвижимости и недопущения их уничтожения со стороны бесхозяйственного собственника. Несмотря на свободу реализации права собственности и общепризнанного утверждения о том, что правомочие распоряжения включает в себя любые действия собственника, вплоть до его права на уничтожение объекта, подобные утверждения могут быть поставлены под сомнение применительно к объектам недвижимости. Запретить сегодня собственнику уничтожить объект недвижимости (если при этом не нарушаются права иных лиц) в соответствии с российским законодательством невозможно, но создать законодательные ограничения для свободного совершения действий, которые могут привести к гибели/уничтожению объекта вполне реально. По большому счету именно эту функцию и выполняет ст. 287.7 ГК РФ, предоставляя право публичному органу вмешаться в бесхозяйственное поведение собственника по отношению к своей вещи и остановить разрушение объекта недвижимости. И с точки зрения указанной цели, здания представляют еще большую ценность, чем отдельные жилые и нежилые помещения, а потому их исключение из ст. 287.7 ГК РФ, как минимум, вызывает серьезные сомнения.

В ракурсе рассматриваемого вопроса также интересная ситуация, сложившаяся в отношении таких объектов недвижимости как гаражи. Дело в том, что гаражи как объекты недвижимости регистрируются в Росреестре и как помещения, и как здания. Например, согласно п. 3.1.4 СП 113.13330.2023 «Свод правил. Стоянки автомобилей СНиП 21-02-99», утв. Приказом Минстроя России от 05 октября 2023 г. № 718/пр, гараж – это здание, сооружение или помещение для стоянки (хранения), ремонта и технического обслуживания автомобилей, мотоциклов и других транспортных средств; может быть как частью здания (встроенно-пристроенные гаражи), так и отдельным строением. Таким образом, получается, что отдельно стоящий гараж, который используется не по целевому назначению, не может быть продан с публичных торгов на основании ст. 287.7 ГК РФ, а тот гараж, который зарегистрирован как часть здания (помещение), попадает в сферу действия указанной нормы. Нелогичность такого разделения, как представляется, очевидна.

Определение цели использования помещений

Сказанное выше не может не вызывать вопроса о том, насколько публичный правопорядок может и должен вмешиваться в вопросы, связанные с определением цели использования помещений.

В отношении жилых помещений соответствующая регламентация произведена в ст. 17 ЖК РФ⁸, где основной целью использования жилых помещений названо проживание, а возможными дополнительными целями названо осуществление предпринимательской или профессиональной деятельности. Судебная практика в отношении жилых помещений формируется преимущественно по вопросам об оценке правомерности осуществления в жилом помещении предпринимательской (или профессиональной) деятельности. Как известно, критериями законности и допустимости такой деятельности являются:

- отсутствие осуществляемой деятельности в списке той, которая прямо запрещена в жилых помещениях (миссионерская деятельность, деятельность по организацию гостиниц, промышленные производства);

⁸ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 03 фев. 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (Ч. 1). – Ст. 14.

- отсутствие нарушений прав и законных интересов других граждан;
- собственное проживание собственника в том помещении, где он осуществляет эту деятельность;
- отсутствие нарушения противопожарных и иных публично установленных требований.

Несмотря на кажущуюся четкость законодательных формулировок, на практике споры, связанные с нецелевым использованием жилых помещений для осуществления предпринимательской деятельности, разрешаются очень противоречиво и непоследовательно. Это связано с тем, что определить границы допустимого в таком использовании в виде общеустановленных норм и правил практически невозможно. Наиболее наглядным примером столкновения права на жилище и права на свободное занятие предпринимательской деятельностью является ситуация с передачей жилых помещений по договору краткосрочного коммерческого найма. Также следует обратить внимание, что в достаточно большом количестве случаев соседи, не имеющие возможности предъявлять иски о прекращении права собственности по ст. 287.7 ГК РФ, обращаются с требованиями о прекращении осуществления указанного вида деятельности⁹.

Применительно к нежилым помещениям ситуация с нецелевым использованием несколько иная. В рамках градостроительного законодательства установлена обязанность по фиксации вида разрешенного использования объектов капитального строительства, которые могут быть такими же, как и у земельных участков: основные, условно разрешенные, вспомогательные (ч. 1 ст. 37 Гражданского кодекса РФ¹⁰). Таким образом, за рамками регламентации целевого характера использования остаются лишь те объекты, которые не требуют разрешения на строительство и ввод в эксплуатацию (ИЖС, вспомогательные постройки и пр.). Вместе с тем, и в отношении указанных объектов цель их использования часто определена законодательством. Так, в отношении жилых домов это сделал Жилищный кодекс РФ, а в отношении гаражей – Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 338-ФЗ «О гаражных объединениях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹. Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время целевой характер использования определен для подавляющего числа объектов недвижимости и практически для всех зданий и помещений.

Соответственно, в отношении объектов капитального строительства (в том числе, зданий и помещений) виды разрешенного использования обязательно присутствуют, что свидетельствует о том, что применительно к ним нельзя говорить о возможности их свободного использования, на что обращают внимание некоторые ученые [7; 8]. Более того, данные виды разрешенного использования должны коррелироваться с видами разрешенного использования тех земельных участков, на которых соответствующие здания и помещения располагаются. Значительное количество судебных споров, связанных с использованием нежилых помещений, как правило сопровождаются выяснением вопроса о целевом использовании именно земельных участков. Так, суды не поддержали Росреестр, привлеченного к административной ответственности товариществом собственников недвижимости за передачу части земельного участка в аренду для размещения терминала для приема платежей. Росреестр считал, что указанная деятельность противоречит установленным видам разрешенного использования земельного участка: для индивидуального жилищного строительства и для ведения личного подсобного хозяйства. Однако суды указали, что передача части нежилого строения (въездной группы, предназначенной для обслуживания общего имущества собственников жилых зданий (помещений) в качестве административного помещения) обусловлено необходимостью размещения терминала по приему платежей от членов ТСН, то есть направлена на достижение целей, предусмотренных ЖК РФ, и не может признаваться нарушением целевого использования земельных участков¹².

Особую категорию споров составляют те, где суду приходится давать ответ на вопрос о возможности использования нежилых помещений для проживания. С одной стороны, перед нами безусловная

⁹ Например, Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03 октября 2024 г. № 88-20933/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 26 дек. 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (Ч. 1). – Ст. 16.

¹¹ Собрание законодательства РФ. – 31.07.2023. – № 31 (Ч. III). – Ст. 5764.

¹² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.06.2024 № Ф05-10959/2024 по делу № А41-61449/2023.

ситуация нецелевого использования объекта, что должно влечь соответствующие правовые последствия и у судов не должно быть сомнений, что такое использование недопустимо. С другой же стороны, существование и распространение ситуации проживания граждан в апартаментах свидетельствует о том, что сам законодатель создал неоднозначную ситуацию, допустившую легитимность проживания в указанных объектах без наделения лиц, проживающих в них, защитой с использованием инструментария жилищного законодательства.

Кроме того, в действующем законодательстве¹³ прямо закреплено, что предоставление гражданам для постоянного или временного проживания нежилых помещений не допускается. Это положение в большинстве своем и применяется в тех ситуациях, когда нежилые помещения предоставляются для проживания граждан, а кто-то из собственников или третьих лиц против такого заселения возражают. Для иллюстрации можно привести пример решения суда, в котором рассматривался спор о признании недействительным решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, в соответствии с которыми предусматривалось организация круглосуточной работы дежурного (консьержа) и использование для указанной цели общего имущества (помещений на первом этаже подъездов). Протоколами также было определено, что наемные сотрудники (консьержи) и члены их семей вправе проживать в данных помещениях. Руководствуясь вышеуказанной нормой федерального закона, суд посчитал, что по смыслу данных положений закона запрещено постоянное или временное проживание граждан в нежилых помещениях и удовлетворил требование о запрете проживания консьержей и иных лиц в нежилых помещениях¹⁴.

Вместе с тем, остается открытым вопрос о том, распространяется ли эта норма только на тех лиц, кому жилое помещение предоставляется в пользование или она применяется и тогда, когда речь идет о собственнике нежилого помещения. Ведь в ст. 23 говорится о недопустимости предоставления гражданам для постоянного или временного проживания нежилых помещений, а недопустимость заселения касается случаев вселения в жилые помещения, признанные непригодными для проживания.

Таким образом, в настоящее время, в законодательстве и правоприменении вопрос об использовании нежилых помещений для проживания, однозначно не решен как с точки зрения установления запретов и дозволений, так и с точки зрения ответственности за данные действия. Переоборудование нежилых помещений под цели проживания является достаточно распространенным явлением в последние годы, что требует более пристального внимания к указанным вопросам. Пока же складывается впечатление, что законодатель относится к подобной ситуации достаточно снисходительно, не поощряя, но и не высказывая негативного отношения к такому явлению. Это, в свою очередь, порождает расширение практики таких ситуаций и, что самое важное, создает неопределенность в оценке рисков наступления неблагоприятных последствий для лиц, использующих нежилые помещения для проживания.

Выводы

Резюмируя сказанное, следует отметить, что практика применения ст. 287.7 ГК РФ к нежилым помещениям только ее начинает складываться и пока наблюдается достаточно осторожный подход судебных инстанций к ее применению¹⁵. Это связано, как представляется, именно с тем обстоятельством, что вопрос о цели использования нежилых помещений недостаточно четко урегулирован законодательством и может вызывать неоднозначное толкование в правоприменительной практике. Закрепление вида разрешенного использования объектов капитального строительства в градостроительном законодательстве состоялось еще до того, как появилась анализируемая жесткая санкция, которая может привести к прекращению права собственности на ценный объект недвижимости. В свете существенного

¹³ Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1650.

¹⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 18 июня 2019 г. по делу № 33-23057/2019 (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Еще один пример, где суды отказали в удовлетворении иска о продаже с публичных торгов здания гаража, использовавшегося по мнению истцов не по целевому назначению. См.: Постановление арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28 июня 2024 г. по делу № А32-1034/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ужесточения санкции за нецелевое использование помещений науке и судебной практике еще предстоит сформулировать подходы к границе свободы усмотрения участников частноправовых отношений при использовании принадлежащих им объектов.

Список литературы

1. Дерюгина Т.В. Об основаниях и способах прекращения права собственности на недвижимость: комментарий последних изменений Гражданского кодекса РФ // Цивилист. – 2023. – № 5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Бандо М.В. О прекращении права собственности и иных вещных прав на бесхозно содержимые жилые помещения // Закон. – 2019. – № 12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Латыев А.Н. Пределы и формы частной автономии в соседских отношениях // Закон. – 2024. – № 10. – С. 17–28.
4. Подшивалов Т.П. Модели регулирования соседских отношений собственников смежных объектов недвижимости // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 5. – С. 36–39.
5. Филатова У.Б. Правовое регулирование соседских отношений в частном праве России: некоторые проблемы законодательства и правоприменения // Гражданское право. – 2019. – № 5. – С. 11–14.
6. Виниченко Ю.В. К вопросу о понятии соседского права // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-sosedskogo-prava> (дата обращения: 12.03.2025).
7. Иванов А.А. Новая глава 17.1 ГК о праве собственности на рукотворную недвижимость // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 7. – С. 43–57.
8. Емелькина И.А. Институт ограничения права собственности в пользу соседей (соседское право) в российском праве и в праве отдельных европейских стран // Вестник гражданского права. – 2016. – № 2. – С. 79–112.

References

1. Deryugina T.V. On the grounds and methods of termination of ownership of real estate: commentary on the latest amendments to the Civil Code of the Russian Federation // Civilist. – 2023. – № 5. SPS “ConsultantPlus”.
2. Bando M.V. On the termination of ownership and other property rights to mismanaged residential premises // Law. – 2019. – № 12. SPS “ConsultantPlus”.
3. Latyev A.N. Limits and forms of private autonomy in neighboring relations // Law. – 2024. – № 10. – S. 17–28.
4. Podshivalov T.P. Models of regulation of neighboring relations of owners of adjacent real estate objects // Family and housing law. – 2019. – № 5. – S. 36–39.
5. Filatova U.B. Legal regulation of neighboring relations in private law of Russia: some problems of lawmaking and law enforcement // Civil law. – 2019. – № 5. – S. 11–14.
6. Vinichenko Yu.V. To the question of the concept of neighboring law // Siberian Legal Bulletin. – 2011. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-sosedskogo-prava> (access date: 12.03.2025).
7. Ivanov A.A. New chapter 17.1 of the Civil Code on ownership of man-made real estate // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2022. – № 7. – S. 43–57.
8. Emelkina I.A. Institute for the Restriction of Property Rights in Favor of Neighbors (Neighbor Law) in Russian Law and in the Law of Certain European Countries // Bulletin of Civil Law. – 2016. – № 2. – S. 79–112.

Статья поступила в редакцию: 19.03.2025

Received: 19.03.2025

Статья поступила для публикации: 04.05.2025

Accepted: 04.05.2025

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИМУЩЕСТВА ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Челышева Наталья Юрьевна¹,

*канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: chelysheva-ny@ranepa.ru,*

Куклинова Елена Александровна¹,

e-mail: elena_kuklinova@mail.ru,

Куклинов Михаил Леонидович²,

e-mail: mkuklinov@mail.ru,

¹Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург, Россия,

²Институт экономики и управления ФГАОУ ВО УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

В данной статье рассматривается актуальная проблема правового режима имущества высших учебных заведений, освещены аспекты этой проблематики, включая различия в правовом статусе учреждений в зависимости от их типа (бюджетные, частные, автономные) и целей деятельности. В последние годы в России происходят значительные изменения в сфере высшего образования и управления имуществом учебных заведений. Новые законы и подзаконные акты могут влиять на правовой статус имущества, что требует постоянного мониторинга и анализа. В условиях ограниченного государственного финансирования высшие учебные заведения становятся все более зависимыми от собственных доходов, включая аренду и использование имущества. Это подчеркивает необходимость четкого определения правового статуса их имущества для эффективного управления и развития. Обоснована важность и необходимость четкого урегулирования прав и обязанностей высших учебных заведений в отношении имущества, формирования эффективного механизма доступа к государственным ресурсам, уточнения законодательства в этой области для развития высших учебных заведений. Раскрыта переменная и постоянная части природы модели отношений «собственник имущества – учреждение». Показана зависимость правового режима имущества от положения субъекта права на оперативном управлении.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: правовой режим, законодательство, высшее учебное заведение, субъект права, право управления, вещное право, имущество

LEGAL STATUS OF PROPERTY OF THE HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN RUSSIAN FEDERATION

Chelysheva N.Y.¹,

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: chelysheva-ny@ranepa.ru,*

Kuklinova E.A.¹,

e-mail: elena_kuklinova@mail.ru,

Kuklinov M.L.²,

e-mail: mkuklinov@mail.ru,

¹Ural Institute of Management-branch of the Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia,

²Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin», Yekaterinburg, Russia

This article describes the actual problem of the legal regime of the property of higher education institutions, highlights aspects of this issue, including differences in the legal status of institutions depending on their type (budgetary, private, autonomous) and the objectives of their activities. In recent years, Russia has been experiencing significant changes in the sphere of higher education and property management of the educational institutions. New laws and bylaws may affect the legal status of property, which requires constant monitoring and analysis. With limited government funding, higher education institutions are becoming increasingly dependent on their own income, including rental and use of property. This emphasizes the need to clearly define the legal status of their property for effective management and development. The importance and necessity of a clear regulation of the rights and obligations of higher education institutions in relation to property, the forming of an effective mechanism for access to public resources, and the clarification of legislation in this area for the development of higher education institutions are substantiated. The variable and constant parts of the nature of the "property owner-institution" relationship model are revealed. The dependence of the legal regime of property on the position of the legal entity in operational management is shown.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: legal regime, legislation, higher education institution, legal entity, management law, property law

Правовой статус имущества высших учебных заведений Российской Федерации представляет собой важную и многогранную проблему, требующую внимательного и комплексного рассмотрения. В условиях динамично меняющегося законодательства и экономической среды, правильное определение и регулирование правового статуса имущества вузов имеет решающее значение для их стабильного функционирования и развития. Анализ действующей нормативной базы показывает наличие ряда пробелов и противоречий, которые могут негативно сказаться на управлении активами высших учебных заведений (вузов). Успешное решение данных вопросов требует не только актуализации законодательства, но и внедрения инновационных подходов к управлению имуществом, что позволит вузам более эффективно использовать свои ресурсы и привлекать внешние инвестиции. Вопросы о том, кто является владельцем имущества (государство, учебное заведение или другие структуры), как осуществляется управление этим имуществом, имеют важное значение для функционирования вузов. Правильное правовое регулирование помогает избежать споров и конфликтов. Многие вузы внедряют новые подходы к использованию своей инфраструктуры, например: создание бизнес-инкубаторов, научных парков и т.д. Это требует пересмотра существующих норм и практик, чтобы обеспечить правовую поддержку таких инициатив. В условиях современного общества высшие учебные заведения сталкиваются с требованиями к повышению своей социальной ответственности и прозрачности. Правовой статус имущества может влиять на то, как вузы взаимодействуют с обществом и какие социальные проекты реализуют.

Анализ современного состояния законодательства в Российской Федерации показывает отсутствие согласованного понимания концепции права на оперативное управление имуществом вузов. Эволюция имущественных отношений в секторе высшего образования оказывает значительное влияние на основную деятельность высших учебных заведений. Проблематика правового статуса имущества вузов приобретает все большую актуальность. В данной связи особое внимание следует уделить специфике участия вузов в гражданских правоотношениях. Целью данного исследования является детальный анализ правового режима имущества вузов и выявление институциональных пробелов в данной области. В процессе исследования были применены методы документационного анализа, сравнительного анализа, а также методы анализа, синтеза и систематизации.

Исследования в области правовых режимов имущества привлекают значительное внимание в научном сообществе. В работах таких авторов, как Алексеев С.С., Малько А.В., Матузов Н.И. и Корельский В.М. рассматриваются природа и сущность правовых режимов, их виды и назначение. Особый интерес представляют работы Леонтьевой О.Б., Кваниной В.В., Насонкина В.В., Орачевой Е.А. и Чельшевой Н.Ю., касающиеся правового режима имущества вузов и вещных прав на имущество. Исследования Сябаревой И.Ф., Ахметьяновой З.А., Городиловой Ю.Л. и Шевелевой Н.А. подробно рассматривают

особенности правового режима имущества в вузах. Другие работы, например Белова С.А. [1], акцентируют внимание на коллективном использовании государственного имущества вузами, а Касперович С.А. исследует контрактацию вузов через концессии [2]. Отдельное внимание уделяется правовому режиму имущества вузов в связи с расширением их независимости, включая вещную автономию. В некоторых исследованиях [3–8] правовые отношения вузов анализируются с фрагментарной оценкой и без учета эволюции таких отношений в России, не рассматривая имущественные права вузов в их комплексе.

Рассматривая сферу высшего образования, следует отметить, что имущество, переданное вузу в качестве вклада (или взноса) учредительным органом (таким как местный Департамент образования, Правительство Российской Федерации или иные уполномоченные органы), а также то имущество, которое было приобретено и/или произведено данным субъектом права в процессе его деятельности, находятся в собственности этого субъекта права. Важным аспектом является и то, что учредительные органы утрачивают любые права собственности на имущество, которое было преобразовано (перечислено) в уставной капитал субъекта права после государственной регистрации организации в качестве юридического лица, считает В.А. Жилибина [5].

Гражданский кодекс Российской Федерации № 51 от 30.11.1994 (далее – ГК РФ) обращает нас к тому, что объектом права собственности выступает движимое и недвижимое имущество, исключением является то имущество, которое не может принадлежать субъекту права в соответствии с законом, считает В.С. Дерябина [6]. В случае, когда у субъекта права возникает имущество, которое не может ему принадлежать согласно закону, то право собственности автоматически аннулируется (прекращается) и такое имущество подлежит отчуждению в предусмотренной согласно ст. 238 ГК РФ процедуре. Важно отметить и особенности прекращения прав собственности субъектов права, которые напрямую связаны с реорганизацией юридических лиц, ликвидацией, выходом участников.

Внесенные в статью 238 ГК РФ [7] изменения направлены на уточнение и упрощение процедуры распоряжения имуществом, которое не было отчуждено собственником в установленный срок. Ключевые моменты, отраженные в новой редакции статьи, заключаются в следующем:

- *принудительная продажа имущества*. Например, если собственник не отчуждает имущество в сроки, указанные в п. 1 ст. 238 ГК РФ, то оно может быть принудительно продано по решению суда. Такое решение выносится по заявлению государственного органа или органа местного самоуправления;
- *возмещение собственнику*. Вырученные от продажи имущества средства передаются бывшему собственнику, что не ущемляет его финансовые интересы. Полученная при этом сумма может быть сокращена на величину расходов, связанных с интеграцией имущества в процесс отчуждения (например, затраты на проведение торгов, подготовку документов и прочие организационные аспекты);
- *передача в государственную или муниципальную собственность*. В случае, когда имущество не подлежит продаже, оно может быть передано в государственную или муниципальную собственность с последующим возмещением его стоимости, что будет установлено судом. Такой порядок представляется крайне важным при упорядочивании имущественных отношений (например, в контексте ненадлежащего использования земли);
- *учет затрат при сносе*. При передаче в государственную или муниципальную собственность земельного участка с самовольными постройками важно учесть расходы на снос или приведение этих построек в соответствие с нормами, что будет направлено на защиту интересов бюджета и предотвращение излишних расходов со стороны органов власти.

Если вузы в процессе своей самостоятельной хозяйственной деятельности приобрели имущество от своего имени, исходя из своей специальной правоспособности, то это имущество подлежит хозяйственному ведению или оперативному управлению, как указано в ст. 299 ГК РФ. Регистрация права хозяйственного ведения или права оперативного управления со стороны государства осуществляется на тех же основаниях, что и регистрация права собственности, включая такие документы, как договоры, разрешительные акты на ввод в эксплуатацию и судебные решения. В данном контексте права собственности на указанное имущество не требуют регистрации, так же как отсутствует необходимость в предварительной регистрации права государственной собственности [8].

Прежде чем углубиться в анализ особенностей правового режима имущества высших учебных заведений, целесообразно уточнить определения понятий «правовой режим» и «имущество». Термин

«имущество» представляет собой многогранную юридическую категорию, которая имеет различные интерпретации в нормативных актах. В различных контекстах ГК РФ имущество может восприниматься как отдельный объект или как совокупность материальных благ (ст. 133–135 ГК РФ). Вместе с тем, данное понятие обладает и иной природой, охватывающей имущественные права (ст. 301 и 303 ГК РФ). В рамках наследственного права имущество включает не только материальные объекты и права, но также обязательства, связанные с наследодателем (ст. 1112 ГК РФ). Важным аспектом является то, что в соответствии со статьей 209 ГК РФ собственник вправе по своему усмотрению совершать к принадлежащему ему имуществу любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать имущество в собственность другим лицам, передавать им права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами. В связи с вышеизложенным возникает необходимость проанализировать правовую природу имущества таких юридических лиц, как вузы.

Термин «право оперативного управления» был впервые представлен А.В. Венедиктовым [9] в рамках понятийно-категориального аппарата. В своей работе он показал, что социалистическое государство реализует право собственности через деятельность государственных органов по владению, использованию и, в некоторой степени, распоряжению имуществом. Позднее понятие «право оперативного управления» было законодательно закреплено в «Основах гражданского законодательства» 1961 года. Тем не менее, вопрос о сущности права оперативного управления остается актуальным и продолжает обсуждаться.

Условия осуществления права оперативного управления определяются типом юридического лица, организационно-правовой формой субъекта права, видом имущества, источником его получения, а также специальными полномочиями. Законодательство устанавливает ограничения для государственных и негосударственных вузов при выборе организационно-правовой формы.

Тем не менее, законодатель не предоставляет ясного описания характера данной деятельности, а также не устанавливает критерии и механизмы её реализации. По мнению Сябарева И.Ф., такая неопределенность открывает возможности для расширения списка видов деятельности, отраженных в уставах вузов [10]. Однако данная практика может привести к значительной коммерциализации функций вузов. В связи с изложенным возникает необходимость в более тщательном регулировании имущественных отношений в контексте «Закона об образовании в Российской Федерации» № 273 от 29.12.2012 года (далее – Закон об образовании в РФ). Следует четко определить права, которые могут быть задействованы для закрепления имущества, установить порядок и условия его отчуждения, а также разработать критерии, определяющие возможность реализации экономической деятельности вузов.

Согласно Закону Российской Федерации «О некоммерческих организациях» № 7 от 12.01.1996 (далее – Закон о некоммерческих организациях), платные образовательные услуги не квалифицируются как вид предпринимательской деятельности (в соответствии с п. 2 ст. 24). Норма ГК РФ, которая классифицирует платные услуги как предпринимательскую деятельность, противоречит положениям специального законодательства, включая Закон о некоммерческих организациях, что обуславливает необходимость согласования данной нормы с ГК РФ. Более того, положение Закона о некоммерческих организациях, допускающее трансформацию частных образовательных учреждений в коммерческие организации, является ошибочным в соответствии со статьей 11, так как это существенно изменяет основное предназначение вузов в сторону извлечения прибыли. Таким образом, Закон о некоммерческих организациях определяет платные образовательные услуги не предпринимательской деятельностью, однако норма Гражданского кодекса, квалифицирующая такие услуги как предпринимательские, может вступать в противоречие с положениями данного Закона. Здесь требуется юридическая согласованность этих норм. При этом возможность трансформации частных образовательных учреждений в коммерческие организации рассматривается как ошибочная, так как это может нарушать основное предназначение вузов и изменять их цели в сторону получения прибыли.

Правовой режим имущества вузов определяется на основе права оперативного управления или права хозяйственного ведения, в зависимости от юридических критериев субъекта права. В соответствии с положениями статьи 102 Закона «Об образовании в Российской Федерации» учреждения высшего образования принадлежат в собственности или на ином законе основании имущество, необ-

ходимое для осуществления образовательной деятельности, а также иной предусмотренной уставами образовательных организаций деятельности.

Вступление в силу новой редакции ст. 298 ГК РФ в 2011 году обусловило существенные изменения в правовом режиме имущества вузов. Данная редакция статьи уточняет содержание и порядок осуществления правомочий, связанных с распоряжением имуществом в соответствии с правом оперативного управления, в зависимости от типа образовательного учреждения. Следует подчеркнуть, что само наличие права оперативного управления не отражает в полной мере объем вещных прав, принадлежащих вузам. Вместе с тем, именно объем правоспособности и форма реализации данного права определяются правом оперативного управления, которым обладают исключительно правосубъектные вузы, наделенные необходимыми полномочиями для совершения юридически значимых действий в отношении своего имущества.

Юридическая конструкция правомочий вещного (имущественного) права оперативного управления включает в себя аспекты и характеристики правоотношений, которые проявляются в модели отношений «собственник имущества – учреждение». В рамках этой модели выражаются соответствующие права и обязанности субъектов в отношении имущества, находящегося на оперативном управлении. Правомочия субъекта права, не являющегося собственником имущества, в рамках этой модели отношений характеризуются принудительным характером в отношении собственника и вещным характером в отношении третьих лиц. Природа такой модели правоотношений, проявляющаяся в спектре прав и обязанностей, имеет как переменную часть (связанную с различными носителями прав оперативного управления), так и постоянную часть (описание ограниченности имущественных прав).

Переменная часть обусловлена типом вузов и приводит нас к пониманию того, какое лицо обладает правомочиями распоряжаться вверенным имуществом. Сущность вещного права на оперативном управлении включает в себя следующие допущения:

- порядок распоряжения вещным правом задается исключительно собственником имущества, что устанавливается за счет принятия и утверждения учредительных документов, принятия и утверждения прочих нормативных актов и т.д.;
- на каждое конкретное действие в отношении имущества требуется согласие на совершение такого акта со стороны собственника имущества;
- носитель ограниченного вещного права имеет возможность распоряжаться имуществом самостоятельно;
- до изъятия имущества из права оперативного управления никто не может им распоряжаться.

В первых двух случаях наблюдается исключительно функциональная дифференциация осуществления правомочий распоряжения имуществом между субъектами права оперативного управления и собственником данного имущества. Постоянная составляющая данной дифференциации обусловлена обязанностью собственника предоставить имущество во владение, пользование и распоряжение вузу, созданному для этих целей, а также правом собственника реквизировать избыточное, неиспользуемое или использующееся не по назначению имущество. В свою очередь, вуз обязуется осуществлять владение, распоряжение и использование имущества в рамках, установленных законом. В данном контексте правомочия распоряжения имуществом, находящимся в оперативном управлении, в отношении собственника носят обязательный характер исполнения.

Таким образом, вещное право оперативного управления можно рассматривать скорее как предпосылку для наделения субъектов права определенными вещными правомочиями в отношении имущества, принадлежащего собственнику, нежели как установленный конкретный правовой режим для данного имущества. Конкретный правовой режим будет зависеть от статуса субъекта права на оперативное управление в иерархии юридических лиц, а также от факторов, отражающих специфику правового статуса субъекта и характерные признаки имущества. Важно отметить, что процедура изменения типа вуза, например, его преобразование в казенное учреждение, определяется собственником имущества: Правительством Российской Федерации для казенных организаций или федеральных бюджетных учреждений; высшим органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации для казенных или бюджетных организаций; местной администрацией муниципального образования для муниципальных казенных или бюджетных организаций. Данный процесс осуществляется в соответствии с положени-

ями Закона о некоммерческих организациях. Для создания автономных учреждений путем изменения типа существующего бюджетного или казенного образовательного учреждения, а также для обращения этого процесса, применяются нормы Закона «Об автономных учреждениях» № 174 от 3.11.2006 г. (далее – Закон об автономных учреждениях).

Рассматривая бюджетные вузы, подобные учреждения обладают правом самостоятельного распоряжения имуществом, которое им было передано. Это включает доходы, имущество, полученное в результате осуществления хозяйственной деятельности с целью принесения дополнительных доходов (например, особо ценное движимое имущество), а также имущество, приобретенное с использованием средств собственника и закрепленное им. Правовой режим имущества автономных вузов сравнительно не отличается от правового режима имущества бюджетного вуза, за исключением некоторых особенностей, касающихся недвижимости. В случае правового режима имущества казенного вуза главным отличием будет наличие права на распоряжение доходами, полученными в ходе хозяйственной деятельности. В этом случае казенная организация имеет лишь возможность пользоваться данным имуществом, но не может распоряжаться им так же, как и иными доходами, поступающими в бюджет Российской Федерации. При этом казенная организация не несет обязательств по имуществу на оперативном управлении, а такую ответственность несет собственник, полностью принимая на себя субсидиарную ответственность.

Проведя анализ законодательства, регулирующего правовой режим имущества вузов, приходим к выводу, что отсутствует четко установленная правовая система в отношении имущества вузов. Это является причиной многочисленных дискуссий на практике. Однако с изменением вещной основы хозяйствования и финансового обеспечения вузов необходимо идти в ногу со временем и проводить образовательные реформации. Реформы всегда связаны с адаптацией вузов к быстро меняющейся окружающей среде.

Недавние события затронули 30 новых высших учебных заведений и 11 научных организаций, расположенных на территории Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей – в прошлом году эти организации стали частью федеральной собственности России и были переданы в ведение федеральных органов исполнительной власти России на основании подписанного Правительством Российской Федерации Распоряжения № 750-р от 29.03.2023¹. Это обстоятельство требует фундаментального исследования правового режима имущества вузов. Компетенции федеральных ведомств, которым были переданы данные организации, включают не только переименование организационно-правовой формы и утверждение уставов этих учреждений, но и установление государственных заданий, определение приоритетных направлений НИОКР и т.д. Такая интеграция, безусловно, влечет за собой образовательные реформы, которые признаются Президентом Российской Федерации приоритетными и важными. Над разработкой федеральных программ развития и финансирования для новых вузов ведется активная работа, что, безусловно, вызывает вопросы установления правового режима их имущества. Стоит также отметить, что с увеличением числа учрежденных государством вузов (что мы наблюдаем в случае новообразованных вузов и научных центров) и при ограниченности ресурсов возникает необходимость пересмотреть систему управления государственными вузами. Это включает пересмотр правил доступа к государственным имущественным и финансовым ресурсам.

Важным шагом на пути к совершенствованию правового статуса имущества высших учебных заведений является научно обоснованное формирование основных начал законодательства об экономической (в том числе, имущественной) основе деятельности высших учебных заведений. Первым из таких начал является разработка единой нормативной базы, регламентирующей владение, использование и управление имуществом вузов. Это поможет устранить пробелы и противоречия в существующих законах и подзаконных актах.

Во-вторых, необходимо ввести более гибкие механизмы управления имуществом, позволяющие учебным заведениям системы высшего образования самостоятельно распоряжаться частью своего имущества для привлечения дополнительных ресурсов, включая возможность создания коммерческих структур на базе вузов.

В-третьих, полагаем целесообразным ввести четкие определения различных категорий имуще-

¹ Дмитрий Чернышенко: В 2023 году запланирован ремонт 18 объектов науки и высшего образования новых регионов // Новости от 31 марта 2023. – URL: <http://government.ru/news/48132/> (дата обращения: 24.09.2024).

ства высших учебных заведений (основное, вспомогательное, арендованное, переданное в пользование и т.д.) для упрощения правового регулирования.

В-четвёртых, рекомендуем предусмотреть законодательные механизмы, поддерживающие инновационное использование имущества, такие как налоговые льготы для вузов, которые создают научные парки или бизнес-инкубаторы.

Таким образом, совершенствование правового статуса имущества вузов не только содействует укреплению их финансовой независимости и устойчивости, но и способствует повышению качества образования и научной деятельности в стране. В перспективе это позволит российскому высшему образованию занять более конкурентоспособные позиции на международной арене и обеспечить устойчивое развитие образовательной системы в целом.

Список литературы

1. Белов С.А., Соловьев А.А., Суязов В.В. Принцип коллективного пользования государственным имуществом вузов как гарантия права на образование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 453–468.
2. Касперович С.А., Шарпа Е.В. Концессия как форма управления имуществом учреждений профессионального образования Республики Беларусь // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – 2020. – № 19. – С. 365–373.
3. Рахвалова М.Н. Правовой режим имущества военной образовательной организации // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2019. – № 2(2). – С. 136–141.
4. Ефимова О.В. Особенности правового режима имущества учреждений // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2023. – № 2(69). – С. 64–68.
5. Жилибина В.А. Юридические лица: имущественный аспект. – Москва: Проспект, 2014. – С. 114.
6. Дерябина В.С. Право собственности в российском законодательстве. – Москва: Норма, 2015. – С. 67.
7. Петракова А.Ю. Юридические лица: правовой статус. – Москва: Юрайт, 2015. – С. 69.
8. Бараненков В.В. Гражданская правосубъектность военных организаций и правовые основы функционирования ведомственных систем юридических лиц: монография. – 2-е изд. перераб. – Москва: МПИ ФСБ России, 2007. – 198 с.
9. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948.
10. Сюбарева И.Ф. Правовое регулирование финансово-экономического механизма сферы образования: соотношение публичного и частного // Журнал российского права. – 2013. – № 10. – С. 28–34.

References

1. Belov S.A., Solov'ev A.A., Suyazov V.V. Princip kollektivnogo pol'zovaniya gosudarstvennym imushchestvom vuzov kak garantiya prava na obrazovanie // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment. – 2021. – T. 20, № 3. – S. 453–468.
2. Kasperovich S.A., Sharapa E.V. Koncessiya kak forma upravleniya imushchestvom uchrezhdenij professional'nogo obrazovaniya Respubliki Belarus' // Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshej shkoly. Filosofsko-gumanitarnye nauki. – 2020. – № 19. – S. 365–373.
3. Rahvalova M.N. Pravovoj rezhim imushchestva voennoj obrazovatel'noj organizacii // Voenno-pravovye i humanitarnye nauki Sibiri. – 2019. – № 2(2). – S. 136–141.
4. Efimova O.V. Osobennosti pravovogo rezhima imushchestva uchrezhdenij // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. – 2023. – № 2(69). – S. 64–68.
5. Zhilyabina V.A. Yuridicheskie lica: imushchestvennyj aspekt. – Moskva: Prospekt, 2014. – S. 114.
6. Deryabina V.S. Pravo sobstvennosti v rossijskom zakonodatel'stve. – Moskva: Norma, 2015. – S. 67.
7. Petrakova A.Yu. Yuridicheskie lica: pravovoj status. – Moskva: Yurajt, 2015. – S. 69.
8. Baranenkova V.V. Grazhdanskaya pravosub'ektnost' voennyh organizacij i pravovye osnovy funkcionirovaniya ведомstvennyh sistem yuridicheskikh lic: monografiya. – 2-e izd. pererab. – Moskva: MPI FSB Rossii, 2007. – 198 s.
9. Venediktov A.V. Gosudarstvennaya socialisticheskaya sobstvennost'. – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1948.

10. *Syubareva I.F.* Pravovoe regulirovanie finansovo-ekonomicheskogo mekhanizma sfery obrazovaniya: sootnoshenie publichnogo i chastnogo // *Zhurnal rossijskogo prava*. – 2013. – № 10. – S. 28–34.

Статья поступила в редакцию: 18.11.2024

Received: 18.11.2024

Статья поступила для публикации: 27.04.2025

Accepted: 27.04.2025

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОКАЗАНИЯ РАННЕЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В РОССИИ

Васильева Ксения Валерьевна^{1,2},

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: vasilyevasocpravo@gmail.com,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Московский международный университет, г. Москва, Россия

В статье рассматриваются частноправовые основы регулирования оказания ранней помощи детям «группы риска» по развитию ограниченных возможностей здоровья, а также детям с установленными ограниченными возможностями здоровья. Автор уделяет внимание нормам семейного и гражданского права, а также нормам права социального обеспечения в их частноправовом аспекте, при организации процесса оказания ранней помощи детям. В исследовании особенно подчеркивается комплексный характер ранней помощи не только исходя из правового регулирования нормами различных отраслей права, но и с позиций субъектного состава – получателями ранней помощи являются не только собственно дети с проблемами здоровья, но и члены их семей, круг которых не ограничивается родителями, а также иными законными представителями. Отдельное место в исследовании автором отводится анализу различных аспектов в сфере возможности использования цифровых и иных современных дистанционных технологий в процессе оказания ранней помощи.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, несовершеннолетний гражданин, ограниченные возможности здоровья, оказание услуг, ранняя помощь, семья, семейное право, социальное обслуживание, члены семьи

PRIVATE LAW ASPECTS OF PROVIDING EARLY ASSISTANCE TO CHILDREN WITH DISABILITIES IN RUSSIA

Vasilyeva K.V.^{1,2},

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: vasilyevasocpravo@gmail.com,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²Moscow International University, Moscow

The article discusses the private legal framework for regulating the provision of early assistance to “at-risk” children for the development of limited health opportunities, as well as to children with established disabilities. The author pays attention to the norms of family and civil law, as well as the norms of social security law in their private legal aspect, when organizing the process of providing early assistance to children. The study particularly emphasizes the complex nature of early assistance, not only from the perspective of legal regulation by the norms of various branches of law, but also from the perspective of the subject – the recipients of early assistance are not only children with health problems themselves, but also their family members, whose circle is not limited to parents, as well as other legal representatives. A special place in the study is given to the analysis of various aspects in the field of the possibility of using digital and other modern remote technologies in the process of providing early assistance.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: civil law relations, minor citizen, limited health opportunities, provision of services, early assistance, family, family law, social services, family members

Уже в течение длительного времени, с 2012 года, Россия является государством-участником Конвенции ООН «О правах инвалидов» (далее КПИ). С момента присоединения к КПИ законодательство России о социальной защите инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) подвергается кардинальной переработке с целью достижения его соответствия международным стандартам.

В КПИ особое внимание уделяется детям-инвалидам и их интеграции в «нормотипичное» общество с преодолением как средовых, так и отношенческих барьеров. Согласно ст. 7 КПИ, дети-инвалиды имеют право на самореализацию и на получение помощи, соответствующей инвалидности и возрасту, в реализации этого права.

Специалисты в области реабилитации детей-инвалидов во всем мире признают важность так называемой ранней помощи детям, ограниченные возможности которых стали видны в раннем возрасте, включая врожденные проблемы со здоровьем. Именно поэтому относительной новеллой российского законодательства о защите прав инвалидов является понятие ранней помощи детям с ОВЗ.

Понятие и комплексный характер ранней помощи

Основным федеральным нормативным правовым актом, посвященным защите прав инвалидов в России, является Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (с последними изменениями и дополнениями (далее Закон о защите инвалидов)). Понятие ранней помощи закреплено в ст. 9.3 Закона о защите инвалидов. Согласно указанной статье, ранняя помощь – это «комплекс мероприятий и услуг, реализуемых и оказываемых на междисциплинарной основе детям от рождения до трех лет (независимо от наличия инвалидности), которые имеют ограничения жизнедеятельности либо риск развития ограничений жизнедеятельности, и их семьям, способствующих содействию физическому и психическому развитию таких детей, их вовлеченности в естественные жизненные ситуации, позитивному взаимодействию таких детей и их родителей, таких детей и других непосредственно ухаживающих за такими детьми лиц, членов семьи в целом, социальной адаптации таких детей в среде сверстников, а также повышению компетентности родителей и других непосредственно ухаживающих за такими детьми лиц в целях комплексной профилактики детской инвалидности».

Из приведенного определения можно сделать ряд важных выводов, свидетельствующих о комплексном характере проблемы ранней помощи:

- ранняя помощь предоставляется не только детям, но и в целом семье, в которой родился и воспитывается ребенок «группы риска» по возникновению и развитию ОВЗ;
- мероприятия по ранней помощи детям могут быть начаты с момента рождения ребенка;
- целью мероприятий по ранней помощи должна быть максимальная инклюзия ребенка в «общество нормотипичных», даже если прогнозы по развитию ОВЗ подтверждаются;
- ранняя помощь должна быть основана на наличии у всех участников мероприятий по ее оказанию определенных компетенций, связанных с наличием знаний, умений, навыков и опыта в области воспитания, образования и развития детей с ОВЗ.

Основные задачи организации процесса ранней помощи детям, находящимся в группе риска по развитию ОВЗ, возлагаются на государство в лице уполномоченных органов исполнительной власти в сфере управления образованием и здравоохранением [1]. Однако нельзя признать, что вопросы оказания ранней помощи находятся исключительно в публично-правовом поле регулирования. Основу взаимодействия семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ, со специалистами – врачами, педагогами, специалистами по медицинской реабилитации – составляют доверительные и договорные отношения, которые можно назвать частноправовыми. Более того, можно признать, что основная нагрузка по осуществлению каждодневных мер ранней помощи детям ложится на членов семьи ребенка, в первую очередь на родителей (законных представителей) и ближайших родственников, включая пока еще несовершеннолетних братьев и сестер [2].

Частноправовую основу оказания ранней помощи, таким образом, составляют нормы семейного и гражданского права, а также нормы отраслей права, занимающих промежуточное положение между публичным и частным правом, – трудового права и права социального обеспечения.

Семейно-правовые аспекты ранней помощи

В основные начала российского семейного законодательства входит взаимопомощь и ответственность перед семьей всех ее членов, взаимная любовь и взаимное уважение (ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации, далее СК РФ). При этом регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Таким образом, защита прав и интересов детей с ОВЗ, которые могут родиться и воспитываться в любой семье, является приоритетной задачей семьи. Такие дети являются вдвойне малозащищенными, поэтому и в заботе взрослых членов семьи нуждаются вдвойне [3].

В обязанности родителей входит забота о здоровье, воспитании, образовании и всестороннем развитии (физическом, психическом, духовном, нравственном) своих детей (п. 1 ст. 63 СК РФ). Раннюю помощь при этом можно расценивать и как заботу о здоровье, и как заботу об образовании. Хотя и невозможно признать раннюю помощь исключительно образовательными мероприятиями, их можно расценивать как своеобразное «предобразование», то есть подготовку ребенка к интеграции в среду сверстников при посещении детского сада, а затем и школы [4]. Мероприятия ранней помощи могут затронуть период, когда ребенок начинает получать дошкольное образование в ясельной и первой младшей группе детского сада [5]. Однако если родители выбирают воспитание ребенка без прибегания к помощи дошкольной образовательной организации, ответственность за первые образовательные мероприятия в жизни ребенка ложится целиком на них, тем более что получение дошкольного образования допустимо в форме семейного образования (ч. 1 ст. 17 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (далее Закон об образовании)).

Расширенные права родителей в выборе форм и способов оказания ранней помощи детям, безусловно, отвечают интересам детей. Порой на практике родители проводят настоящий суровый «кастинг» специалистов, которые могут оказать помощь ребенку с ОВЗ качественно и при этом безопасно. Многие родители приобретают не только житейские, но даже и профессиональные компетенции в сфере ранней помощи, принимая решение получить дополнительное профессиональное образование в этой сфере. Однако не стоит забывать, что любая свобода должна иметь законные рамки. Выбор родителями форм и способов ранней помощи ребенку с ОВЗ не может противоречить способам воспитания детей, установленным ст. 65 СК РФ: способы воспитания детей не должны причинять вред их здоровью, а также должны категорически исключить пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбления или эксплуатацию детей [6].

Однако семья с ребенком с ОВЗ – это зачастую не только родители ребенка. В состав семьи могут входить и другие близкие родственники, связанные общим бытом, общим бюджетом, взаимными обязанностями и близко-доверительными отношениями. По статистике, в России достаточное количество многопоколенных семей, в которых вместе с ребенком и его родителями проживают бабушки и/или дедушки. Также у ребенка с ОВЗ могут присутствовать как старшие, так и младшие нормотипичные братья и сестры, при этом несовершеннолетние. Какова их роль в процессе оказания ранней помощи ребенку?

Психологические проблемы многопоколенных детей изучаются даже в школьном курсе обществознания и семейного воспитания. Специалистами отмечается, что старшее поколение в семье часто считает свое мнение единственно верным – буквально по всем вопросам, включая в первую очередь воспитание внуков. С бабушкой или дедушкой бывает действительно невозможно договариваться, даже если позиция о выборе форм и способов ранней помощи подтверждена профессиональным мнением врача и педагога. «Я лучше знаю, я же столько лет прожила!» – безапелляционно заявляет иная бабушка. Каков взгляд закона на происходящее в таком случае?

В соответствии с ч. 1 ст. 67 СК РФ, бабушка и/или дедушка имеют право только на общение с внуками, но не на участие в их воспитании. Полномочия по воспитанию внуков могут быть возложены на бабушку или дедушку только в случае, когда ребенок остается без попечения родителей и бабушка либо дедушка официально назначается опекуном ребенка в силу положений гл. 20 СК РФ. Из этого следует

вывод, что бабушки и дедушки могут высказать свое мнение по вопросу ранней помощи внуку или внучке – но окончательное решение и окончательная ответственность все равно лежит на родителях ребенка.

Необходимо ли привлекать несовершеннолетних братьев и сестер ребенка с ОВЗ к процессу оказания этому ребенку ранней помощи? СК РФ устанавливает, что у несовершеннолетних детей в семье есть только права, но пока не обязанности. Это не значит, что несовершеннолетний ребенок не имеет обязанностей вовсе – он имеет общегражданские обязанности, такие как, например, обязанность содержать свой «угол» в квартире или доме в чистоте и порядке (согласно нормам жилищного законодательства), беречь природу и памятники культуры и искусства (согласно Конституции), добросовестно осваивать образовательную программу (согласно Закону об образовании) и некоторые другие. Однако специальных семейно-правовых обязанностей у детей до восемнадцати лет нет. Более того, как нами было сказано выше, эксплуатация несовершеннолетних детей в вопросах, находящихся в компетенции взрослых (в случае ранней помощи – в компетенции родителей), запрещена законодательно. Поэтому лучшим участием братьев и сестер в ранней помощи ребенку с ОВЗ будет моральное участие, демонстрация принятия, любви и уважения к такому ребенку и его законным правам.

Но возлагать всю ответственность за раннюю помощь ребенку с ОВЗ на его родителей также неправомерно – хотя бы потому, что родители могут не обладать специальными знаниями, умениями, навыками и опытом ранней помощи. В этом случае свою роль играют отношения, устанавливаемые родителями ребенка со специалистами ранней помощи – врачами, педагогами, специалистами в сфере реабилитации, специалистами по социальной работе. В большинстве случаев основу таких правоотношений составляет договор, что является сферой регулирования гражданского права.

Гражданско-правовые аспекты ранней помощи

Действия специалистов по оказанию ранней помощи детям с имеющимися ОВЗ или риском ОВЗ представляют собой систематическую деятельность одних лиц по заказу и в интересах других лиц, при этом материального результата такая деятельность не имеет. Из этого можно сделать вывод, что эти действия по своей правовой природе представляют собой один из видов услуг – консультационные, медицинские, образовательные и другие подобные услуги.

Услуги в виде самой по себе полезной деятельности признаются объектом гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Деятельность по оказанию консультационных, медицинских и образовательных услуг регулируется положениями главы 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг». Это особенно актуально, если законные представители ребенка с ОВЗ выбирают «частный» путь обращения за ранней помощью при отсутствии соответствующих возможностей у государственных и муниципальных медицинских и образовательных организаций [7; 8].

Существенным условием договора о возмездном оказании услуг является его предмет. При этом следует учитывать, что получателем услуги является частное лицо или лица (ребенок или члены его семьи), не пользующиеся результатами оказания услуги в предпринимательских целях. Следовательно, подобный договор можно также отнести к договорам с участием потребителя и применением к нему положений Закона РФ от 07 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее ЗоЗПП). Согласно нормам ЗоЗПП, услуги, оказываемые потребителю, должны гарантировать право последнего на высокое качество (ст. 4) и безопасность (ст. 7) услуги, а также полную, необходимую, достоверную и «прозрачную» информацию о существовании самой услуги и ее исполнителе (в том числе если она требует наличия у исполнителя соответствующей квалификации – то в первую очередь о документах, подтверждающих эту квалификацию) (ст. 8, 10).

Исполнители услуг ранней помощи должны также понимать, что у заказчика имеется право в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора без объяснения причин. Единственным требованием исполнителя при этом может быть требование к заказчику оплатить фактически понесенные при этом расходы исполнителя (ч. 1 ст. 781 ГК РФ).

Немаловажным аспектом является и то, что договор об оказании ранней помощи может касаться сбора, обработки, хранения и возможной передачи информации о заказчике и членах его

семьи, в том числе информации о медицинских диагнозах ребенка с ОВЗ. Подобная информация является конфиденциальной в силу ряда норм неcodифицированных законов, в частности, Федерального закона от 21 ноября 2011 года №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» (ст. 13 «Соблюдение врачебной тайны») и Федерального закона от 27 июля 2006 года №152-ФЗ «О персональных данных» (ст. 7 «Конфиденциальность персональных данных»). Обязанность исполнителя сохранить режим конфиденциальности данных, полученных в ходе оказания услуг ранней помощи, также может быть обозначена любой из сторон (прежде всего заказчиком) в качестве существенного условия договора.

Социально-правовые аспекты оказания ранней помощи

Социальное законодательство России устанавливает особое понятие социальной услуги. Правовое регулирование оказания (предоставления) социальных услуг урегулировано Федеральным законом от 28 декабря 2013 года №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (далее Закон о социальном обслуживании). В соответствии со ст. 3 Закона о социальном обслуживании, социальной услугой признается действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности. Таким образом, ранняя помощь прямо соответствует понятию социальной услуги.

При этом ст. 20 Закона о социальном обслуживании устанавливает виды социальных услуг, а ст. 19 – формы социального обслуживания. Исходя из анализа содержания этих статей, услуги ранней помощи могут быть оказаны в первую очередь в виде социально-медицинских, социально-педагогических и социально-психологических услуг, а также услуг в целях повышения коммуникативного потенциала детей с ОВЗ. Если речь идет о развернутом консультировании семей, где родился или воспитывается ребенок раннего возраста с ОВЗ, ранняя помощь может включать в себя и социально-правовые услуги, потому что статистика показывает, что в ряде случаев родители ребенка с ОВЗ не осведомлены о своих правах и способах их реализации.

Услуги ранней помощи могут быть оказаны во всех трех формах социального обслуживания: на дому, в полустационарной (при явке в медицинскую или образовательную организацию в часы приема) или стационарной форме. Однако, учитывая приоритет семейного воспитания детей с ОВЗ, предпочтительно оказание услуг ранней помощи на дому и в полустационарной форме. Стационарная форма обслуживания целесообразна только при наличии строгих показаний, когда реабилитация на дому или в полустационарном учреждении невозможна.

Дистанционные и цифровые технологии при оказании ранней помощи

В современную эпоху цифровой трансформации всех сфер жизни российского общества возникает резонный вопрос, какую помощь ребенку с ОВЗ и его семье могут оказать современные технологии дистанционной работы.

По мнению автора, семья, где ребенку даже угрожает развитие ОВЗ, а тем более семья, где ОВЗ у ребенка уже стали установленным фактом, в первую очередь нуждается в признании и понимании, что к членам этой семьи и к ребенку не станут относиться как к «людям второго сорта», а окажут необходимую помощь и поддержку на равных. Достигнуть такого ощущения можно только в «живом» человеческом общении со специалистами [9].

Цифровые и иные дистанционные технологии могут, таким образом, выступить в качестве помощников специалистов, но никак не заменить специалистов. Тем не менее, в дистанционной форме может осуществляться консультирование по текущим вопросам ранней помощи, когда направление помощи и ее пошаговый план уже определены. Например, консультирование семьи по правовым вопросам ранней помощи может проводиться дистанционно.

Подводя итог исследования, проведенного в настоящей статье, автор считает целесообразным отметить, что ранняя помощь детям с имеющимися ОВЗ и угрозой ОВЗ является приоритетной государственной и общественной задачей. Однако по сей день еще не все меры поддержки могут быть представлены государственными и муниципальными организациями на бесплатной основе. Поэтому роль частноправовых норм регулирования ранней помощи, устанавливающих задачи, права и обязанности собственно семьи и частнопрактикующих специалистов, остается значительной.

Список литературы

1. *Бондарева Т.И.* Ранняя помощь детям и их семьям как приоритетное направление социальной политики // Новые контуры социальной реальности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (XII Северо-Кавказские социологические чтения). – Ставрополь, 2023. – С. 16–18.
2. *Ерекшеева В.А.* Ранняя комплексная помощь детям с ограниченными возможностями здоровья и их семьям // Человек. Социум. Общество. – 2023. – № S1. – С. 62–66.
3. *Алпатова Н.С., Долецкий А.Н.* Ранняя помощь детям с ограниченными возможностями здоровья, группы риска и их семьям: учебно-методическое пособие. – Москва: Планета, 2023.
4. *Коблова Г.А.* Ранняя помощь – психолого-педагогическая поддержка семьи // Информационно-образовательные и воспитательные стратегии в психологии и педагогике: сб. статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак, 2024. – С. 34–38.
5. *Приходько О.Г., Югова О.В.* Ранняя помощь детям с ОВЗ – начальный этап инклюзивного образования // Альманах института коррекционной педагогики. – 2023. – №52 (5). – С. 93–101.
6. *Павлова С.В. и др.* Ранняя помощь детям и их семьям: начальный этап формирования нормативного правового регулирования // Ранняя помощь и сопровождение: сб. статей ежегодной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 25–31.
7. *Лорер М.В., Малькова С.В.* Ранняя помощь детям и их семьям: учебное пособие. – Санкт-Петербург: Типография Лесник, 2024.
8. *Марущак Е.Б., Игнатенко О.Е.* Ранняя помощь детям, имеющим ограничения жизнедеятельности, и их семьям: учебное пособие. – Новосибирск: изд. НГПУ, 2024.
9. *Бенграф Т.С., Прочухаева М.М.* Цифровая система управления и анализа данных в городском сервисе ранней помощи Москвы // Ранняя помощь и сопровождение: сб. статей ежегодной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 94–100.

References

1. *Bondareva T.I.* Early assistance to children and their families as a priority area of social policy // New contours of social reality. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (XII North Caucasian sociological readings). – Stavropol, 2023. – Pp. 16–18.
2. *Ereksheeva V.A.* Early comprehensive assistance to children with disabilities and their families // Man. Society. Society. – 2023. – No. S1. – Pp. 62–66.
3. *Alpatova N.S., Doletsky A.N.* Early assistance to children with disabilities, risk groups and their families. Study guide. – Moscow: Planeta, 2023.
4. *Koblova G.A.* Early assistance – psychological and pedagogical support for the family // Information, educational and educational strategies in psychology and pedagogy. Collection of articles based on the results of the International scientific and practical conference. – Sterlitamak, 2024. – Pp. 34–38.
5. *Prihodko O.G., Yugova O.V.* Early assistance to children with disabilities – the initial stage of inclusive education // Almanac of the Institute of Correctional Pedagogy. – 2023. – No. 52 (5). – Pp. 93–101.
6. *Pavlova S.V. et al.* Early assistance to children and their families: the initial stage of the formation of normative legal regulation // Early assistance and support. Collection of articles of the annual scientific and practical conference. – Saint Petersburg, 2023. – Pp. 25–31.
7. *Lorer M.V., Malkova S.V.* Early assistance to children and their families. Study guide. – Saint Petersburg: Lesnik Printing House, 2024.
8. *Marushchak E.B., Ignatenko O.E.* Early assistance to children with disabilities and their families. Study guide. – Novosibirsk: NGPU Publishing House, 2024.

9. *Bengraf T.S., Prochuhaeva M.M.* Digital data management and analysis system in the Moscow city early assistance service // Early assistance and support. Collection of articles from the annual scientific and practical conference. – Saint Petersburg, 2023. – Pp. 94–100.

Статья поступила в редакцию: 01.05.2025

Received: 01.05.2025

Статья поступила для публикации: 16.05.2025

Accepted: 16.05.2025

ПРИЧИНЫ РОСТА ЧИСЛЕННОСТИ ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ, В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Геранин Виталий Владимирович¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: gvvrzn@mail.ru,

Мальцева Светлана Николаевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

Заключение под стражу относится к мерам пресечения, при избрании которых наиболее остро сталкиваются интересы сторон участников уголовного судопроизводства. Несмотря на объективно присущие ему недостатки, выражающиеся, прежде всего, в ограничении важнейших прав человека, заключение под стражу по-прежнему продолжает оставаться безальтернативной мерой при расследовании наиболее общественно опасных деяний.

Свидетельством актуальности проблемы является неоднократное (свыше 40 раз!) внесение законодателем изменений и дополнений в статьи УПК, регулирующие основания назначения и сроки содержания под стражей. К разъяснению их конституционно-правового смысла обращался и Конституционный суд РФ. Статистические данные последних лет свидетельствуют о неуклонном снижении количества зарегистрированных преступлений в стране, сократившихся за 15 лет более чем на 1 млн. Вопреки этому в последние годы число лиц, содержащихся под стражей в СИЗО и ПФРСИ УИС Минюста России, возросло. Причем, рост продолжался, несмотря на ежегодное снижение количества удовлетворенных судами ходатайств об избрании данной меры пресечения.

По мнению авторов, основная причина данного явления обусловлена продолжающимся «утяжелением» структуры преступности и вызванной этим тенденцией увеличения продолжительности срока содержания под стражей как до максимально допустимого, так и сверх его.

В статье авторы широко используют статистические данные, представленные как на официальных сайтах различных ведомств, так и результаты двух последних специальных переписей осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в анализе которых принимали непосредственное участие.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: свобода, меры пресечения, заключение под стражу, уголовная ответственность, следственный изолятор, заключенный под стражу, специальная перепись

THE REASONS FOR THE INCREASE IN THE NUMBER OF PERSONS IN CUSTODY IN THE MODERN PERIOD

Geranin V.V.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: gvvrzn@mail.ru,

Maltseva S.N.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, branch in Ryazan, Ryazan, Russia

Detention refers to preventive measures, in the election of which the interests of the parties involved in criminal proceedings most acutely clash. Despite its objectively inherent shortcomings, expressed primarily in the restric-

tion of essential human rights, detention continues to be an uncontested measure in the investigation of the most socially dangerous acts. The evidence of the urgency of the problem is repeated (over 40 times!) introduction by the legislator of amendments and additions to the articles of the CPC regulating the grounds for appointment and terms of detention. The Constitutional Court of the Russian Federation also addressed the clarification of their constitutional and legal meaning. Statistical data from recent years indicate a steady decrease in the number of registered crimes in the country, which has decreased by more than 1 million in 15 years. Contrary to this, in recent years the number of persons detained in pre-trial detention centers and pre-trial detention facilities in the context of the penal enforcement system of the Ministry of Justice of the Russian Federation has been increasing. Moreover, the growth continued, despite the annual decrease in the number of applications granted by the courts for the election of this preventive measure. According to the authors, the main reason for this phenomenon is due to the continued “aggravation” of the crime structure and the resulting tendency to increase the length of detention both to the maximum permissible and beyond it. The authors make extensive use of statistical data in the article, presented on the official websites of various departments, as well as the results of the last two special censuses of convicts and persons in custody, in the analysis of which they were directly involved.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: freedom, preventive measures, detention, criminal liability, pre-trial detention center, prisoner in custody, special census

Согласно знаменитой триаде английского теоретика естественных прав Дж. Локка о естественных и неотчуждаемых правах, человеку в первую очередь принадлежат жизнь, свобода и собственность [1, с. 310]. Лишение или ограничение человека этих основополагающих для любого цивилизованного общества прав может быть обусловлено лишь угрозой безопасности самого общества (государства) и установленных в нем законов, обеспечивающих жизнедеятельность проживающих на его территории лиц.

Свобода, она как воздух – естественна и незаметна, а потребность в ней начинает ощущаться тотчас же после утраты. В шкале общечеловеческих ценностей свобода следует сразу после жизни, поскольку если жизнь является безоговорочным условием существования всех остальных ценностей, то свобода наполняет ее смыслом. Не случайно и в высшем законе нашего государства право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ) провозглашается вслед за установлением права каждого на жизнь (ст. 20).

В то же время невозможно представить существование общества, в котором свобода была бы абсолютной. В своем известном произведении «Левиафан» один из основателей современной политической философии Т. Гоббс подчеркивал, что до общественного договора, в результате которого возникает государство, люди, имманентно настроенные довольно враждебно друг к другу, находятся в состоянии «войны всех против всех». И только Левиафан (государство) в состоянии предотвратить хаос, насилие и защитить их самих от себя, используя предоставленные ему полномочия. Люди при этом добровольно жертвуют своей «естественной» свободой в пользу публичной власти, которая взамен обеспечивает им защиту и безопасность [2, с. 85–87, 119].

То есть, обеспечивая правопорядок, а также права и законные интересы граждан, государство в ряде случаев не только вправе, но и обязано прибегать к насилию (принуждению). Главным образом правоохранительная функция государства, связанная с применением принуждения, проявляется в связи с совершением или подозрением на совершение гражданами противоправных действий. Опираясь на нормы федеральных законов криминального цикла, власть вправе ограничить, в том числе, конституционные права граждан, включая право на свободу.

Наиболее жестким проявлением реакции со стороны государства на противоправное поведение граждан выступает уголовное наказание, одним из видов которого является лишение свободы. К наиболее очевидным признакам этого наказания справедливо относят отсутствие свободы передвижения, обусловленное обязанностью постоянного пребывания осужденного в специально создаваемом государством учреждении – то, что охватывается понятием «изоляция от общества». Если исходить лишь

из данного признака, то по вытекающим из него правоограничениям такая мера пресечения, как заключение под стражу, практически не отличается от лишения свободы. По существу, будучи изолированным от общества, заключенный под стражу претерпевает сходные с лишением свободы ограничения. Однако, как справедливо подчеркивал профессор А.И. Зубков, по сравнению с исправительными учреждениями задачи, реализуемые следственными изоляторами, «далеко не равнозначны и в качестве оснований их применения имеют различную правовую природу» [3, с. 49]. В силу чего правовой статус лишенных свободы и содержащихся под стражей не совпадает по многим параметрам. И, прежде всего, по основаниям их изоляции от общества и целям, преследуемым при помещении в специальное государственное учреждение.

Учитывая, что осужденный – это преступник, вина которого доказана обвинительным приговором суда, а заключенный под стражу – гражданин, лишь обоснованно подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления, государство в лице своих специальных органов в каждом случае применения заключения под стражу вынуждено решать дилемму: чьи интересы важнее – общества, или отдельного человека. Провозглашая права и свободы человека высшей ценностью (ст. 2), Конституция РФ вместе с тем предусматривает при необходимости возможность их ограничения (ч. 3 ст. 55). История нашего государства свидетельствует, что во все времена общественные, государственные интересы превалировали. Следует признать, что такой подход единственно верный при необходимости не только обеспечения суверенитета и независимости государства, но и для поддержания в нем общественной безопасности и правопорядка.

Меры пресечения исторически тесно связаны с уголовным наказанием, и длительное время развивались в рамках одной отрасли права. Собственно, они и предназначены для обслуживания, обеспечения уголовного права и законодательства.

Заключение под стражу является наиболее строгой из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ. Отношение же к ней участников уголовного судопроизводства, представляющих разные стороны, полярны: их интересы в процессе сталкиваются наиболее остро.

Позиция стороны обвинения, ратующей за максимально широкое применение заключения под стражу, обусловлена тем, что оно является самым действенным превентивным средством из предусмотренных УПК РФ мер пресечения. Кроме того, с точки зрения правоохранительных органов, благодаря ряду своих сущностных особенностей заключение под стражу более всего способствует достижению конечной цели расследования – раскрытию преступления.

Поэтому «крайне редко следствие или дознание предлагает суду избрать подозреваемому, обвиняемому меру пресечения в виде домашнего ареста или залога» [4].

Противоположного мнения о нем придерживается сторона защиты, поскольку изоляция от общества влечет не только лишение человека свободы, но и ограничивает его в использовании многих иных важных прав и благ. А в том случае, если заключенный под стражу является предпринимателем, данная мера причиняет ущерб уже не только его семье и близким, но и иным людям – работникам принадлежащего ему предприятия.

Об остроте и актуальности проблемы свидетельствует то, что с момента вступления УПК РФ в силу, законодатель внес свыше 40 изменений и дополнений в статьи 108 и 109 (основания назначения и сроки содержания под стражей). Дважды к разъяснению конституционно-правового смысла отдельных частей названных статей обращался в своих постановлениях и Конституционный Суд РФ.

Проблемы противодействия преступности – одна из приоритетных целей Российского государства. Для ее достижения не только законодатель, правоохранительные органы, но иные государственные органы и общественные объединения предпринимают разносторонние меры. И данная целенаправленная деятельность приносит свои плоды. Так, за последние 15 лет число зарегистрированных преступлений в России снизилось более чем на один миллион (2994,8 тыс. в 2009 г. и 1947,2 тыс. в 2023 г.).

В то же время у специалистов вызывает вопросы то, что в противовес этой, несомненно, позитивной направленности современного состояния преступности, наполняемость СИЗО и ПФРСИ в последние годы приобрела обратную тенденцию. Как отмечено в ФЦП «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2030 годы)» в период с 2018 по 2023 годы численность лиц, содержащихся под

стражей, последовательно возрастала: со 105,8 тыс. на 1 января 2018 г. до 110,4 тыс. на 1 января 2023 г.¹ По логике состояние преступности и применение мер пресечения, включая заключение под стражу, соотносятся между собой по принципу сообщающихся сосудов: чем выше число зарегистрированных преступлений, тем большее количество подозреваемых и обвиняемых должно находиться под стражей. И наоборот. В данной же ситуации процесс шел вопреки логике.

Однако по итогам 2023 г. число подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в СИЗО и ПФРСИ, неожиданно снизилось до 106,2 тыс. Столь резкое сокращение числа содержащихся под стражей (около 4 % в течение одного года), обусловлено, по меньшей мере, двумя причинами. Во-первых, 2023 год подтвердил сохранявшуюся в течение последних пяти лет тенденцию снижения в судах общей юрисдикции количества как поступивших в производство, так и удовлетворенных ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Таблица 1 – Количество окончанных производством и удовлетворенных ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судами общей юрисдикции²

Год	Окончено производством	Удовлетворено ходатайств	Доля удовлетворенных	Отказано в удовлетворении	Доля отказанных
2019	106045	94632	89,2	10233	9,6
2023	94576	82480	87,2	10877	11,5

Если уменьшение числа поступивших и, соответственно, удовлетворенных ходатайств еще можно связать с зависимостью от снижения зарегистрированных в стране преступлений, то сокращение доли удовлетворенных и рост доли отказанных в удовлетворении ходатайств указывает на определенный поворот в судебной практике.

Во-вторых, все ощутимее стало сказываться принятие ФЗ от 23.03.2024 № 64-ФЗ³, внесшего изменения в УК РФ и УПК РФ. Согласно им, при заключении контракта о прохождении военной службы в период мобилизации лицом, в отношении которого предварительное расследование было приостановлено по ходатайству командования воинской части, уголовное преследование прекращается. Избранная в отношении него мера пресечения, включая заключение под стражу, отменяется. Впоследствии соответствующие изменения были внесены и в ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»⁴.

То есть, снижение избрания судами меры пресечения в виде заключения под стражу, находится в прямой зависимости от все возрастающего количества освобождений от уголовной ответственности на основании заключения подозреваемыми и обвиняемыми контракта о прохождении военной службы. Включение же суда в число субъектов, принимающих решение об освобождении от уголовной ответственности в связи с заключением такого контракта⁵, должно еще больше сказаться на сокращении контингента СИЗО и ПФРСИ.

Таким образом, если не считать итоги 2023 года, во время которого в процесс роста наполняемости СИЗО и ПФРСИ вмешался непредвиденный элемент в виде возникновения возможности заключения контрактов о прохождении военной службы, длительное время сохранялась парадоксальная ситуация. С одной стороны, при ежегодном сокращении числа зарегистрированных преступлений и лиц, их совершивших, а также снижении числа удовлетворенных ходатайств об избрании меры пресечения под стражу при одновременном росте отказов в таких ходатайствах, с другой стороны – контингент заключенных под стражу не только не сокращался, а напротив, возрастал.

¹ О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2030 годы)»: Постановление Правительства РФ от 06.04.2018 № 420 (ред. от 23.01.2023) // Собрание законодательства РФ. – 16.04.2018. – № 16 (Ч. II). – Ст. 2374.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019, 2023 г. / Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 25.03.2024. – №13. – Ст. 1687.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.06.2023 № 269-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 26.06.2023. – № 26. – Ст. 4677.

⁵ О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 02.10.2024 № 340-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 07.10.2024. – № 41. – Ст. 6065.

Для понимания причин существования такой коллизии обратимся к некоторым ключевым характеристикам лиц, содержащихся в СИЗО.

При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суды, прежде всего, обращают внимание на тяжесть совершенного преступления. Или, другими словами, насколько опасно будет данное лицо для общества, если избрать ему меру пресечения, не связанную с изоляцией. Рассматривая данный показатель в динамике за последнюю почти четверть века, обнаружим следующие изменения (см. таблицу 2) [5, с. 46; 6, с. 33].

Таблица 2 – Распределение подозреваемых и обвиняемых в зависимости от категории вменяемых им в вину преступлений

Категория преступления	Доля (%)	
	перепись 1999 г.	перепись 2022 г.
Небольшой тяжести	3,7	10,4
Средней тяжести	17	25,0
Тяжкие	74,7	37,1
Особо тяжкие	4,6	27,3
Итого	100	100

По сравнению с результатами переписи осужденных и лиц, находящихся под стражей, конца XX века и последней из проведенных, наибольший контраст представляет соотношение подозреваемых и обвиняемых в совершении тяжких преступлений: с трех четвертей их доля сократилась до примерно одной трети. Вследствие этого выросли все остальные показатели: небольшой тяжести – почти в 3 раза, средней тяжести – в 1,5 раза. Но особо впечатляет рост подозреваемых и обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений – в 6 раз.

Несмотря на то, что при избрании меры пресечения учитываются также обстоятельства, предусмотренные статьями 97 и 108 УПК РФ, можно предположить, что главным все же является тяжесть совершенного преступления.

Согласно показателям, представленным на портале правовой статистики Генпрокуратуры РФ, отчетливо прослеживается тенденция «утяжеления» структуры преступности (см. таблицу 3).

Таблица 3 – Распределение зарегистрированных лиц, совершивших преступления в 2022 г. в зависимости от категории преступлений⁶

Зарегистрировано лиц, совершивших преступления	Удельный вес в %	+/- к АППГ	Динамика
Особо тяжкие	5,2	+4,7	Рост последние 3 года
Тяжкие	19,3	+0,7	Рост последние 3 года
Средней тяжести	22,5	-5,5	Снижение последние 7 лет
Небольшой тяжести	53,0	-4,7	Снижение последние 7 лет

На продолжающийся рост тяжких и особо тяжких преступлений указывают и данные МВД РФ, согласно которым в 2023 г. и за 9 мес. 2024 г. их суммарный удельный вес возрос, соответственно, еще на 3 и на 2 процента (по ср. с АППГ), составив около одной трети от всех зарегистрированных преступлений⁷.

То есть, продолжающееся снижение количества зарегистрированных преступлений сопровождается ростом их тяжкой и особо тяжкой части. Это, безусловно, влияет на позицию суда при выборе меры пресечения: чем опаснее преступление, в совершении которого подозревается или обвиняется лицо, тем более строгая ему избирается мера пресечения и тем с большим основанием суды удовлетворяют ходатайства органов уголовного преследования. По итогам 2023 г. было удовлетворено хода-

⁶ Портал правовой статистики. – URL: http://crimestat.ru/offenses_table. В связи с доработкой функциональности портала правовой статистики размещение статистических данных за 2023 и 2024 годы на сайте Генпрокуратуры РФ приостановлено.

⁷ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года и январь – сентябрь 2024 года / МВД РФ [сайт]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/>; <https://мвд.рф/reports/item/56672721/>.

тайств об избрании заключения под стражу в 87 % случаев (см. таблицу 1). На преобладание среди заключенных под стражу лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, указывают и другие авторы [7, с. 60; 8, с. 40].

Но еще чаще суды шли навстречу инициаторам ходатайств о продлении сроков содержания под стражей: на протяжении последних пяти лет (2019 – 2023 гг.) суды удовлетворяли такие ходатайства в среднем в 97 % случаев, а отказывали только в 2 %⁸. Тенденция сохраняется и по итогам 6 месяцев 2024 года⁹.

Напомним, что в соответствии с ч. 1 ст. 109 УПК РФ продление срока содержания под стражей свыше 6 месяцев может быть осуществлено только в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. И это первый из факторов, обуславливающих рост лиц, содержащихся под стражей. Если в 2009 г. (согласно проведенной в то время специальной переписи) свыше 6 мес. под стражей содержалось 20,3 %, то по специальной переписи 2022 г. – 35,3 % [5, с. 48; 6, с. 32]. Разумеется, в настоящее время ситуация с переполненностью в СИЗО не «критическая», какой она была охарактеризована в постановлении Совета Федерации РФ от 24.12.1998 г. На тот момент следственные изоляторы по стране были переполнены почти в 1,5 раза от установленного лимита, а около 100 тысяч содержащихся в них лиц не имели даже спальных мест¹⁰. К тому же за истекший период были приняты и реализованы несколько федеральных целевых программ по строительству и реконструкции следственных изоляторов, а для разгрузки СИЗО с 2005 г. при исправительных учреждениях начали создаваться помещения, функционирующие в режиме следственных изоляторов (ПФРСИ). Тем не менее, размер санитарной площади, приходящейся на одного человека, в отдельных субъектах РФ все еще не соответствует установленным нормам.

Вторым из основных факторов, препятствующим снижению численности лиц, содержащихся под стражей, является увеличение более чем в два раза доли лиц, которым срок содержания продлялся до максимального, и более чем в 3 раза – свыше максимального (по результатам специальных переписей 2009 и 2022 гг.) [5, с. 52; 6, с. 41].

Согласно ч. 3 ст. 109 УПК РФ максимальный срок содержания под стражей (до 18 месяцев) может быть продлен лишь в исключительных случаях и только в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений. Сверх того, в части четвертой установлен императив, согласно которому дальнейшее продление срока недопустимо, а подвергнутое данной мере пресечения лицо должно быть незамедлительно освобождено из-под стражи. Однако из этого общего правила предусмотрены исключения. Они, так или иначе, связаны с оставлением пребывания лица в следственном изоляторе даже после истечения 18 месяцев.

Первое исключение обусловлено предоставлением обвиняемому дополнительной гарантии на законное и справедливое правосудие и закреплено в ч. 3 ст. 217 УПК РФ, согласно которой обвиняемому и его защитнику предоставляется право на ознакомление с материалами уголовного дела. Цель данного права состоит как в том, чтобы сторона защиты начала целенаправленно готовиться к прениям со стороной обвинения во время судебного разбирательства, так и в предоставлении ей достаточного времени на обнаружение возможных ошибок, противоречий, неисследованных доказательств в уголовном деле.

Первоначально сторона защиты могла знакомиться с материалами уголовного дела без ограничений во времени. Однако затем, столкнувшись с неоднократными случаями злоупотребления данной возможностью, законодатель предоставил суду право ее ограничить в случае явного затягивания времени ознакомления. Значимость этой поправки особенно актуализировалась после того, как в 2018 г. была установлена кратность времени содержания под стражей к отбыванию наказания в виде лишения

⁸ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019–2023 гг. / Раздел 4: Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>.

⁹ Статистическая отчетность о деятельности судов за 1-е полугодие 2024 года. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>.

¹⁰ О мерах по обеспечению условий содержания лиц, находящихся в следственных изоляторах и тюрьмах уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации: Постановление Совета Федерации Федерального собрания РФ от 24.12.1998 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901723754>.

свободы в некоторых исправительных учреждениях. Так, по сравнению с переписью 2009 г. в 2022 г. продолжительность ознакомления обвиняемого с материалами дела на срок, превышающий полгода, выросла в 2,3 раза. Соответствующая реакция судов была ожидаемой: по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2022 г. в случаях безосновательного затягивания обвиняемыми времени на ознакомление с материалами дела, суды в 4186 случаях (67,4 % от окончанных производством) устанавливали для этого определенный срок¹¹. В 2020 г. их доля составляла 65,2 %.

Второе исключение обусловлено процессуальными особенностями уголовного судопроизводства. По существу, УПК РФ предусматривает два вида оснований пребывания под стражей: первый – для двух начальных стадий уголовного судопроизводства (досудебных) и второй – для последующих (судебных). Вследствие этого общий запрет на содержание под стражей свыше 18 месяцев распространяется лишь на досудебную стадию. Для судебной же стадии предельного срока содержания под стражей не предусмотрено. Отметим, что стадии уголовного процесса – скорее научные категории, поскольку их полный перечень в законодательстве не закреплён, не перечислены основания перехода из одной стадии в другую, не закреплены субъекты, участвующие на той ли иной стадии и т.д. Тем не менее, закон упоминает некоторые из них (ст. 106, 241, 259, 281, 348, 389.20 УПК РФ).

Нередки случаи, когда дело по завершении расследования направляется в суд, но затем возвращается прокурору для устранения обнаруженных процессуальных нарушений, не позволяющих рассматривать его по существу. Несмотря на то, что уголовное дело вновь находится у органов, ведущих предварительное расследование, само уголовное судопроизводство в этом случае от досудебных стадий перешло в судебные. Соответственно, нормы УПК РФ, устанавливающие ограничения предельного срока содержания под стражей для досудебных стадий, более не действуют и суды вправе продлять его свыше 18 месяцев. В результате необходимости проведения дополнительных следственных действий, а затем повторного ознакомления стороны защиты с материалами дела, процесс устранения замечаний суда может продолжаться годами. Обвиняемый, перешедший в статус подсудимого, все это время продолжает находиться под стражей.

Конституционный Суд РФ назвал данное основание продления срока содержания под стражей «особым случаем», при котором «положения статей 109 и 255 УПК Российской Федерации не предполагают включения времени содержания под стражей на стадии предварительного расследования в срок содержания под стражей на судебной стадии, как и наоборот»¹².

В то же время в целях «соблюдения баланса публичных интересов, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства»¹³, законодатель стремится решить создавшееся противоречие: установить предел времени заключения под стражей, при одновременном предоставлении суду возможности продлять его неограниченное число раз. Таким образом, если заключение под стражу уже избиралось лицу на досудебных стадиях, то с момента поступления уголовного дела в суд и до вынесения приговора закон на срок содержания под стражей устанавливает ограничение в 6 месяцев (ч. 2 ст. 155 УПК РФ). Тем самым соблюдаются интересы стороны защиты. Вместе с тем, часть третья этой же статьи наделяет суд правом неоднократно продлять срок содержания под стражей, но каждый раз не более чем на 3 месяца. В этом случае учитываются публичные интересы. Особо подчеркнем, что продления допускаются только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2023 г. число дел, рассматривавшихся судами свыше 1 года, составило 18758 дел (17534 – АППГ), в т.ч. свыше 3-х лет 1695 (1294 – АППГ)¹⁴. Соответственно, эти десятки тысяч лиц содержались и продолжают содержаться под стражей уже в статусе не обвиняемых, а подсудимых.

¹¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. / Раздел 4: Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П. – URL: <https://www.pravo.gov.ru>.

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.02.2022 № 6-П. – URL: <https://www.pravo.gov.ru>.

¹⁴ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 и 2023 гг. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Содержание под стражей ограничивает наиболее важные права и свободы человека, что обоснованно классифицирует его как самую строгую из предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством меру пресечения. В силу ряда своих сущностных особенностей заключение под стражу нередко выступает по существу безальтернативной мерой, применяемой в отношении подозреваемых или обвиняемых, когда избрание иной, более мягкой меры пресечения, исключено. Несмотря на присущие ему объективные недостатки, в обозримом будущем заключение под стражу продолжит оставаться в качестве одной из наиболее востребованных мер процессуального принуждения.

2. Несмотря на уменьшение в течение 15 лет количества зарегистрированных преступлений в стране, наполняемость следственных изоляторов в последние годы приобрела обратную тенденцию. Вопреки ожидаемому и естественному снижению численности подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, корреспондирующему общему сокращению количества зарегистрированных преступлений, наполняемость следственных изоляторов росла, что не могло не привлечь внимания исследователей. По мнению авторов, аномальность данного явления вызвана, прежде всего, приростом в течение ряда последних лет доли тяжких и особо тяжких преступлений в структуре преступности. Как следствие, суды вполне обоснованно удовлетворяли ходатайства органов уголовного преследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (87 % от заявленных ходатайств) и практически во всех случаях соглашались с ходатайствами о ее продлении (97 %). Как следствие (сравнивая показатели специальных переписей 2009 и 2022 гг.), доля лиц, которым срок содержания под стражей продлялся до максимального (18 мес.) возросла в 2 раза, а тем, кому продлялся свыше максимального – более чем в 3 раза.

3. Исключением из общего тренда стал 2023 год, в течение которого контингент заключенных под стражу неожиданно уменьшился сразу почти на 4 % (- 4,2 тыс. человек). Не согласующееся с тенденцией снижение обусловлено двумя причинами. Во-первых, продолжающейся убылью числа зарегистрированных преступлений. Во-вторых, (и этот фактор имеет решающее значение) появившейся в 2023 г. у подозреваемых и обвиняемых возможностью освобождения от уголовной ответственности на основании заключения ими контракта о прохождении военной службы в период мобилизации или в военное время.

4. Можно не без оснований предположить, что с завершением периода мобилизации и исчезновением основания освобождения от уголовной ответственности в виде заключения контракта о прохождении военной службы, вновь восстановится рост численности лиц, содержащихся под стражей. Поскольку первопричина (прибавление доли тяжких и особо тяжких преступлений в структуре преступности) вновь станет играть решающую роль. Тем более в условиях все большей доступности огнестрельного оружия и боеприпасов, связанных с ведением боевых действий на территории России и у ее границ.

5. В настоящее время ч. 1 ст. 78.1 УК РФ и ч. 1 ст. 28.2 УПК РФ по существу обязывают суд, следователя или дознавателя прекратить уголовное преследование в отношении лица, заключившего контракт о прохождении военной службы в период мобилизации. Соответственно, данное лицо приобретает субъективное право на прекращение уголовного преследования. На наш взгляд, данный элемент правового статуса, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, необходимо закрепить не в качестве субъективного права, а как законный интерес. В связи с этим в ч. ст. 78.1 УК РФ в последней строке слова «освобождается от уголовной ответственности» заменить на «может быть освобожден от уголовной ответственности». В ч. 1 ст. 28.2 УПК РФ слова «прекращает уголовное преследование» заменить на «вправе прекратить уголовное преследование».

Список литературы

1. Локк Дж. Два трактата о правлении / Фонд либеральных программ «Свободный мир». – Москва; Челябинск: Социум, 2014. – 494 с.
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гражданское общество в России. – 181 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf> (дата обращения: 02.11.2024).

3. *Зубков А.И.* Проблемные вопросы применения меры пресечения в виде заключения под стражу и функционирования следственных изоляторов // Актуальные проблемы и перспективы развития следственных изоляторов в России: материалы международной научно-практической конференции; под общ. ред. В.И. Семенюка. – Москва: НИИ ФСИН России, 2007. – С. 48–51.
4. *Цоколова О.И., Безруков С.С.* Проблемы реализации принципа состязательности при избрании мер пресечения // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. – 2019. – № 33. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-printsipa-sostyazatelnosti-pri-izbranii-mer-presecheniya> (дата обращения: 02.11.2024).
5. *Геранин В.В.* Подозреваемые и обвиняемые, содержащиеся в следственных изоляторах: по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г.; под науч. ред. В.И. Селиверстова. – Москва: Юриспруденция, 2011. – 92 с.
6. *Геранин В.В., Омелин В.Н., Пьянков М.Н.* Характеристика подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей в следственных изоляторах (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года): монография / под науч. ред. В.И. Селиверстова. – Москва: Проспект, 2024. – 64 с.
7. *Кривошеев С.В.* Причины и условия захвата заложников в следственном изоляторе // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2024. – № 3 (43). – С. 59–64.
8. *Морозова О.В.* Деятельность органов прокуратуры по противодействию совершению несовершеннолетними тяжких и особо тяжких преступлений // Современная наука. – 2023. – № 2. – С. 40–44.

References

1. *Lokk Dzh.* Dva traktata o pravlenii / Fond liberal'nyh programm «Svobodnyj mir». – Moskva; Chelyabinsk: Socium, 2014. – 494 s.
2. *Gobbs T.* Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii. – 181 s. [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf> (data obrashcheniya: 02.11.2024).
3. *Zubkov A.I.* Problemnye voprosy primeneniya mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu i funkcionirovaniya sledstvennyh izolyatorov // Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya sledstvennyh izolyatorov v Rossii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii; pod obshch. red. V.I. Semenyuka. – Moskva: NII FSIN Rossii, 2007. – S. 48–51.
4. *Cokolova O.I., Bezrukov S.S.* Problemy realizacii principa sostyazatel'nosti pri izbranii mer presecheniya // Vestn. Tom. gos. un-ta. Pravo. – 2019. – № 33. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-printsipa-sostyazatelnosti-pri-izbranii-mer-presecheniya> (data obrashcheniya: 02.11.2024).
5. *Geranin V.V.* Podozrevaemye i obvinyaemye, sodержashchiesya v sledstvennyh izolyatorah: po materialam special'noj perepisi osuzhdennyh i lic, sodержashchihsya pod strazhej, 12–18 noyabrya 2009 g.; pod nauch. red. V.I. Seliverstova. – Moskva: Yurisprudenciya, 2011. – 92 s.
6. *Geranin V.V., Omelin V.N., P'yankov M.N.* Harakteristika podozrevaemyh i obvinyaemyh, sodержashchihsya pod strazhej v sledstvennyh izolyatorah (po materialam special'noj perepisi osuzhdennyh i lic, sodержashchihsya pod strazhej, dekabr' 2022 goda): monografiya / pod nauch. red. V.I. Seliverstova. – Moskva: Prospekt, 2024. – 64 s.
7. *Krivosheev S.V.* Prichiny i usloviya zahvata zalozhnikov v sledstvennom izolyatore // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 2. Yuridicheskie nauki. – 2024. – № 3 (43). – S. 59–64.
8. *Morozova O.V.* Deyatel'nost' organov prokuratury po protivodejstviyu soversheniyu nesovershennoletnimi tyazhkih i osobo tyazhkih prestuplenij // Sovremennaya nauka. – 2023. – № 2. – S. 40–44.

Статья поступила в редакцию: 16.12.2024

Received: 16.12.2024

Статья поступила для публикации: 28.03.2025

Accepted: 28.03.2025

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ЭКОЦИДА КАК ВОЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Мироненко Сергей Юрьевич¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: mironenko-2009@mail.ru,

¹Донбасский государственный университет юстиции (ДГУЮ Минюста России), г. Донецк, Россия

Статья посвящена исследованию субъекта и субъективной стороны экоцида как военного преступления. В подавляющем большинстве случаев экоцид совершается во время вооруженных конфликтов. Главным субъективным признаком преступления экоцида является умышленная форма вины. Умысел может быть прямым или косвенным. Учитывая отдельные доктринальные подходы к пониманию экоцида, он может быть определен как преступление против безопасности человечества, которое выражается в умышленном причинении обширного, долговременного и серьезного ущерба окружающей природной среде, в результате чего создается угроза экологической безопасности человечества, нарушаются международные обязательства по ведению военных действий допустимыми средствами и методами. Экоцид, совершенный во время вооруженного конфликта, может быть определен как военное преступление, которое заключается в применении запрещенных международным правом средств и методов ведения войны, в результате чего причиняется обширный, долговременный и серьезный ущерб окружающей природной среде, создается угроза экологической безопасности человечества. Субъект экоцида может быть как общим, так и специальным. Но, учитывая обстановку совершения экоцида (вооруженный конфликт), субъект данного преступления будет специальным – военнослужащий или должностное лицо вооруженных сил.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: экоцид, преступление против человечества, военное преступление, субъект, субъективная сторона, объективная сторона, экологическая безопасность

SUBJECTIVE SIGNS OF ECOCIDE AS A WAR CRIME

Mironenko S.Yu.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: mironenko-2009@mail.ru,

¹Donbass State University of Justice (DSUJ of the Ministry of Justice of Russia), Donetsk, Russia

The article is devoted to the study of the subject and the subjective side of ecocide as a war crime. In the vast majority of cases, ecocide is committed during armed conflicts. The main subjective feature of the crime of ecocide is the intentional form of guilt. Intent can be direct or indirect. Considering certain doctrinal approaches to understanding ecocide, it can be defined as a crime against the safety of mankind, which is expressed in the deliberate infliction of extensive, long-term and serious damage to the natural environment, resulting in a threat to the ecological safety of mankind, violating international obligations to conduct military operations by acceptable means and methods. Ecocide committed during an armed conflict can be defined as a war crime, which consists in the use of means and methods of warfare prohibited by international law, resulting in extensive, long-term and serious damage to the natural environment, creating a threat to the ecological security of mankind. The subject of ecocide can be either general or special. However, taking into account the situation of ecocide (armed conflict), the subject of this crime will be a special one – a serviceman or an official of the armed forces. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: ecocide, crime against humanity, war crime, subject, subjective side, the objective side, environmental safety

Введение

Проблема экологической безопасности человечества представляет собой одну из самых серьезных и неотложных задач, с которыми сталкивается современное общество. Угроза, исходящая от загрязнения атмосферы, уменьшения озонового слоя и глобального потепления, вооруженных конфликтов с применением запрещенных средств и методов ведения войны, требует комплексного подхода как на международном, так и на национальном уровнях. Для преодоления современных экологических вызовов требуется консолидированный подход, который включает правовые, экономические и социальные меры для обеспечения устойчивого развития и экосистемной безопасности на всей планете.

Впервые об экоциде как о преступлении, равнозначном геноциду и преступлениям против мира и безопасности человечества, было отмечено в докладе делегации юристов Демократической Республики Вьетнам на конференции юристов социалистических стран, проходившей в Москве 11–13 октября 1971 г., посвященной 25-й годовщине Нюрнбергского процесса, на тему «Международно-правовая ответственность нацистских военных преступников и современных империалистических агрессоров». В тексте доклада под экоцидом понималось масштабное уничтожение путем массовых бомбардировок, ракетных ударов, использования шрапнельного, зажигательного и химического оружия, людей, заводов, лесов, посевов, животных и т.п. с целью уничтожения народа Вьетнама [1, с. 64–73].

Субъективная сторона экоцида

Для квалификации того или иного преступления большое значение имеет установление связи внешнего проявления поведения человека с его психическим отношением к нему. Такое психическое отношение воспроизводит субъективная сторона, как один из элементов состава преступления. Она является внутренней сущностью преступного деяния, отражает внутренние процессы, которые происходят в психике вменяемого лица при совершении им предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния. Субъективная сторона преступления – это совокупность признаков, характеризующих психическую активность лица при совершении преступления. Характерными признаками субъективной стороны являются вина, мотив и цель совершения преступления¹.

Субъективная сторона экоцида характеризуется следующими признаками.

Вина как психическое отношение лица к деянию, которое охватывается диспозицией ст. 358 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), и его последствий, выражается в форме умысла, как прямого, так и косвенного². В первом случае, лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействий), предвидит возможность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления (ч. 2 ст. 25 УК РФ), во втором – лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействий), предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично (ч. 3 ст. 25 УК РФ).

В формулировке диспозиции ст. 358 УК РФ при характеристике деяний, входящих в объективную сторону рассматриваемого состава преступления, на обязательное наличие у виновного исключительно «желания» наступления общественно опасных последствий ничего не указывает, поэтому оно не является обязательным, хотя и является возможным. Учитывая характер деяний, входящих в объективную сторону экоцида, не возникает сомнений, что совершение их возможно с привлечением, как минимум существенных различных материальных ресурсов, то есть лицо проводит специальную деятельность и вряд ли можно предположить, что вменяемое лицо не предполагает при этом наступления общественно опасных последствий такой деятельности. Но вполне можно предположить, что у виновного отсутствует «желание» как таковое, а есть лишь сознательное предположение, как специфическая форма положительного волевого отношения к наступлению общественно опасных последствий [2, с. 96], предусмотренных в диспозиции ст. 358 УК РФ. Например, с целью совершенствования оружия массового поражения проводятся его испытания, вследствие которых, в силу физических свойств этого

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А.И. Чучаева. – Москва: Контракт, Инфра-М, 2013. – С. 52.

² Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И.М. Мацкевича, Н.Г. Кадникова. – М., 2015. – С. 962.

оружия, и это знают те, кто испытывает оружие, оказывается негативное влияние на окружающую природную среду и здоровье людей. Очевидно, такое воздействие не является целью испытаний оружия, но оно сознательно предполагается теми, кто осуществляет такие испытания.

Следует также отметить, что при выяснении признаков умысла у виновного лица не обязательно, чтобы лицо предвидело возможность возникновения именно угрозы наступления экологической катастрофы. Очевидно, достаточно будет того, чтобы лицо предвидело возможность наступления негативных последствий, которые по своему содержанию сопоставимы с такой угрозой. Учитывая вышеизложенное, следует отметить, что невозможным в случае экоцида является лишь неосторожная форма вины. Подтверждением этому является и содержание, в частности, вольного элемента вины при неосторожности, который и в преступном легкомыслии, и преступной небрежности выражается в негативном отношении виновного к наступлению последствий преступления. Так, при легкомыслии негативное отношение виновного к общественно опасным последствиям подтверждается легкомысленным расчетом виновного на определенные обстоятельства, которые по его мнению предотвратят наступление таких последствий, а при небрежности виновный вообще не предполагает наступления общественно опасных последствий своего деяния, хотя это и не означает отсутствие какого-либо психического отношения, а представляет собой особую форму такого отношения, которая свидетельствует об игнорировании лицом требований правил социального поведения или интересов других лиц [2, с. 114, 117].

Специфика действий, которые охватываются объективной стороной экоцида, заключается в том, что после их совершения сразу или через некоторое время наступают первичные последствия (например, большое количество лишенных жизни объектов животного мира). Поэтому вменяемое лицо не может не осознавать реальной возможности наступления общественно опасных последствий этих действий (такими последствиями являются угроза наступления экологической катастрофы, например, в ходе вооруженных конфликтов при применении запрещенных средств и методов ведения войны, и сама экологическая катастрофа). Соответственно если отношение к возможности наступления общественно опасных последствий соответствует содержанию вины, предусмотренной ст. 26 УК РФ, состав экоцида в действиях лица отсутствует. При наличии соответствующих обстоятельств такие действия могут создавать состав других преступлений. Таким образом, именно умышленная форма вины является одним из критериев разграничения экоцида, как преступления против человечества, военного преступления, с отдельными преступлениями против окружающей среды.

По нашему мнению, юридический состав экоцида, согласно действующей редакции ст. 358 УК РФ, не включает последствия в виде реального наступления экологической катастрофы, поэтому психическое отношение лица должно определяться не к фактическому наступлению экологической катастрофы (которой может и не быть), а к возможности ее наступления. При этом не исключена ситуация, когда у виновного есть прямой или косвенный умысел лишь на создание угрозы наступления экологической катастрофы, а также может иметь место умысел на реальное наступление экологической катастрофы. Не исключен также и прямой умысел на причинение последствий, содержание которых охватывается понятием «экологическая катастрофа». В связи с этим возникает проблема точности и полноты уголовно-правовой оценки действий виновного в случае наступления экологической катастрофы. Фактически по действующей редакции ст. 358 УК РФ – это последствие и психическое отношение виновного к его наступлению может быть учтено судом лишь при назначении наказания за экоцид, а в отдельных случаях при квалификации действий виновного по другим статьям УК РФ.

С учетом сложившейся на сегодняшний день военно-политической обстановки, хотелось бы акцентировать внимание на угрозу или реальное наступление экологической катастрофы в ходе вооруженного конфликта.

В Проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества комиссия международного права отнесла экоцид к военным преступлениям. В п. «g» ст. 18 указано: «в случае вооруженного конфликта: использование методов или средств ведения войны, не оправданных военной необходимостью, с целью причинить обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде и тем самым нанести большой ущерб здоровью или выживанию населения, причем такой ущерб возникает»³.

³ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Разработан Комиссией международного права ООН [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902042724>.

Возникновение понятия экоцид ученые связывают с теми действиями, которые были совершены США во время войны в Индокитае, где окружающая природная среда было четко обозначена как объект для уничтожения [3, с. 148]. Одним из методов осуществления экоцида в Индокитае было широкое использование гербицидов и других химических веществ. Вооруженные силы США применяли эти химические вещества в больших масштабах. Использование их началось в 1962 г. и к 1968 г. гербициды были развеяны на площади 456 тыс. акров лесов и 505 тыс. акров сельскохозяйственных угодий. Более 15 % земельных угодий в Южном Вьетнаме было подвергнуто гербицидной обработке. Только за 20 месяцев 1966–1967 гг. была уничтожена растительность на площади 300 тыс. га, то есть фактически применялась тактика «выжженной земли» [4, с. 221].

В ходе проведения специальной военной операции, в июне 2023 года украинские войска во время так называемого контрнаступления нанесли удар британскими ракетами Storm Shadow по Каховской ГЭС. В результате разрушения плотины произошла экологическая катастрофа: затоплены десятки населенных пунктов ниже по течению Днепра, обмелело Каховское водохранилище и Северо-Крымский канал, снабжающий водой Крымский полуостров. Из-за подтоплений погибли 57 человек, число госпитализированных из-за разрушения Каховской ГЭС достигло 175. Данное деяние можно квалифицировать как «экоцид, совершенный во время вооруженного конфликта»⁴.

По нашему мнению, было бы целесообразным дополнить ст. 358 УК РФ частью второй, которая бы предусматривала ответственность за квалифицированный состав преступления: ч. 2 ст. 358 УК РФ «Деяния, предусмотренные ч. 1 настоящей статьи, совершенные во время вооруженного конфликта – наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет». Это обеспечило бы надлежащую уголовно-правовую оценку тяжести последствий на уровне дифференциации уголовной ответственности именно за экоцид, совершенный во время вооруженного конфликта. При этом, в предлагаемой редакции ст. 358 УК РФ, как основной состав преступления, так и квалифицированный являются исключительно умышленными, о чем непосредственно указывается в диспозиции соответствующей нормы. В данном отношении характеристика субъективной стороны экоцида подобна той, которая имеет место в составах преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 356 УК РФ. Оба эти преступления могут быть совершены лишь умышленно.

Что касается других признаков субъективной стороны экоцида, следует отметить следующее. Мотив при совершении рассматриваемого преступления выражается в осознанном побуждении лица, которое вызвало у него намерение совершить данное преступление, может быть любой: корыстный и т.д. При квалификации действий мотив играет второстепенное значение. Что же касается цели, то она также не является обязательным компонентом состава преступления экоцида.

Субъект экоцида

Субъектом экоцида, исходя из формулировки диспозиции ст. 358 УК РФ, и в соответствии с положениями ст. 19 и ст. 20 УК РФ, может быть любое вменяемое лицо, которому исполнилось 16 лет. Исходя же из специфики этого преступления и возможности его совершения во время вооруженного конфликта, реально его субъектом могут быть военнослужащие и должностные лица вооруженных сил иностранных государств. Однако это не исключает возможности совершения экоцида и другим кругом субъектов, имеющих соответствующие финансовые, технические и человеческие ресурсы.

В качестве примера негативного влияния на окружающую природную среду субъектом с использованием своих властных полномочий можно привести деятельность некоторых должностных лиц бывшего СССР в отдельных сферах. Отдельные исследователи склонны называть эту деятельность экоцидом, поскольку ее результатом считают долговременное и планомерное отравление земель, воздуха, воды и людей [5, с. 1].

Антропогенной катастрофой огромного масштаба считается и трагедия Аральского моря – регулятора климата в Средней Азии. Причем гибель эта была не естественная, а спланированная Минвод-

⁴ ВСУ нанесли удар британскими ракетами после разрушения Каховской ГЭС. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/06/2023/647f012e9a79474a055acaf8>

хозом бывшего СССР. Вообще, как утверждают некоторые ученые, море признается умирающим [6, с. 4]. В середине двадцатого века Аральское море было четвертым по величине внутренним водоемом в мире, площадью больше озера Мичиган (США). Учитывая огромное уменьшение объема моря, с его названием исследователи связывают, возможно, самую большую искусственную экологическую катастрофу в истории. Из 178 разновидностей животной жизни, которые существовали в Аральском море, осталось 38, находящихся на грани выживания. Причина такого состояния природной среды Аральского моря в его искусственном высыхивании. Это было сделано целенаправленно в 1960-х годах с целью увеличения урожая хлопка в данном засушливом регионе. Собирая большое количество воды из рек Амударья и Сырдарья, заполняющих море, для орошения хлопковых и рисовых полей, советские должностные лица игнорировали предполагаемые последствия для достижения краткосрочных производственных целей. В результате море отступило от берегов на десятки километров, его объем уменьшился вдвое. Как отмечают исследователи только за период с 1961 г. по 1982 г. уровень воды в море снизился на 8,2 м, его площадь сократилась на 25 %, а объем уменьшился на 43 %. К началу 1990-х годов практически исчезли водяные системы дельт моря, на осушенных местах на 2 порядка уменьшилась численность видов растений, возникали соленые болота в пустыне [6, с. 52, 81].

Однако в подавляющем большинстве случаев экоцид совершается во время вооруженных конфликтов.

Действиями вооруженных сил НАТО во время войны в Югославии в 1998 г., в ходе военной операции был нанесен значительный ущерб окружающей природной среде этого государства. С самолетов на территорию Югославии были сброшены тысячи тонн взрывчатых веществ, которые в тротиловом эквиваленте равнялись нескольким Хиросимам. Следствием таких массированных бомбардировок, под которые попадали и промышленные объекты, стало колоссальное загрязнение и нарушение почвенного покрова, загрязнение атмосферного воздуха, поверхностных и подземных вод. Как утверждают исследователи, в результате бомбардировок загрязнилась атмосфера нескольких соседних стран. Зафиксировано повышение уровня токсических веществ в атмосфере Австрии, Албании, Греции, Италии, Македонии, Венгрии⁵.

Во время войны во Вьетнаме девиз американских летчиков был таков: «Только мы можем избавиться от лесов». К марту 1969 г. из транспортных самолетов «С-123», переоборудованных для распыления гербицидов, было обработано около двух миллионов гектаров джунглей и посевных площадей. Где сбрасывались гербициды – все уничтожалось [7, с. 16]. Обработка почвы и лесов гербицидами, применение дефолиантов привело к полному уничтожению на огромной площади (58 тыс. кв. км) в Южном Вьетнаме любой растительности, в отдельных случаях даже без возможности ее восстановления, лишило плодородия почву на многие десятки лет, создав тем самым так называемые «мертвые зоны» [8, с. 347]. В результате 10 % вьетнамской территории, из которой более 1,9 млн га находились под лесами (90,5 %) и более 200 тыс. га находились под зерновыми культурами (9,5 %), превратилось в пустынные болота, с большим количеством насекомых и крыс.

Заключение

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев преступления экоцида совершаются во время вооруженных конфликтов при применении запрещенных средств и методов ведения войны военнослужащими и должностными лицами вооруженных сил противоборствующих сторон.

При этом, деяния, предусмотренные ст. 358 УК РФ, являются исключительно умышленными, о чем непосредственно указывается в диспозиции соответствующей нормы. В данном отношении характеристика субъективной стороны экоцида подобна той, которая имеет место в составах преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов ведения войны». Оба эти преступления могут быть совершены лишь умышленно.

Было бы целесообразным дополнить ст. 358 УК РФ частью второй, которая бы предусматривала ответственность за квалифицированный состав преступления: «Деяния, предусмотренные ч. 1 настоя-

⁵ НАТОвские бомбы загрязнили атмосферу семи стран [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pravda.ru/news/world/900619-natovskie_bomby_zagraznili_atmosferu_semi_stran/

щей статьи, совершенные в время вооруженного конфликта – наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет». Это обеспечило бы надлежащую уголовно-правовую оценку тяжести последствий на уровне дифференциации уголовной ответственности именно за экоцид, совершенный во время вооруженного конфликта.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 358 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Субъект может быть как общий, так и специальный. Но, учитывая, что в подавляющем большинстве случаев экоцид совершается во время вооруженного конфликта, в данном случае субъект будет специальный – военнослужащий или должностное лицо вооруженных сил.

По нашему мнению, преступление экоцида, с учетом обстановки его совершения (вооруженный конфликт), следует отнести к военным преступлениям.

Список литературы

1. Нгуен Ван Хыонг, Фам Ван Бать, Фам Тхань Винь. Война во Вьетнаме и международно-правовая ответственность американских агрессоров // Советское государство и право. – 1972. – № 2. – С. 64–73.
2. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. – 304 с.
3. Сперанская Л.В. Международно-правовая охрана морской среды. – Москва: Наука, 1978. – 176 с.
4. Полторак А.И., Савинский Л.И. Преступная война. Агрессия США против Вьетнама. – Москва: Наука, 1968. – 304 с.
5. Фешбах М., Френдли А. Экоцид в СССР: здоровье и природа на осадном положении. – Москва: Первая образцовая типография, 1992. – 308 с.
6. Экологический кризис в Аральском море / под ред. Скарлото О.А., Аладина Н.В. – Санкт-Петербург: РАН, Зоологический ин-т, 1993. – 190 с.
7. Экоцид в политике американского империализма: сборник статей / пер. с англ. М.П. Егорова; под ред. А.В. Фокина, Г.С. Хозина. – Москва: Прогресс, 1985. – 216 с.
8. Ромашкин П.С. Преступления против мира и человечества. – Москва: Наука, 1967. – 357 с.

References

1. *Nguyen Van Hyong, Fam Van Bat', Fam Than' Vin'.* Vojna vo V'etname i mezhdunarodno-pravovaya otvetstvennost' amerikanskikh agressorov // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo.* – 1972. – № 2. – S. 64–73.
2. *Rarog A.I.* Kvalifikaciya prestuplenij po sub'ektivnym priznakam. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskij centr Press, 2002. – 304 s.
3. *Speranskaya L.V.* Mezhdunarodno-pravovaya ohrana morskoj sredy. – Moskva: Nauka, 1978. – 176 s.
4. *Poltorak A.I., Savinskij L.I.* Prestupnaya vojna. Agressiya SShA protiv V'etnama. – Moskva: Nauka, 1968. – 304 s.
5. *Feshbah M., Frendli A.* Ekocid v SSSR: zdorov'e i priroda na osadnom polozhenii. – Moskva: Pervaya obrazcovaya tipografiya, 1992. – 308 s.
6. *Ekologicheskij krizis v Aral'skom more / pod red. Skarloto O.A., Aladina N.V.* – Sankt-Peterburg: RAN, Zoologicheskij in-t, 1993. – 190 s.
7. *Ekocid v politike amerikanskogo imperializma: sbornik statej / per. s angl. M.P. Egorova; pod red. A.V. Fokina, G.S. Hozina.* – Moskva: Progress, 1985. – 216 s.
8. *Romashkin P.S.* Prestupleniya protiv mira i chelovechestva. – Moskva: Nauka, 1967. – 357 s.

Статья поступила в редакцию: 07.04.2025

Received: 07.04.2025

Статья поступила для публикации: 30.04.2025

Accepted: 30.04.2025

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ПОДСТРЕКАТЕЛЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ВАНДАЛИЗМА

Налимов Юрий Дмитриевич¹,
канд. юрид. наук,
e-mail: nastia.nalimowa@yandex.ru,

Туманов Александр Сергеевич²,
канд. юрид. наук,
e-mail: tumanov.alexander18@gmail.com,

¹Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия,

²Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Уголовно-правовая оценка подстрекателей, склоняющих других соучастников общественно опасного деяния к совершению преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ, часто вызывает трудности у субъектов правоприменения. По указанной причине в деятельности правоохранительных органов встречаются ошибки в виде недостаточной, ошибочной или неправильной квалификации противоправных деяний. На основе изучения 155 уголовных дел авторами выделены основные способы подстрекательства: подкуп (57 % случаев), уговоры (39 %), а также редкие случаи шантажа, обмана и предложений (4 %). Особое внимание авторами уделено способам, при которых собственники имущества или представители юридических лиц используют подстрекательство для получения страховых выплат, а также вовлечению несовершеннолетних в совершение вандализма.

Аналізу піддається судовна і правоприменительная практика, а також наукова література, що містять правила кваліфікації преступлений при наявності підстрекателя. Результатом, проведеного дослідження виступають пропозиції по застосуванню положень діючого кримінального закону.

По тексту статті Російська Федерація скорочено вказується – РФ.

Ключевые слова: подстрекательство, соучастие, вандализм, квалификация действий, склонение к совершению вандализма, квалификация подстрекательства к вандализму, соучастие при совершении вандализма

THE FEATURES OF QUALIFICATION OF THE INSTIGATOR'S ACTIONS IN THE COMMISSION OF VANDALISM

Nalimov Y.D.¹,
Candidate of Legal Sciences,
e-mail: nastia.nalimowa@yandex.ru,

Tumanov A.S.²,
Candidate of Legal Sciences,
e-mail: tumanov.alexander18@gmail.com,

¹The Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,

²Moscow Witte University, Moscow, Russia

Criminal and legal assessment of instigators who induce other co-conspirators of a socially dangerous act to commit a crime under Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation often causes difficulties for law enforcement subjects. For this reason in the activities of law enforcement agencies there are errors in the form of insufficient or incorrect qualification of unlawful acts. Based on the study of 155 criminal cases, the authors have identified the main methods of incitement: bribery (57% of cases), persuasion (39%), as well as rare cases of blackmail, deceit and offers (4%). The authors pay special attention to the ways in which property owners or representatives of legal entities use incitement to obtain insurance payments, as well as the involvement of minors in the commission of vandalism.

Judicial and law enforcement practice, as well as scientific literature containing the rules of qualification of crimes in the presence of an instigator are analyzed. The result of the conducted research is the proposals on application of the provisions of the current criminal law.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: incitement, complicity, vandalism, qualification of actions, inducement to commit vandalism, qualification of incitement to vandalism, complicity in the commission of vandalism

Вандализм как социально опасное деяние представляет собой серьезную угрозу общественному порядку и культурным ценностям. В условиях роста анализируемых преступлений актуальность приобретает вопрос об уголовно-правовой оценке соучастия в таких деяниях, в частности, подстрекательства к вандализму. Квалификация действий подстрекателя нередко вызывает сложности в правоприменительной практике. Это связано с недостаточной разработанностью критериев разграничения подстрекательства и организаторской деятельности, а также с проблемами доказывания умысла и причинной связи между действиями подстрекателя и непосредственным совершением преступления.

В науке уголовного права, практически единогласно, подстрекательством признается деятельность, направленная на возбуждение у лица решимости совершить преступление как при наличии преступного намерения, так и порождение такого намерения [1, с. 16; 2, с. 348].

Действующий УК РФ трактует, что деятельность указанного вида соучастника представляет собой склонение к совершению общественно опасного деяния любыми способами, в том числе уговорами, подкупом и угрозами¹. Перечень действий, с помощью которых подстрекатель может склонить какое-либо лицо совершить преступление, не является исчерпывающим, по причине наличия множества приемов воздействия на соучастников преступлений, на это указывали еще дореволюционные криминологи [3, с. 114].

Изучением правоприменительной практики установлено (в общей сложности было проанализировано и обобщено 155 уголовных дел), что при склонении лица к совершению вандализма, в большинстве случаев, ему предлагается вознаграждение в денежной или иной форме (57 % изученных уголовных дел), либо оказывается воздействие путем уговоров как при личном общении, так и с помощью сети Интернет, в том числе в различных мессенджерах, социальных сетях и пр. (39 % исследованных судебных решений). Изученные материалы не содержат информации о склонении к совершению преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ с применением угроз. В свою очередь, имеют место редкие случаи, когда используются, иные методы подстрекательства. Например, предложение, шантаж или обман (4 % материалов уголовных дел).

Рассматривая такой способ как подкуп необходимо отметить, что практический интерес представляют факты склонения к совершению противоправных действий в отношении имущества, принадлежащего или находящегося в пользовании самого подстрекателя, с целью получения страховых выплат. Например, представители юридических лиц, которые занимаются пассажирскими и (или) грузовыми перевозками на железнодорожном транспорте, используют следующую «типичную» схему:

- лицам, занимающимся «граффити», предоставляется информация о том, в каком месте будет находиться железнодорожный состав, на который необходимо нанести надписи или рисунки. После совершения указанных противоправных действий они получают денежное вознаграждение;
- в правоохранительные органы поступает заявление по факту порчи имущества на общественном транспорте, к которому приобщается справка о причиненном ущербе (сумма ущерба значительно превышает сотрудниками страховой компании (как правило, страховым экспертом, который состоит в сговоре с подстрекателем);
- при получении постановления о возбуждении уголовного дела или иных официальных документов, подтверждающих факт причинения материального ущерба, страхователь получает выплату, незначительная часть которой расходуется на ремонт, оставшейся суммой собственник имущества распоряжается по своему усмотрению [4, с.128].

¹ Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. д-р юрид. наук, проф. Н.Г. Кадникова. – Москва: Юриспруденция, 2018. – С. 225.

В настоящее время в судебно-следственной практике отсутствуют факты привлечения собственников имущества или представителей юридических лиц к уголовной ответственности, предусмотренной законом, за подобные преступления. Фигурантами данной категории уголовных дел становятся только исполнители (соисполнители).

В качестве примера рассмотрим судебное решение. Так, в ночное время на железнодорожной станции был задержан К., который нанес рисунки на два вагона электропоезда. При допросе в рамках расследования уголовного дела им были даны показания, согласно которым К. получает денежное вознаграждение за совершение подобных общественно опасных деяний. Однако в ходе судебного заседания виновный отказался от них, пояснив, что был напуган сотрудниками правоохранительных органов².

Представляется обоснованным, что подобные действия собственника имущества (представителя юридического лица) следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 33, ч. 1 или ч. 2 ст. 214 и соответствующей части ст. 159⁵ УК РФ.

Еще одним распространенным способом воздействия на исполнителя (соисполнителей) вандализма со стороны подстрекателя выступают уговоры. Последние представляют собой убеждение в необходимости совершения общественно опасного деяния [5, с. 44].

Проиллюстрируем примером. К., достоверно зная, что В. является несовершеннолетним и занимается «граффити», с целью склонения его к совершению преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ предложил последнему нанести на здание надписи в виде аббревиатуры NSWР, цифрового сочетания «14/88» и рисунка в виде свастики. К. пояснил, что указанные надписи привлекут внимание общественности к идеям национализма и расизма, которых придерживаются оба лица. Помимо указанного, К. пояснил, что после совершения данного общественно опасного деяния В. будет пользоваться авторитетом среди своих единомышленников. Таким образом, К. с помощью уговоров склонил В. к совершению указанного противоправного посягательства. К. был привлечен к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 33, ч. 2 ст. 214 УК РФ, в свою очередь В. по ч. 2 ст. 214 УК РФ³.

К совершению преступлений путем уговоров, как и при подкупе, во многих случаях склоняются несовершеннолетние лица, что свидетельствует о повышенной степени общественной опасности деяния. Однако, подстрекатели не всегда привлекаются к уголовной ответственности по ст. 150 УК РФ, даже при очевидном наличии состава, указанного преступления, несмотря на разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в части квалификации подобных действий по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 150 и ст. 214 УК РФ⁴.

Рассматривая иные способы подстрекательства к совершению вандализма, отметим, что ходе исследования судебных решений, помимо использования шантажа и обмана, встречались факты склонения в форме предложений совершить общественно опасное деяния. Следует акцентировать внимание на пример следственно-судебной практики, когда при получении отказа, лицо, склоняющее к совершению противоправных действий своего знакомого, самостоятельно приступает к совершению противоправных действий.

Так, во время прогулки по городу у Ш. возник преступный умысел на вовлечение своего знакомого Б. в совершение порчи дорожного знака в общественном месте. В целях его реализации Ш., стала предлагать Б. сломать указанный дорожный знак. Не получив положительного ответа Ш., продолжая склонять Б. к преступному посягательству, стала самостоятельно расшатывать, указанный предмет. Тогда Б., согласился участвовать в совершении вандализма. Действуя, группой лиц Ш. и Б. привели в негодность два дорожных знака, причинив своими действиями ущерб Администрации городского

² Приговор мирового суда судебного участка № 160 Одинцовского судебного района Московской области от 29 января 2015 г. по делу № 1-2/2015 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/MYnnQul3vPLx/> (дата обращения: 21.03.2025).

³ Приговор мирового суда судебного участка № 1 Московского судебного района г. Нижний Новгород Нижегородской области от 19 октября 2015 г. по делу № 1-28/2015 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/miTL9Ap81P51> (дата обращения: 21.03.2025).

⁴ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 (ред. от 28.10.2021) // Российская газета. – 2011. – 11 февр.

округа⁵. Ш. была привлечена к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 33 и ч. 2 ст. 214 УК РФ, в свою очередь, действия Б. квалифицированы по ч. 2 ст. 214 УК РФ.

Отметим, что согласно правилам квалификации, в данной ситуации Б. и Ш. являются соисполнителями вандализма, поскольку после подстрекательства последняя приступила к выполнению объективной стороны преступления, соответственно ссылка на ст. 33 УК РФ не требуется. Но поскольку последняя склонила своего знакомого к совершению общественно опасного деяния, ее особо активная роль выступает отягчающим обстоятельством при назначении наказания [6, с. 218].

Обратим внимание, что к совершению вандализма, как правило, склоняются исполнители (соисполнители), в свою очередь, подстрекательство может совершаться в отношении любого вида соучастников преступления, в том числе другого подстрекателя [7, с. 128].

Представляется обоснованным признавать подстрекательством действия лица, побуждающие к продолжению совершения вандализма лица, добровольно отказывающегося от его совершения. Рассмотрим пример. Лицо начинает наносить непристойный рисунок на здание многоквартирного дома, но, прекращает свои действия на начальном этапе, с целью добровольного отказа от совершения преступного деяния. В свою очередь, подстрекатель начинает или продолжает воздействие на исполнителя, в результате чего он завершает изображение, тем самым совершая преступление.

Указанная позиция не противоречит действующему законодательству и судебной практике, поскольку в подобных случаях действия подстрекателя направлены на возбуждение намерения или укрепление решимости на совершение преступления у другого лица [8, с. 213].

Подводя итоги, авторы приходят к следующим выводам:

- подстрекательство к совершению вандализма со стороны собственника имущества (представителя юридического лица), с целью получения страховых выплат следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 33, ч. 1 или ч. 2 ст. 214 и соответствующей части ст. 159⁵ УК РФ;
- склонение к совершению преступного посягательства несовершеннолетнего лица повышает общественную опасность деяния и подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 33 и ч. 1 или 2 ст. 214, а также соответствующей частью ст. 150 УК РФ;
- подстрекательством следует признавать действия лица, побуждающие виновного к продолжению преступных действий при его добровольном отказе от совершения вандализма.

Список литературы

1. *Зелинский А.Ф.* Соучастие в преступлении: лекция. – Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1971. – 43 с.
2. *Шеслер А.В.* Содержание совместности при соучастии в преступлении // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2022. – Т. 16, № 3. – С. 342–354.
3. *Колоколов Г.Е.* О соучастии в преступлении: ученые записки Императорского Московского Университета: отдел юридический. – Вып. 2. – Москва, 1881. – 220 с.
4. *Налимов Ю.Д.* Вандализм: дифференциация уголовной ответственности и квалификация: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2022. – 188 с.
5. *Шеслер, А.В.* Соучастие в преступлении: монография. – Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2014. – 84 с.
6. *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория и практика. – Москва: ЮрИнфоР, 2001. – 376 с.
7. *Козлов А.П.* Соучастие: традиции и реальность. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. – 362 с.
8. *Пудовочкин Ю.Е.* Учение о преступлении. Избранные лекции. – Москва: Юрлитинформ. 2010. – 276 с.

⁵ Приговор мирового суда судебного участка № 59 Фроловского района Волгоградской области от 09 ноября 2011 г. по делу № 1-62/2011 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/iDk6WfXvL1WV> (дата обращения 21.03.2025).

References

1. *Zelinsky A.F.* Complicity in crime: a lecture. – Volgograd: NIIRIO VShSH of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1971. – 43 p.
2. *Shesler A.V.* The content of jointness in complicity in crime // All-Russian Criminological Journal. – 2022. – T. 16, № 3. – P. 342–354.
3. *Kolokolov G.E.* On complicity in a crime: scholarly notes of the Imperial Moscow University: legal department. – Вып. 2. – Moscow, 1881. – 220 p.
4. *Nalimov Y.D.* Vandalism: differentiation of criminal responsibility and qualification: diss. ... kand. jurid. nauk. – Moscow, 2022. – 188 p.
5. *Shesler A.V.* Complicity in crime: a monograph. – Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2014. – 84 p.
6. *Gaukhman L.D.* Qualification of crimes: law, theory and practice. – Moscow: YurInfor, 2001. – 376 p.
7. *Kozlov A.P.* Co-conspiracy: traditions and reality. – Saint-Petersburg: Legal Center Press, 2001. – 362 p.
8. *Pudovochkin Y.E.* The doctrine of crime. Selected Lectures. – Moscow: Yurlitinform, 2010. – 276 p.

Статья поступила в редакцию: 21.04.2025

Received: 21.04.2025

Статья поступила для публикации: 30.04.2025

Accepted: 30.04.2025

ПРИНЦИП NEMO JUDEX IN PROPRIA CAUSA ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ

Рыжков Константин Сергеевич¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: knrz2006@yandex.ru,

¹Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева,
Уральский филиал, г. Челябинск, Россия

В статье анализируется содержание правового принципа nemo judex in propria causa в рамках отечественной правовой системы. Анализируется многообразие формулировок данного принципа, а также его правовая природа в контексте соотношения правовых принципов и правовых аксиом. Подробно рассматриваются процессуально-правовые нормы, в которых указанный принцип находит свое выражение. Изучается судебная практика по поводу применения указанного принципа при рассмотрении судами гражданских и административных дел. Делается вывод о расширительном толковании принципа nemo judex in propria causa в отечественной правовой системе в части его применения не только в отношении судов, но и в рамках деятельности иных субъектов правоотношений, рассматривающих юридические дела или реализующих иные юридически значимые функции. Делается вывод о том, что принципы независимости и состязательности не совпадают с указанным принципом. При этом предлагается раскрыть в процессуальных нормах принцип беспристрастности, частным случаем которого является принцип nemo judex in propria causa.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: правовой принцип, правовая аксиома, суд, отвод, самоотвод, беспристрастность, независимость, состязательность

THE PRINCIPLE OF NEMO JUDEX IN PROPRIA CAUSA IN CIVIL AND ADMINISTRATIVE CASES

Ryzhkov K.S.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: knrz2006@yandex.ru,

¹Russian State University of Justice, Ural branch, Chelyabinsk, Russia

The article analyzes the content of the legal principle nemo judex in propria causa within the framework of the domestic legal system. The variety of formulations of this principle is analyzed, as well as its legal nature in the context of the correlation of legal principles and legal axioms. The procedural and legal norms in which this principle finds its expression are considered in detail. Judicial practice regarding the application of this principle in the consideration of civil and administrative cases by courts is being studied. The conclusion is drawn about the extended interpretation of the nemo judex in propria causa principle in the domestic legal system in terms of its application not only in relation to courts, but also in the framework of the activities of other subjects of legal relations considering legal cases or performing other legally significant functions. It is concluded that the principles of independence and competitiveness do not coincide with this principle. At the same time, it is proposed to disclose in the procedural rules the principle of impartiality, a special case of which is the principle of nemo judex in propria causa.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: legal principle, legal axiom, court, challenge, self-challenge, impartiality, independence, competitiveness

Введение

Исторически одним из основных принципов построения правовой системы в целом и судебной системы в частности является принцип, предполагающий недопустимость разрешения дела лицом, имеющим интерес в рассматриваемом деле, тем более, если такое лицо является его стороной. В римском праве указанный принцип получил свое выражение с помощью лаконичной формулы *nemo iudex in propria causa* (никто не может быть судьей в собственном деле).

Встречаются также иные формулировки данного принципа, например *nemo debet esse iudex in propria causa* (никто не должен быть судьей в своем собственном деле) [1, с. 40], в зарубежной научной литературе – *nemo iudex in causa sua* (никто не может быть судьей в своем деле) [2, с. 23] и *nemo iudex idoneus in propria causa* (ни один судья не компетентен в своем собственном деле) [3, с. 171]. Однако они имеют полностью идентичное содержание, поэтому далее в тексте настоящей статьи будет использоваться формула *nemo iudex in propria causa*.

Правовой принцип или правовая аксиома

Важно отметить, что в современной отечественной юридической литературе и в судебной практике указанную формулу определяют различным образом с точки зрения ее правовой природы. Речь может идти как о принципе¹, так и о правовой аксиоме [4, с. 615].

Полагаем, что такое двойственное понимание вполне обосновано и не несет в себе принципиального противоречия.

Так, по мнению М.Л. Давыдовой, анализировавшей работы С.С. Алексеева по данному вопросу, понятия «правовой принцип» и «правовая аксиома», не тождественны, так как различаются по масштабу действия (но не по содержанию). В частности, правовые принципы имеют общеправовое или общеправовое значение, тогда как аксиомы обладают указанным свойством не всегда. Как следствие, некоторые правовые аксиомы включаются в число правовых принципов, а некоторые – нет [5, с. 205].

В случае с формулой *nemo iudex in propria causa* по вышеуказанным причинам можно говорить как о правовом принципе, так и о правовой аксиоме. Тем более что далее по тексту настоящей статьи будут приведены примеры широкого (межотраслевого) применения данной формулы, что свидетельствует о возможности понимать ее в том числе и как правовой принцип.

Проявления принципа *nemo iudex in propria causa* в нормах процессуального права.

Указанный принцип, не будучи прямо закрепленным нормативно, находит однако свое отражение в самых различных процессуально-правовых нормах, касающихся рассмотрения судами гражданских и административных дел.

1. В частности, указанный принцип проявляется в установленных законом основаниях для отвода и самоотвода судей.

Так, в силу п. 3 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ судья не может рассматривать дело и подлежит отводу, если он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела либо имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его объективности и беспристрастности. Аналогичные нормы содержатся в п. 5 ч. 1 ст. 21 АПК РФ, а также в п. 4 ч. 1 и ч. 2 ст. 31 КАС РФ.

Очевидно, что рассмотрение дела в отношении самого себя неизбежно предполагает наличие у судьи заинтересованности в исходе указанного дела. Вероятно, поэтому законодатель прямо не прописал ни в одном процессуальном кодексе запрет на такое рассмотрение. При этом существующих формулировок вполне достаточно, чтобы избежать подобной ситуации, опираясь как раз на принцип *nemo iudex in propria causa*.

¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 09.07.2019 по делу № А72-11325/2017. Документ опубликован на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. – URL: <https://my.arbitr.ru> (дата обращения: 16.03.2025).

Вместе с тем в доктрине справедливо отмечается, что указанный принцип при отводе судьи фактически не действует, поскольку «судья сам оценивает доводы лиц, участвующих в деле, относительно неспособности его самого рассмотреть дело беспристрастно и в соответствии с законом» [6, с. 165].

С другой стороны, важно отметить, что достижение целевых установок указанного принципа все же достигается посредством возможности обжалования отказа суда в отводе. Поэтому судами не признается позиция сторон по некоторым делам, указывающая на противоречие между правилом о том, что отвод рассматривает тот же судья, кому он заявлен, и принципом *nemo iudex in propria causa*².

Применительно к данному вопросу интересно рассмотреть следующее дело.

В.Р.С. обратился в Бабаевский районный суд Вологодской области суд с административным иском к этому же суду о присуждении компенсации морального вреда, связанного с незаконным содержанием во время судебных заседаний в Бабаевском районном суде в защитном ограждении в виде «клетки».

Поскольку суд или судья не могут являться административными ответчиками, действия которых могут быть обжалованы в порядке административного судопроизводства, принятое решение было признано судом апелляционной инстанции незаконным, поскольку оно принято незаконным составом суда, т.е. лицом, фактически являющимся одной из сторон по административному спору. Указанное нарушение, по мнению суда апелляционной инстанции, носит фундаментальный характер, так как искажает саму суть правосудия, основанного на состязательности, равноправии сторон, соблюдении принципа *nemo iudex in propria causa*³.

2. Рассматриваемый принцип находит свое отражение в нормах, касающихся формирования состава суда при проверке судебных актов, а также при обжаловании актов органов судейского сообщества в порядке главы 23 КАС РФ.

Так, в силу ст. 17 ГПК РФ, ст. 22 АПК РФ и ст. 32 КАС РФ недопустимо повторное участие судьи в рассмотрении дела на стадии его обжалования. Также в силу ст. 233 КАС РФ член Дисциплинарной коллегии не вправе рассматривать административное дело по поступившей в Дисциплинарную коллегию жалобе (обращению) в случаях, если он участвовал в рассмотрении данного административного дела в качестве члена квалификационной коллегии судей.

3. Данный принцип оказал существенное влияние на формирование многих процессуально-правовых институтов в их современном виде. К примеру, А.И. Соколова отмечает, что существовавшее ранее в рамках надзорного производства полномочие суда по собственной инициативе возбуждать процедуру проверки правового акта противоречило природе правосудия, нарушая как раз основополагающий правовой принцип *nemo iudex in propria causa* [7, с. 162].

В не меньшей степени существование указанного принципа влияет и на дискуссию относительно возможности применения в отечественной правовой системе судебного прецедента. Ю.А. Гаврилова по этому поводу отмечает, что «отношение к судебному прецеденту определяется преимущественно по субъекту его социальной легитимации и официальной легализации (законодатель или высшие суды), но в случае с высшими судами — это всегда в определенной степени нарушение принципа *nemo iudex in propria causa*..., поскольку о том, что эта правовая позиция подлежит обязательному учету как прецедент, заключает именно сам высший суд, а это мнение возвращает нас к исходному тезису о необходимости (возможности) легализации прецедента только законодателем» [8, с. 128].

Проблемы применения принципа *nemo iudex in propria causa* в практике судов по гражданским и административным делам

Говоря о проблемах применения указанного принципа на практике, следует отметить попытки расширительного его толкования — не только применительно к судам, но и в отношении иных лиц. К примеру, в одном из дел о банкротстве в ходе судебного разбирательства должник ООО «ЭКО ПРОМ»

² Определение Арбитражного суда Иркутской области от 07.10.2021 по делу № А19-625/2012. Документ опубликован на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. — URL: <https://my.arbitr.ru> (дата обращения: 16.03.2025).

³ Апелляционное определение Вологодского областного суда от 07.02.2023 по делу № 2а-708/2022. Документ опубликован на сайте Федеральных судов общей юрисдикции Российской Федерации. — URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 16.03.2025).

возражало относительно кандидатуры арбитражного управляющего, так как данный арбитражный управляющий является конкурсным управляющим ООО «СибСтройИнвест», в рамках дела о банкротстве которого ООО «ЭКО ПРОМ» является кредитором. Представитель должника полагал при этом, что при утверждении арбитражного управляющего должник сталкивается с риском неполучения надлежащего (независимого от чего-либо) правового отношения от конкурсного управляющего, чем существенным образом нарушается один из базовых принципов правосудия – *nemo iudex in propria causa*⁴.

В данном случае указанный принцип при формулировании должником своей правовой позиции по делу фактически был экстраполирован на правоотношения, касающиеся деятельности арбитражного управляющего.

Безусловно, сам по себе принцип *nemo iudex in propria causa* в его широком (не лингвистически буквальном) понимании не является по умолчанию применимым только в отношении суда, поскольку может быть обобщен другой формулой: «никто не может одновременно участником правового спора (дела) и лицом, разрешающим этот спор (рассматривающим это дело)».

В то же время, применение в указанном случае рассматриваемого принципа все же не совсем корректно: в обоих делах арбитражный управляющий осуществлял одну и ту же функцию, что может говорить скорее о специфической форме конфликта интересов, нежели о разрешении дела в отношении себя.

При этом арбитражный управляющий не может провести процедуру банкротства в отношении себя самого в силу абз. 2 ч. 2 ст. 20.2 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», где сказано, что арбитражным судом в качестве временных управляющих, административных управляющих, внешних управляющих или конкурсных управляющих не могут быть утверждены в деле о банкротстве арбитражные управляющие, которые являются заинтересованными лицами по отношению к должнику, кредиторам. И это как раз свидетельствует о действии принципа *nemo iudex in propria causa*.

В контексте данного вопроса интересно еще одно дело, в котором индивидуальный предприниматель просил суд признать незаконным действие банка, выражающееся в возвращении без исполнения исполнительного листа, а также об обязании исполнить требования, содержащиеся в исполнительном листе.

Сложность дела заключалась в том, что банк одновременно был как должником, так и кредитной организацией, обязанной исполнять требования исполнительного документа в силу ст. 8 Федерального закона № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Судом в решении было отмечено, что доказательства того, что ответчик, как банк, является кредитной организацией, обслуживающей свои счета, как счета должника, в материалах дела отсутствуют. Таким образом, банк по исполнительному документу в отношении себя не может выступать банком, принудительно исполняющим исполнительный документ. Направление взыскателем на принудительное исполнение исполнительного листа непосредственно в данный банк не отвечает требованиям разумности, поскольку приводит к созданию правовой ситуации, в которой банк является одновременно и должником, и исполнителем.

Вышеуказанные действия заявителя фактически, при формальном отсутствии законодательного запрета на предъявление исполнительного листа банку-должнику, фактически приводят к нарушению общеправового принципа «никто не может быть судьей в собственном деле» (*nemo iudex in propria causa*), что не может быть расценено судом как добросовестное поведение взыскателя, в том числе с учетом одновременного заявления истцом требования о взыскании с банка судебной неустойки.

На основании вышеизложенного суд отказал в удовлетворении исковых требований истца⁵.

Полагаем, что данном случае применение принципа *nemo iudex in propria causa* как раз уместно, поскольку речь идет о принудительном взыскании в отношении себя самого, что технически возможно, но создает риск злоупотребления правом, а также противоречит самой природе принудительного исполнения (поскольку с точки зрения права невозможно принудить себя самого).

⁴ Решение Арбитражного суда Красноярского края от 02.09.2020 по делу № А33-13638/2020. Документ опубликован на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. – URL: <https://my.arbitr.ru> (дата обращения: 16.03.2025).

⁵ Решение Арбитражного суда города Москвы от 31.01.2025 по делу № А40-233924/24-72-1715. Документ опубликован на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. – URL: <https://my.arbitr.ru> (дата обращения: 16.03.2025).

В другом деле было отмечено, что частью 6 ст. 8 Федерального закона от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» установлен запрет направлять жалобу на рассмотрение должностному лицу, решение или действие (бездействие) которого обжалуется. Указанное положение, по мнению суда, представляет собой реализацию принципа *nemo iudex in propria causa*, который в равной мере распространяется и на юрисдикционную деятельность административных органов⁶.

Поэтому полагаем, что принцип *nemo iudex in propria causa* обрел в настоящее время в рамках правового регулирования и правоприменительной практики более широкое значение, чем предусмотренное его буквальным пониманием. Фактически данный принцип стал не только судебно-процессуальным, но и процессуальным в широком смысле слова, находя свое применение в рамках различных видов юридического процесса и отдельных процедур.

При этом важно отметить, что не всегда суды применяют принцип *nemo iudex in propria causa*.

В одном из дел Общество обратилось в суд с заявлением о признании решения Комиссии УФАС России по Самарской области о нарушении антимонопольного законодательства недействительным⁷.

Истец в обоснование своего требования указывал на факт участия должностного лица, рассматривающего дело об административном правонарушении, в рассмотрении дела о нарушении антимонопольного законодательства. Однако суды первой и апелляционной инстанций отметили, что данное обстоятельство не указывает на наличие у должностного лица личной, прямой или косвенной заинтересованности в разрешении дела.

Применительно к теме настоящего исследования интересен довод заявителя о том, что отказ УФАС в удовлетворении заявлений об отводе был неправомерно мотивирован отсутствием в КоАП РФ такого основания для отвода, что нарушило общеправовой принцип *nemo iudex in propria causa*.

Суд первой и апелляционной инстанций сочли, что данный довод заявителя является несостоятельным и противоречащим содержанию принятого определения.

В данном случае следует согласиться с позицией суда, так как принцип *nemo iudex in propria causa* не запрещает сам по себе рассматривать несколько взаимосвязанных дел в отношении одного и того же субъекта. Важно лишь то, чтобы субъект, рассматривающий одно из этих дел, не был заинтересованной стороной в другом.

Заключение

Реализация правовых принципов невозможна без их последовательного и непротиворечивого воплощения на практике. Рассматриваемый в настоящей статье принцип не является в этом смысле исключением.

Полагаем, что для эффективной реализации принципа *nemo iudex in propria causa* в рамках правоприменительной деятельности следует обеспечить более подробное его закрепление в нормах процессуального и административного права. При этом приоритетными в данном отношении должны стать именно процессуальные отрасли в силу особое роли судов в системе юрисдикционных органов, обеспечивающих защиту нарушенных прав, свобод и законных интересов. Тем более что закрепленный в процессуальных кодексах принцип независимости судей охватывает несколько иные аспекты судебной деятельности, касающиеся недопустимости внешнего воздействия на судью и его деятельность. Вопросы же недопустимости заинтересованности судьи при рассмотрении дела охватываются только не раскрываемыми подробно категориями объективности и беспристрастности (ст. 12 ГПК РФ, ст. 9 АПК РФ, ст. 14 КАС РФ), которые в процессуальном законодательстве (исходя из структуры статей указанных кодексов) сводятся преимущественно к принципу состязательности, также имеющему несколько иную правовую направленность.

⁶ Апелляционное определение Верховного Courts Республики Карелия от 06.02.2020 по делу № 33а-341/2020. Документ опубликован на сайте Федеральных судов общей юрисдикции Российской Федерации. – URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 16.03.2025).

⁷ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.12.2018 по делу № А55-35426/2017. Документ опубликован на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. – URL: <https://my.arbitr.ru> (дата обращения: 16.03.2025).

На основании вышеизложенного существует объективная потребность в формулировании и подробном раскрытии в нормах права самостоятельного принципа беспристрастности, основанного, в том числе, на формуле *nemo iudex in propria causa*, которая является одним из частных случаев указанного принципа.

Список литературы

1. *Липинский Д.А., Попов И.Е.* Процессуальные правонарушения как проявление правовой антикультуры // Правовая культура. – 2021. – № 2 (45). – С. 36–42.
2. *Srivastava S., Das P.* Rules of natural justice with emphasis on Nemo Judex in Causa Sua: An insight into administrative law // Journal of Legal Studies and Criminal Justice. – 2020. – Vol. 1 (1). – P. 23–35. – URL: <https://royalliteglobal.com/jlscj/article/view/254> (дата обращения: 16.03.2025).
3. *Basuki T.* Implementation of nemo judex idoneus in propria causa principle in constitutional court decision perspective of separation power // International Journal of Business, Economics and Law. – 2022. – Vol. 28, Issue 1 (Dec). – P. 171–174. – URL: https://ijbel.com/wp-content/uploads/2023/01/IJBEL28.ISU-1_559.pdf (дата обращения: 16.03.2025).
4. *Плюснина О.В.* Аксиомы в системе юридических конструкций // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2. – С. 615–616.
5. *Давыдова М.Л.* К вопросу о понятии правовых аксиом: теоретические и технико-юридические аспекты // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 203–208.
6. *Павлюк Ю.Б.* О некоторых особенностях рассмотрения отвода судье в гражданском и арбитражном процессе // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 2 (182). – С. 164–166.
7. *Соколова А.И.* Понятие и правовая природа института нормоконтроля // Вестник ОГУ. – 2013. – № 3 (152). – С. 162–168.
8. *Гаврилова Ю.А.* Судебная практика и правоприменительное смыслообразование в Российской Федерации // Lex Russica. – 2018. – № 7 (140). – С. 125–134.

References

1. *Lipinskij D.A., Popov I.E.* Processual'nye pravonarusheniya kak proyavlenie pravovoj antikul'tury // Pravovaya kul'tura. – 2021. – № 2 (45). – S. 36–42.
2. *Srivastava S., Das P.* Rules of natural justice with emphasis on Nemo Judex in Causa Sua: An insight into administrative law // Journal of Legal Studies and Criminal Justice. – 2020. – Vol. 1 (1). – P. 23–35. – URL: <https://royalliteglobal.com/jlscj/article/view/254> (data obrashcheniya: 16.03.2025).
3. *Basuki T.* Implementation of nemo judex idoneus in propria causa principle in constitutional court decision perspective of separation power // International Journal of Business, Economics and Law. – 2022. – Vol. 28, Issue 1 (Dec). – P. 171–174. – URL: https://ijbel.com/wp-content/uploads/2023/01/IJBEL28.ISU-1_559.pdf (data obrashcheniya: 16.03.2025).
4. *Plyusnina O.V.* Aksiomy v sisteme yuridicheskikh konstrukcij // Yuridicheskaya tekhnika. – 2013. – № 7-2. – S. 615–616.
5. *Davydova M.L.* K voprosu o ponyatii pravovyh aksiom: teoreticheskie i tekhniko-yuridicheskie aspekty // Yuridicheskaya tekhnika. – 2007. – № 1. – S. 203–208.
6. *Pavlyuk Yu.B.* O nekotoryh osobennostyah rassmotreniya otvoda sud'e v grazhdanskom i arbitrazhnom processe // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2020. – № 2 (182). – S. 164–166.
7. *Sokolova A.I.* Ponyatie i pravovaya priroda instituta normokontrolya // Vestnik OGU. – 2013. – № 3 (152). – S. 162–168.
8. *Gavrilova Yu.A.* Sudebnaya praktika i pravoprimenitel'noe smysloobrazovanie v Rossijskoj Federacii // Lex Russica. – 2018. – № 7 (140). – S. 125–134.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025

Received: 17.03.2025

Статья поступила для публикации: 25.04.2025

Accepted: 25.04.2025

РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Егеров Иван Михайлович¹,
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: egerevim@mail.ru,

Егерова Олеся Александровна¹,
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: oegereva@muiv.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

В статье рассматриваются ключевые вопросы интеграции искусственного интеллекта в практике экспертной деятельности в судопроизводстве. При этом акцент сделан на проблему «чёрного ящика» – не-прозрачности алгоритмов, препятствующую полной юридической оценке результатов. Анализируется сложность объяснимости решений глубоких нейронных сетей, их несовместимость с требованиями процессуального права, предусматривающего проверяемость и воспроизводимость экспертных заключений. Авторами обсуждаются современные методики повышения прозрачности искусственного интеллекта, а также многоуровневой экспертной проверки с обязательным документированием процедур. Подчеркивается необходимость взаимодействия разработчиков, экспертов и юристов для создания юридически приемлемых и научно обоснованных систем. Особое внимание уделяется роли эксперта в условиях цифровизации. Рассматривается риск замещения эксперта алгоритмическими решениями и связанное с этим снижение качества судебных выводов и утрата профессиональной автономии. В целом авторы отмечают, что успешное внедрение искусственного интеллекта в судебную практику требует баланса между технологическими инновациями и сохранением ключевой роли эксперта, а также формирования комплексной нормативно-правовой базы, обеспечивающей прозрачность, законность и качество экспертных заключений. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебная экспертиза, автоматизация судебных процедур, допустимость доказательств, верифицируемость заключений, интерпретация экспертных данных, цифровизация судебной системы

THE RISKS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FORENSIC SCIENCE AND WAYS TO OVERCOME THEM

Egerev I.M.¹,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: egerevim@mail.ru,

Egereva O.A.¹,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: oegereva@muiv.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article discusses the key issues of the integration of artificial intelligence in the practice of expert activity in judicial proceedings. At the same time, the problem of the “black box” – the opacity of algorithms, which prevents a full legal assessment of the results – is highlighted. The complexity of the explainability of deep neural network solutions and their incompatibility with the requirements of procedural law, which provides for the verifiability and reproducibility of expert opinions, is analyzed. The authors discuss modern methods for increasing the transparency of artificial intelligence, as well as multi-level expert verification with mandatory

documentation of procedures. The need for interaction between developers, experts and lawyers to create legally acceptable and scientifically sound systems is emphasized. Special attention is paid to the role of an expert in the context of digitalization. The risk of replacing an expert with algorithmic solutions and the associated decrease in the quality of judicial conclusions and loss of professional autonomy is considered. In general, the authors note that the successful implementation of artificial intelligence in judicial practice requires a balance between technological innovations and maintaining the key role of an expert, as well as the forming of a comprehensive regulatory framework that ensures transparency, legality and quality of expert opinions.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: artificial intelligence, forensic examination, automation of judicial procedures, admissibility of evidence, verifiability of conclusions, interpretation of expert data, digitalization of the judicial system

Современное развитие технологий искусственного интеллекта открывает новые горизонты в различных сферах человеческой деятельности, включая судебно-экспертную практику. В условиях растущих объемов информации, усложнения экспертиз и необходимости повышения объективности и скорости принятия экспертных заключений, внедрение искусственного интеллекта становится не просто желательным, а объективно необходимым шагом к модернизации судебной системы. Использование интеллектуальных систем позволяет автоматизировать анализ сложных данных, минимизировать влияние субъективных факторов, а также повысить качество и достоверность экспертных выводов [1].

Однако активное внедрение искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность сопряжено с рядом правовых, методологических и этических проблем [2]. В частности, возникает проблема обеспечения объяснимости и воспроизводимости решений, принимаемых на основе алгоритмов машинного обучения и нейронных сетей, что критично для их принятия в рамках процессуального законодательства. Не менее важным является вопрос сохранения роли эксперта как субъекта, ответственного за юридическую обоснованность и научную достоверность экспертных заключений, несмотря на автоматизацию ряда этапов исследования [3].

Использование искусственного интеллекта в судебно-экспертной практике, несмотря на очевидные преимущества в точности и скорости обработки данных, сталкивается с фундаментальной проблемой так называемого «чёрного ящика» [4]. Под этим термином понимается ситуация, при которой внутренняя логика принятия решений алгоритмом не ясна или полностью недоступна для понимания человеком, что серьёзно осложняет юридическую и экспертную оценку результатов, полученных с использованием подобных систем.

Проблема объяснимости возникает, прежде всего, в связи с применением глубоких нейронных сетей, отличающихся высокой сложностью и нелинейностью своих вычислений. Такие сети, способные эффективно решать задачи классификации и распознавания, не предоставляют прозрачных алгоритмических шагов, которые можно было бы проверить традиционными методами. В результате эксперт, использующий данные системы в судебных исследованиях, оказывается перед необходимостью доверять выводам, не имея возможности непосредственно проследить путь их формирования.

Юридическое значение объяснимости обусловлено требованиями процессуального законодательства, согласно которому экспертные заключения должны быть не только объективными и точными, но и воспроизводимыми и проверяемыми. Суд, адвокаты и другие участники процесса должны иметь возможность детально изучить, каким образом эксперт пришёл к представленным выводам, чтобы обеспечить справедливость и законность судебного решения. В условиях непрозрачности работы алгоритмов искусственного интеллекта такая возможность зачастую отсутствует, что порождает обоснованные сомнения и вызывает вопросы о допустимости данных доказательств в судебном процессе [5].

Для решения этой проблемы в научном и юридическом сообществе активно разрабатываются подходы и методики обеспечения объяснимости искусственного интеллекта. Один из подходов основан на создании алгоритмов, изначально ориентированных на прозрачность, таких как деревья решений или линейные модели. Хотя эти модели могут уступать глубоким нейросетям в точности, их преимущество заключается в том, что каждое принятое решение сопровождается ясным и понятным объяснением, позволяющим участникам процесса понять и оценить логику выводов.

Другим, более технологически продвинутым решением, является разработка специальных алгоритмов, способных раскрыть внутреннюю структуру работы нейросетей. Такие инструменты, как SHAP (SHapley Additive exPlanations) и LIME (Local Interpretable Model-agnostic Explanations), позволяют идентифицировать вклад каждого входного параметра в итоговое решение сети, что делает возможным детальный разбор и объяснение полученных результатов.

Также перспективным подходом считается внедрение многоуровневой экспертной проверки результатов, полученных от «чёрных ящиков». На первом уровне результаты проходят автоматическую интерпретацию с использованием специализированных алгоритмов объяснимости, а на втором – подвергаются обязательной ручной проверке и интерпретации квалифицированными экспертами, которые дают окончательное заключение о допустимости использования таких данных в судебных процессах.

Кроме того, значительную роль в обеспечении объяснимости играет внедрение строгих стандартов и процедур документирования всех этапов работы с искусственным интеллекта. Такие стандарты должны включать чёткие требования к описанию алгоритмов, характеристикам обучающих данных и условиям применения, что позволяет контролировать и оценивать объективность и корректность полученных выводов.

Наконец, решение проблемы объяснимости требует постоянного междисциплинарного сотрудничества между разработчиками систем искусственного интеллекта, экспертами и юристами. Только совместные усилия способны обеспечить создание и внедрение таких алгоритмических решений, которые будут отвечать высоким требованиям юридической приемлемости и экспертной прозрачности, сохраняя при этом преимущества современных технологий искусственного интеллекта [5].

Таким образом, обеспечение объяснимости является ключевым условием интеграции искусственного интеллекта в судебно-экспертную практику. Комплексное решение этой проблемы требует сочетания технологических инноваций, методологического совершенствования экспертной деятельности и разработки адекватных нормативно-правовых механизмов, способных обеспечить как надёжность и объективность экспертных заключений, так и их допустимость в судебной практике.

Внедрение искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность, несомненно, открывает значительные перспективы для повышения объективности, скорости и точности экспертных заключений. Тем не менее, расширение применения автоматизированных систем неизбежно порождает серьёзный риск подмены профессионального эксперта алгоритмическими решениями, что требует внимательного и комплексного анализа в контексте как профессиональных стандартов, так и юридической доктрины [6].

Важным аспектом данного риска является недостаточное понимание того, что современные программные решения, даже наиболее продвинутые, не могут полностью заменить человеческую интуицию, профессиональный опыт и способность к интерпретации сложных и нестандартных ситуаций. Несмотря на способность искусственного интеллекта эффективно обрабатывать большие массивы данных и выявлять закономерности, именно эксперт способен учитывать более широкий контекст дела, который зачастую выходит за пределы формальных параметров, доступных для алгоритмического анализа.

Опасность такой подмены проявляется, прежде всего, в потенциальном снижении качества судебных решений. Автоматизированные системы могут генерировать выводы, которые формально будут выглядеть объективными и точными, однако в отсутствие профессионального критического анализа за эксперта такие выводы рискуют оказаться неполными или вводящими в заблуждение [7].

Не менее значимой является проблема утраты профессиональной автономии экспертов. Если эксперты начнут чрезмерно полагаться на результаты работы программного обеспечения, они могут постепенно утратить способность к самостоятельной критической оценке, что в долгосрочной перспективе негативно скажется на профессиональном развитии и уровне экспертного сообщества в целом. В этом контексте возникает потребность в создании чётких стандартов и процедур, которые позволят балансировать между использованием инновационных технологий и сохранением профессиональной независимости экспертов.

Кроме того, риск подмены человека алгоритмом порождает серьёзные этические вопросы, связанные с ответственностью за принимаемые решения. В условиях, когда заключения формируются преимущественно или исключительно на основе автоматизированных систем, становится неясным, кто

именно несёт ответственность за возможные ошибки и недостатки этих заключений. Такая ситуация противоречит базовым принципам правосудия, требующим чёткой и недвусмысленной ответственности конкретного лица за предоставляемые суду доказательства [8].

В юридическом аспекте проблема подмены эксперта программным обеспечением приводит к вопросам процессуальной допустимости таких доказательств. Согласно действующему законодательству и судебной практике многих стран, экспертиза подразумевает необходимость участия квалифицированного специалиста, обладающего соответствующими знаниями, опытом и способностью нести ответственность за свои заключения. Автоматизированные алгоритмы, не являясь субъектами права, не могут взять на себя аналогичную ответственность, что существенно ограничивает возможность их самостоятельного использования в судебном процессе без участия человека-эксперта.

Для минимизации риска подмены эксперта необходим комплексный подход, включающий разработку и внедрение стандартов и регламентов, строго регулирующих порядок применения технологий искусственного интеллекта в экспертной деятельности. Такие регламенты должны предусматривать обязательный профессиональный контроль над результатами работы алгоритмов, а также чёткие требования к квалификации и ответственности экспертов, использующих инструменты искусственного интеллекта в своей работе.

Также необходимо усилить профессиональное образование и повышение квалификации судебных экспертов, направленное на формирование навыков критического анализа и оценки результатов, предоставляемых автоматизированными системами. Эксперты должны быть подготовлены не только к работе с технологиями искусственного интеллекта, но и к способности распознавать и исправлять потенциальные ошибки и несоответствия, возникающие в процессе автоматизированного анализа.

Таким образом, риск подмены эксперта программным обеспечением является важным вызовом для современного судебного экспертного сообщества. Эффективное преодоление данного риска требует чётко продуманной стратегии, ориентированной на гармоничное сочетание технологических инноваций с сохранением и развитием профессиональных компетенций и ответственности судебных экспертов.

Современные технологии искусственного интеллекта, внедряемые в судебно-экспертную деятельность, постепенно трансформируют её методологию и процессуальные аспекты, выдвигая на повестку дня вопрос о перспективах их дальнейшего развития. В этом контексте следует рассмотреть эволюцию роли искусственного интеллекта от вспомогательного инструмента, поддерживающего работу экспертов, до возможности частичной или полной автономизации экспертной деятельности.

На текущем этапе искусственный интеллект преимущественно используется как инструмент поддержки, выполняющий задачи предварительной обработки и анализа больших объёмов данных. При этом конечная интерпретация результатов, полученных алгоритмическими методами, остаётся за экспертом, который использует профессиональный опыт и критическое мышление для проверки и интеграции этих данных в юридически значимое заключение.

Однако дальнейшее развитие технологий неизбежно приводит к вопросу о расширении роли искусственного интеллекта и увеличении степени его автономности. В перспективе можно предположить возникновение систем, способных не только предварительно обрабатывать и анализировать информацию, но и формировать заключения с минимальным участием человека-эксперта. Подобная автономизация будет базироваться на развитии так называемого сильного искусственного интеллекта, способного самостоятельно вырабатывать интерпретации и принимать экспертные решения на основе обширного массива обучающих данных и глубоких нейросетевых моделей.

При этом необходимо отметить, что полная автономизация судебной экспертизы представляется проблематичной как с технической, так и с юридической точки зрения. Основной трудностью является необходимость обеспечения прозрачности и объяснимости решений, принимаемых искусственным интеллектом, что является обязательным условием для их процессуальной допустимости и юридической значимости. Современные алгоритмы глубокого обучения, несмотря на высокую точность, зачастую не обеспечивают достаточной прозрачности и объяснимости, функционируя по принципу «чёрного ящика», что существенно ограничивает возможность их использования в автономном режиме в судебных процедурах.

Тем не менее, существует ряд перспективных направлений, способных в будущем преодолеть эти ограничения. Одним из них является разработка и внедрение методов объяснимого искусственно-

го интеллекта, позволяющих наглядно и последовательно демонстрировать логику принятия решений алгоритмом. Подобные технологии могут обеспечить необходимый уровень прозрачности и доверия со стороны судебных органов и экспертного сообщества, тем самым постепенно приближая возможность применения автономных экспертных систем в судебной практике [9].

Другим важным направлением является нормативно-правовое регулирование автономных систем искусственного интеллекта. Развитие законодательных и процессуальных норм, регулирующих применение автономных систем в судебно-экспертной деятельности, может создать необходимую основу для их юридического признания и интеграции в процессуальные процедуры. При этом законодательные акты должны предусматривать строгие требования к таким системам, включая процедуры сертификации, регулярного аудита и независимой проверки результатов их работы.

Кроме того, необходимо учитывать этические и социальные аспекты автономизации экспертной деятельности. Внедрение автономных систем искусственного интеллекта в судебную экспертизу требует широкого общественного обсуждения и согласования, поскольку затрагивает фундаментальные вопросы ответственности, справедливости и доверия к судебной системе. Важно обеспечить открытость и прозрачность этих дискуссий, вовлекая в них не только экспертов и юристов, но и представителей гражданского общества, что позволит учесть различные интересы и опасения, связанные с применением новых технологий.

Таким образом, перспективы развития искусственного интеллекта в судебной экспертизе представляются многообещающими, но требуют осторожного и продуманного подхода. Эволюция от поддержки к автономной экспертизе должна происходить постепенно, сопровождаясь созданием надёжных технологических решений, адекватной нормативно-правовой базы и активным диалогом между профессиональным сообществом и обществом в целом. Только при соблюдении всех указанных условий использование искусственного интеллекта сможет реализовать свой потенциал, существенно повысив эффективность и объективность судебной экспертизы и укрепив доверие к системе правосудия.

Современные тенденции интеграции искусственного интеллекта в судебную экспертизу требуют также кардинального пересмотра подходов к профессиональной подготовке экспертов, обусловленного растущей сложностью задач и расширением круга компетенций, необходимых специалистам нового поколения. Подготовка судебных экспертов, способных эффективно взаимодействовать с технологиями искусственного интеллекта, должна охватывать как глубокие фундаментальные знания в области традиционной криминалистики и судебной экспертологии, так и специализированные навыки работы с передовыми цифровыми технологиями.

Важнейшим элементом в подготовке современных экспертов является развитие у них компетенций в области алгоритмического мышления и понимания основ функционирования систем искусственного интеллекта. Специалисты должны обладать знаниями, позволяющими не только использовать готовые программные решения, но и понимать принципы их работы, включая особенности нейросетевых моделей, алгоритмов глубокого и машинного обучения. Такой подход к подготовке позволит экспертам критически оценивать предоставляемые результаты работы искусственного интеллекта, выявлять возможные ошибки и интерпретировать алгоритмические выводы в контексте конкретных судебных задач.

Не менее важным направлением в подготовке специалистов является формирование компетенций в области информационной безопасности и защиты данных. Эксперты нового поколения должны понимать риски, связанные с обработкой чувствительной информации, уметь применять современные методы криптографической защиты, контролировать соблюдение правовых норм при работе с биометрическими и персональными данными. Таким образом, подготовка должна включать изучение законодательства и стандартов информационной безопасности, методов защиты и анонимизации данных, а также навыков выявления и предупреждения угроз информационной безопасности.

Кроме того, специалисты должны быть подготовлены к постоянному взаимодействию и сотрудничеству с техническими специалистами в области искусственного интеллекта и информационных технологий. Это предполагает формирование междисциплинарных коммуникационных навыков, способность ясно и чётко формулировать технические требования и задачи, понимание терминологии и профессионального языка специалистов в сфере искусственного интеллекта. Междисциплинарный характер современной судебной экспертизы требует, чтобы эксперты были способны эффективно коммуницировать и координировать работу с программистами, инженерами и аналитиками данных.

Отдельного внимания заслуживает подготовка специалистов в области этики и юридических аспектов применения искусственного интеллекта [8]. Современный эксперт должен чётко понимать этические ограничения и требования, касающиеся применения алгоритмических решений в судебной практике. Это включает в себя знание принципов прозрачности, объяснимости и справедливости использования систем искусственного интеллекта, способность выявлять и предотвращать возможные дискриминационные или предвзятые аспекты алгоритмического анализа.

Важным аспектом подготовки нового поколения экспертов является также формирование навыков постоянного профессионального самообразования и адаптации к быстро меняющимся технологиям и методам работы. Специалисты должны быть готовы постоянно обновлять свои знания и компетенции, участвовать в профессиональных тренингах и курсах повышения квалификации, осваивать новые инструменты и методики, возникающие в результате технологического прогресса. Это обеспечит высокий уровень профессионализма и актуальности их знаний на протяжении всей профессиональной деятельности.

С учетом вышеуказанных положений, требования к подготовке специалистов нового поколения включают широкий спектр компетенций, охватывающих глубокие знания в области криминалистики и судебной экспертологии, алгоритмического мышления, информационной безопасности, этических и юридических аспектов применения искусственного интеллекта, междисциплинарного взаимодействия и навыков самообразования. Реализация таких требований возможна лишь при условии комплексного подхода к профессиональному образованию, включающего интеграцию академических знаний, практических навыков и междисциплинарного сотрудничества, что в свою очередь обеспечит высокий профессионализм и эффективность специалистов в условиях интенсивного развития технологий искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности.

Список литературы

1. *Торопов С.А.* Возможности использования искусственного интеллекта для решения задач судебной экспертизы // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: сб. статей по результатам III международной научно-практической конференции. – Симферополь, 2024. – С. 328–333.
2. *Баксанский О.Е., Сорокина С.Г.* Этика искусственного интеллекта: сбалансированный подход к развитию и применению // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 1 (129). – С. 23–33.
3. *Соломонов Е.В.* Правосубъектность искусственного интеллекта // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2025. – Т. 22, № 1. – С. 63–72.
4. *Кутейников Д.Л. и др.* Алгоритмическая прозрачность и подотчетность: правовые подходы к решению проблемы «черного ящика» / Д.Л. Кутейников, О.А. Ижаев, С.С. Зенин, В.А. Лебедев // Lex Russica (Русский закон). – 2020. – Т. 73, № 6 (163). – С. 139–148.
5. *Трофимова А.Х.* Искусственный интеллект и ответственность при его применении Sciences of Europe. – 2022. – № 96 (96). – С. 3–6.
6. *Хмыз А.И.* Экспертная ситуация и искусственный интеллект // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 3. – С. 286–290.
7. *Карташов И.И., Карташов И.И.* Искусственный интеллект: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – Т. 5, № 17. – С. 75–89.
8. *Хмыз А.И.* Использование возможностей искусственного интеллекта в судебной экспертизе // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 5. – С. 224–227.
9. *Файн А., Ли С., Миллер М.К.* Контент-анализ мнений судей об инструментах оценки рисков с использованием искусственного интеллекта // Russian Journal of Economics and Law. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 246–263.

References

1. *Toropov S.A.* Possibilities of using artificial intelligence to solve the problems of forensic examination// Protection and protection of rights and legitimate interests in modern law. Collection of articles on the results of the III international scientific-practical conference. – Simferopol, 2024. – S. 328–333.
2. *Baksansky O.E., Sorokina S.G.* Ethics of artificial intelligence: a balanced approach to development and application // Society: philosophy, history, culture. – 2025. – № 1 (129). – S. 23–33.

3. *Solomonov E.V.* Legal personality of artificial intelligence // Bulletin of Omsk University. Series: Right. – 2025. – Vol. 22, № 1. – S. 63–72.
4. *Kuteinikov D.L.* Algorithmic transparency and accountability: legal approaches to resolving the black box problem / *D.L. Kuteinikov, O.A. Izhaev, S.S. Zenin, V.A. Lebedev* // Lex Russica (Russian law). – 2020. – Т. 73, № 6 (163). – S. 139–148.
5. *Trofimova A.Kh.* Artificial intelligence and responsibility in its application Sciences of Europe. – 2022. – № 96 (96). – S. 3–6.
6. *Khmyz A.I.* Expert situation and artificial intelligence // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3. – S. 286–290.
7. *Kartashov I.I., Kartashov I.I.* Artificial intelligence: criminal law and procedural aspects//Actual problems of the state and law. – 2021. – Vol. 5, № 17. – S. 75–89.
8. *Khmyz A.I.* Using the capabilities of artificial intelligence in forensic science//Bulletin of Economic Security. – 2022. – № 5. – S. 224–227.
9. *Fine A., Lee S., Miller M.K.* Content analysis of judges' opinions on risk assessment tools using artificial intelligence // Russian Journal of Economics and Law. – 2024. – Vol. 18, № 1. – S. 246–263.

Статья поступила в редакцию: 09.05.2025

Received: 09.05.2025

Статья поступила для публикации: 19.06.2025

Accepted: 19.06.2025

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Колонтаевская Ирина Федоровна^{1,2},
д-р пед. наук, канд. юрид. наук, профессор,
e-mail: kolont@bk.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Еврейский университет, г. Москва, Россия

Целью исследования статьи является организационно-правовое обеспечение демографической безопасности России в условиях современных экзистенциальных угроз, разработка предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере, а также общая правовая оценка перспектив их дальнейшей реализации. Раскрыты понятие и сущность демографической безопасности в контексте исполнения Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Обоснован политико-правовой подход к значению институтов семьи и брака. Дана оценка правовой корректности и социально-экономической целесообразности правовых регуляторов миграционной политики в России с учетом нового Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Разработаны предложения по совершенствованию правового регулирования в сфере народосбережения в соответствии с российскими национальными интересами. Методология: общенаучные методы исследования (анализ и синтез, индукция и дедукция, системный и социологический анализ, сравнительная аналитика) и методы юридической науки, в том числе сравнительно-правовой и формально-юридический, контент-анализ законодательных актов и судебных решений, метод адаптивного прогнозирования в части эффективности правоприменения. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: демографическая безопасность, организационно-правовое обеспечение, традиционные российские ценности, народосбережение, миграционная политика, демография, современные вызовы

ORGANIZATIONAL AND LEGAL SUPPORT OF DEMOGRAPHIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kolontayevskaya I.F.^{1,2},
Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,
e-mail: aminovii@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²Hebrew University, Moscow, Russia

The aim of the work is to study the organizational and legal support of Russia's demographic security in the context of modern existential threats, to develop proposals for improving legislation in this area, as well as a general legal assessment of the prospects for their further implementation. The concept and essence of demographic security are revealed in the context of the execution of Decree of the President of the Russian Federation dated 05.07.2024 № 309 «On the national Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036». The political and legal approach to the importance of family and marriage institutions is substantiated. The assessment of the legal correctness and socio-economic feasibility of legal regulators of migration policy in Russia is given, taking into account the new Federal Law № 138-FZ dated 04.28.2023 «On Citizenship of the Russian Federation». Proposals have been developed to improve legal regulation in the field of population maintenance in accordance with Russian national interests.

Methodology: general scientific research methods (analysis and synthesis, induction and deduction, systematic and sociological analysis, comparative analytics) and methods of legal science, including comparative law and formal law, content analysis of legislative acts and court decisions, the method of adaptive forecasting in terms of the effectiveness of law enforcement.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: demographic security, organizational and legal support, traditional Russian values, population maintenance, migration policy, demography, modern challenges

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время демографическая проблема является главным и основным вызовом для России¹. Демографы связывают это с общими политико-правовыми, социальными, экономическими, технологическими, культурными и ценностными изменениями². Демографические потери населения за последние 30 лет, по данным Росстата, оказались самыми масштабными в истории России – 26,3 млн человек, включая избыточную смертность от COVID-19 (около 1 млн человек с марта 2020 г.)³. Преуспевание любого жизненного пространства складывается из миллиардов параметров, но в основном, из двух: территория (ее расширение или сжатие) и популяция (ее обилие или уничтожение)⁴. Российская Федерация, будучи самой большой по площади страной мира (17,1 млн кв. км), по численности населения занимает лишь девятое место – 145,4 млн человек⁵. Население России, включая новые регионы, еще предстоит посчитать, оно равно примерно 150 млн человек, «но для могучей державы с такой историей и с хорошими и здоровыми амбициями этого недостаточно» Но даже эти показатели могут оказаться сложными для сохранения⁶. При этом на начало 2025 года людей «серебряного возраста» (65+) стало больше, чем детей в возрасте 0–14 лет (17,7 % против 17,3 %). Этот тренд будет усиливаться, «серебряная экономика» – это новая реальность, к которой надо адаптироваться⁷. По прогнозам Росстата последствия депопуляции всерьез скажутся и в будущем: до 2035 г. численность населения страны продолжит сокращаться примерно по 400 000–600 000 человек в год, но за счет миграции в 250 000 человек сокращение общей численности россиян за ближайшие 15 лет удастся замедлить до 3,5 млн вместо 7,5 млн граждан. Однако к 2046 году население России может сократиться до 130 миллионов человек⁸. В связи с этим важнейшим направлением усилий государства является поддержка семей и рождаемости в них: от этого зависит будущее страны. Кроме того, требует исследования специфика динамики современной демографической ситуации в РФ, которая во многом определяется проведением специальной военной операции на Украине, культурно-цивилизационным противостоянием России и Запада, обострением миграционной ситуации в стране, агрессивностью русофобской пропаганды, сомнительных либеральных постулатов и ценностей общества потребления, попытками отрицания традиционных духовно-нравственных ориентиров нашего народа [1].

Актуальность темы повышается тем, что нашей страной взят курс на перелом в демографической ситуации уже в 2025 году. Главным приоритетом демографической политики Российской Федерации при

¹ Путин назвал демографический вызов главным для России // РИА Новости. 23.01.2025. – URL: <https://ria.ru/20250123/putin-1995140204.html?ysclid=mbg9h63jee468056689> (дата обращения: 18.05.2025).

² Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения: 15.05.2025).

³ Федеральная служба государственной статистики [сайт]. – URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 18.05.2025).

⁴ Проханов А. Верните русским имперскую задачу, и женщины опять начнут рожать // KM.RU. – URL: <https://www.km.ru/front-projects/demografiya/vernite-russkim-imperskuyu-zadachu-i-zhenshchiny-opyat-nachnut-rozhat> (дата обращения: 24.05.2025).

⁵ Рейтинг стран мира по численности населения // Global Relocate. – URL: <https://global-relocate.com/ru/rankings/world-population> (дата обращения: 24.05.2025).

⁶ Россия. Кремль. Путин. 25 лет: документальный фильм Павла Зарубина и Саиды Медведевой. – URL: <https://ya.ru/video/preview/9288537512328630671> (дата обращения: 24.05.2025).

⁷ Россияне хотят заводить больше детей, но получается меньше // Накануне.ru. – URL: <https://www.nakanune.ru/news/2025/05/15/22820503/?ysclid=mauva8tt6o199002609> (дата обращения: 24.05.2025).

⁸ Федеральная служба государственной статистики [сайт]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/?ref=genderguides.ru&ysclid=matwa8vv8g156904937> (дата обращения: 24.05.2025).

этом должно стать создание соответствующих условий, в том числе разработка организационно-правовых механизмов для естественного процесса воспроизводства населения и демографического роста. Как отметил Президент России В.В. Путин, это «крайне непростая задача, и в сложившихся обстоятельствах не все зависит от российских властей», но необходимо принять меры для того, чтобы «добиться выхода рождаемости в нашей стране на уверенный рост». Глава государства предложил составить специальный справочник, избавленный от канцеляризма, в котором «обычным, гражданским языком» будет говориться об определенных этапах, которые необходимо пройти, о положительных изменениях в жизни по итогу реализации нацпроектов, доступных пониманию граждан. Мнение россиян в этом процессе, как подчеркнул В.В. Путин, имеет ключевое значение⁹. При этом в основе всех решений по демографическому развитию страны должен лежать принцип «сохранения народа» М.В. Ломоносова или «сбережения народа» – графа И.И. Шувалова и Д.И. Менделеева. В условиях многонационального российского государства это означает и обязательное сбережение каждого большого и самого малого народа России [2].

Основная часть

Для определения логики правового анализа и приоритетных направлений государственной политики, нацеленной на обеспечение демографической безопасности, необходимо рассмотреть термины и понятия исследования¹⁰. В данной работе ключевым словом, определяющим понятие «демографическая безопасность», является – «демография».

Демография (от др.-греч. δῆμος – народ, + др.-греч. γράφω – пишу) – по определению Президента России В.В. Путина: «Это наука о Народе»¹¹. Она исследует закономерности воспроизводства населения, его расселения и распределения, изучает динамику этих процессов, а также взаимосвязи изменений численности человеческой популяции с другими социальными явлениями, например миграцией, ценностями общества, ментальными установками, межпоколенной преемственностью, влияние нетрадиционных теорий и др. Демография находится на стыке статистики, социологии, экономики, математики [3]. Этот ряд наук следует добавить **правом**, так как именно принимаемые нормативные правовые акты отражают, легализуют и закрепляют актуальные жизненные реалии, предлагают юридические механизмы для решения проблем народосбережения, обозначают перспективные направления развития демографической политики государства.

Как показало изучение специальной литературы по теме, серьезной научной проблемой, на наш взгляд, является отсутствие согласованного доктринального определения демографической безопасности, что во многом предопределяет бесперспективность разработок эффективных мер обеспечения того, что не определено. Это усугубляется и легальной неопределенностью данного термина. В нормативных правовых документах термин «безопасность» формулируется с некоторыми отличиями при сохранении основного содержательного, смыслового концепта. Конституция РФ, не выделяя понятия «демографическая безопасность», закрепляет ее принципиальные квалифицирующие факторы, создающие предпосылки для демографического благополучия в стране, например – провозглашение человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2), определение российского государства как социального (ст. 7), светского (ст. 14), федеративного (ч. 3 ст. 5). В Федеральном законе РФ «О безопасности»¹² смысл понятия «безопасность» не раскрывается, не смотря на неоднократное употребление. В Указе Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»¹³ понятия «безопасность» и «демографическая безопасность» не применяются.

⁹ Путин: в 2025 году должны быть созданы условия для перелома демографической ситуации // Версия. – URL: <https://versia.ru/putin-v-2025-godu-dolzny-byt-sozdany-usloviya-dlya-pereloma-demograficheskoy-situacii> (дата обращения: 28.05.2025).

¹⁰ Ростовская Т.К., Золотарева О.А. Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации // Вопросы управления. – 2022. – № 3. – С. 6–18. DOI: 10.22394/230433692022 3-6-18.

¹¹ Путин о демографии // VK. – URL: https://vk.com/video-23482909_456257110 (дата обращения: 24.05.2025).

¹² О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. – 03.01.2011. – № 1. – Ст. 2.

¹³ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 // СЗ РФ. – 2007. – № 42. – Ст. 5009.

В то же время в статье 2 Технического регламента Таможенного союза «О безопасности пиротехнических изделий» находим определение безопасности как «отсутствие недопустимого риска, связанного с возможностью причинения вреда и (или) нанесения ущерба»¹⁴.

Полагаем, что для России с ее исторической судьбой, цивилизационной спецификой, огромной территорией и богатейшими природными ресурсами демографическая безопасность представляет самостоятельную ценность, позволяя не только обеспечить связь и преемственность поколений, реальную охрану прав и интересов будущих поколений, но и защититься от внешних агрессивных угроз со стороны недружественных стран. Этот посыл подтверждается тем, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации к числу национальных интересов на долгосрочную перспективу отнесено, в частности, «обеспечение стабильного демографического развития страны»¹⁵, что способствует решению вопросов самого существования человека и народосохранения в целом.

В научной среде, дискуссии вызывает, в частности, выявление места и роли демографической безопасности в структуре национальной безопасности страны в целом. Одни ученые в структуре национальной безопасности приоритет отдают именно демографической составляющей, обосновывая свою точку зрения первостепенностью решения задачи сохранения народонаселения с его социокультурными особенностями, традициями, менталитетом, другие полагают, что демографическую безопасность необходимо рассматривать в непосредственном сочетании с иными видами безопасности (военной, экономической, продовольственной, информационной, экологической, ментальной, общественной) в целом.

Далеко не все зарубежные исследователи выделяют демографическую безопасность в отдельный, самостоятельный вид безопасности, подменяя его такими терминами, как «устойчивая смена поколений» [4] (sustainable generational renewal), «демографическая устойчивость» (demographic sustainability) [5] и «демографическая стабильность» (demographic stability) [5], достигаемые «демографическим переходом» (demographic transition) [6; 7], осуществляемом, в частности, принятием мер по сокращению численности населения путем насаждения различных «ценностей» неолберализма [8], социальных практик и мод, например, как теория «чайлдфри», движение ЛГБТ¹⁶, легализация эвтаназии и клонирования и другое. В западноцентричной модели демографической стабильности долгое время превалирует установка на предотвращение перенаселения планеты, сдерживающее управление рождаемостью и создание достойных условий жизни для «золотого миллиарда», к которому условно относят жителей наиболее богатых и развитых стран мира, как США, Великобритания, Канада, страны Евросоюза и Япония. Так, глава дипломатии Евросоюза Жозеп Боррель считает, что «привилегированная» Европа – это «сад», а окружающий ее мир – «джунгли», способные вторгнуться в хорошо отлаженный европейский механизм, создавая тем самым демографическую угрозу¹⁷.

Непосредственно под термином «демографическая безопасность» (demographic security), который также встречается в западной научной литературе, понимаются, в том числе, изменения в составе населения, такие как старение, снижение рождаемости и миграция, влияющие на экономическую, социальную и политическую стабильность ЕС, что может привести к различным проблемам, как нехватка рабочей силы, повышенная нагрузка на государственные бюджеты и снижение конкурентоспособности коренных граждан [9].

Анализ научных источников по теме показывает, что существенно отличаются и методологические подходы (ценностный, инструментальный, демоцентрический, системный, индикативный и другие) к толкованию демографической безопасности представителями разных наук – экономистами, демографами, социологами, юристами и т. д. Вместе с тем, все они сходятся во мнении, что связующим смысловым началом данной лексемы выступает понятие «безопасность», которое филологами единодушно трактуется как «состояние, при котором не угрожает опасность», отсутствуют «недопустимые

¹⁴ О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности пиротехнических изделий»: Решение Комиссии Таможенного союза от 16.08.2011 № 770 (ред. от 25.12.2018). – URL: <http://www.tsouz.ru/> (дата обращения: 24.05.2025).

¹⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // СЗ РФ. – 05.07.2021. – № 27 (Ч. II). – Ст. 5351.

¹⁶ Движение признано экстремистским и запрещено Верховным судом в РФ.

¹⁷ Боррель сравнил окружающий Европу мир с джунглями // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20221013/evropa-1823673165.html?ysclid=mbck7fp891729500385> (дата обращения: 24.05.2025).

риски», «есть защита от опасности личности, общества, государства и среды жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз или опасностей»¹⁸.

Опираясь на единое смысловое содержание безопасности, как базового термина, можно обоснованно формулировать производные термины для разных предметных областей, например, информационная безопасность, безопасность дорожного движения, экологическая безопасность, международная безопасность и т.д. [10]. Однако, анализ точек зрения различных ученых на определение понятия «демографическая безопасность» в правовом смысловом аспекте показывает широкий разброс мнений на этот счет. При этом формулируемые определения отличаются друг от друга в зависимости от аспектов и целей демографической безопасности, обозначенных авторами, и их научных интересов. Одни берут за целевую основу «достижение воспроизводства населения путем создания условий для реализации конституционных прав, связанных с материнством, детством и семьей» [11] или же – «защищенность и жизнестойкость существования населения, его устойчивое и расширенное воспроизводство» [12], другие – ставят во главу угла государственные демографические интересы [13], третьи – дают установку на сохранение цивилизационной идентичности российской общности, а также формирование и поддержание коллективного ментального иммунитета [14]. Отдельные специалисты сосредотачивают смысловую нагрузку демографической безопасности на миграционном аспекте [15]. Некоторые исследователи стремятся объединить государственные, общественные и субъективные интересы, определяя демографическую безопасность как состояние защищенности конституционного права каждого на материнство, отцовство, детство, создание семьи и обеспечение государством своей обязанности по их защите [16].

Думается, что в современных условиях экзистенциальных вызовов необходим комплексный, системный, многофакторный подход к определению демографической безопасности с обязательным включением во внимание конкретных внутренних и внешних угроз, которые могут повлечь не только депопуляцию, но и утрату национальной идентичности и даже национального суверенитета [17]. Для научно обоснованного анализа наиболее актуальных и новейших угроз, выявления конкретных приоритетов разработки системы обеспечения демографической безопасности, необходим междисциплинарный и многофакторный подход, оперирующий совместно разработанным соответствующим понятийно-категориальным аппаратом.

В названии настоящей статьи присутствует еще одно словосочетание, требующее пояснения, – «**организационно-правовое обеспечение**», под которым следует понимать не только нормативно-правовое регулирование, но и организационно-структурные основы правоприменения и правореализации в исследуемой сфере.

Особое место в обеспечении демографической безопасности России занимает нормативно-правовая база, способствующая достижению государством желаемого результата, связанного с воспроизводством населения, сохранением или изменением тенденции в области динамики его численности и структуры, темпов рождаемости, смертности, семейного состава, расселения, внутренней и внешней миграции, качественных характеристик населения, обеспечением россиянам долгой, здоровой и полноценной жизни. В связи с этим ставятся соответствующие задачи в таких сферах, как: семейная политика, здравоохранение, миграция и расселение населения.

Конституционные принципы и политико-правовые установки по осуществлению демографической политики находят отражение в действующем российском законодательстве, развивающем отдельные положения Конституции РФ.

Несмотря на то, что семейная жизнь для большинства россиян теоретически остается первоочередной жизненной ценностью, в современной российской жизни продолжают проявляться явные признаки кризиса институтов семьи и брака¹⁹. По данным на апрель 2025 года, в России фиксируется

¹⁸ См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. – Санкт-Петербург: Весь, 2004. – 735 с.; *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – Москва: Азбуковник, 1999. – 944 с.; *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. – Москва: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.; *Колосов, В.А.* Медико-биологические основы безопасности: учебное пособие для вузов. – Москва: Юрайт, 2023. – 463 с. – (Высшее образование). // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/520043> (дата обращения: 02.06.2025); Термины МЧС России // МЧС России [сайт]. – URL: <https://www.mchs.gov.ru/ministerstvo/terminy-mchs-rossii/term/3180> (дата обращения: 25.05.2025).

¹⁹ Не хочу учиться, хочу жениться, или О возрасте вступления в брак // ВЦИОМ Новости. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116370> (дата обращения: 25.04.2025).

рекордное количество разводов. В среднем по стране распадаются 8 из 10 браков, а в ряде регионов число разводов даже превышает число заключаемых браков²⁰. И это при том, что с 1 января 2025 года в восемь раз выросли пошлины на развод – теперь за эту услугу необходимо заплатить 5 тыс. руб. вместо 650 руб., как было раньше²¹.

Более того, согласно данным последнего апрельского социологического опроса, 34 % россиян, состоящих сегодня в романтических отношениях, не планируют переходить к следующему этапу и вступать в брак. При этом наиболее категоричны женщины. Именно они не спешат говорить «да» своим избранникам, тогда как мужчины гораздо чаще готовы связать себя узами Гименея²². Причина подобного явления в том, что в обществе и в самой жизни в целом за тридцать лет изменился мир и мы вместе с ним. Официальный брак потерял часть своей ценности и сакральности вместе с распадом СССР, во времена которого, например, чтобы остаться в Москве после завершения учебы в университете или просто поехать вместе отдыхать и заселиться вдвоем в гостинице в один номер, нужен был штамп в паспорте о регистрации брака. Сейчас этого не требуется. Сменились не только века и тысячелетия, но и паттерны гендерного поведения. Связано это с наступлением постиндустриального информационного общества. В наше время женщина больше не зависит от мужчины ни в финансово-экономическом, ни в материально-ресурсном, ни в юридическом, ни в статусном отношении. Им сейчас по плечу любые должности и сферы деятельности. Всю тяжелую работу по дому и уходу за детьми тоже могут делать специально приглашенные люди. Наивно полагать, что возвращение к традиционным российским семейным ценностям означает, в частности, подчинение женщины исключительно интересам мужа. Главные российские семейные ценности были, есть и будут – любовь мужчины и женщины, верность, любовь к детям, взаимоуважение, забота друг о друге, совестливость, преданность. В то же время при всей незыблемости основных семейных ценностей, наши законодатели и политики должны считаться с кардинальными социальными переменами и учитывать их при разработке организационно-правовых мер по укреплению семьи и брака.

С этой целью, в частности, на обсуждение в Госдуму внесен Законопроект о введении обязательной процедуры примирения супругов перед разводом, подготовленный Министерством юстиции РФ с участием представителей научного сообщества и федеральных органов исполнительной власти. Законопроект разработан в целях реализации государственной политики в сфере защиты семьи, а также «в соответствии с основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»²³.

На протяжении 30 лет российский законодатель активно проводит нормотворческую деятельность, направленную на поддержку семьи, материнства, отцовства и детства. О чем свидетельствуют сами названия принимаемых законодательных актов: ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (1995 г.)²⁴; ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (1998 г.)²⁵; ФЗ «О государственной социальной помощи» (1999 г.)²⁶; ФЗ «О дополнительных мерах госу-

²⁰ 8 из 10 союзов распадаются: главное о браках и разводах в России // РБК. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/67eb9ba99a7947165b574ab9> (дата обращения: 20.05.2025).

²¹ См.: Пункт 2 части 1 статьи 333.26. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 21.01.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 20.05.2025).

²² Мужчины рвутся в ЗАГС, женщины сбегают: кто виноват в кризисе брака // МК.RU. – URL: <https://www.mk.ru/social/2025/05/28/zhenshhina-kotoraya-vezet.html> (дата обращения: 26.05.2025).

²³ В России появится процедура примирения перед разводом. Мнение юристов. Она поможет сохранить больше семей и снизить нагрузку судов // РБК. 14.10.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/670cc5629a79477f4cbf848f?ysclid=mb244vcw99877838701> (дата обращения: 23.05.2025).

²⁴ О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ (ред. от 29.10.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 25.05.2025).

²⁵ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 25.05.2025).

²⁶ О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // СЗ РФ. 19.07.1999. – № 29. – Ст. 3699.

дарственной поддержки семей, имеющих детей» (2006)²⁷; ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» (2017 г.)²⁸.

В свою очередь, исполнительная власть оперативно реагирует на новые реалии и запросы, проводя индексацию выплат и компенсаций²⁹. Так, с 1 февраля 2025 года размер материнского капитала на первого ребенка составляет 690 тыс. руб., на второго – 222 тыс. руб. Если же семья не получила сертификат на первого ребенка, при рождении второго ей полагается 912 тыс. руб.

В феврале 2025 года Госдума сразу во втором и в третьем чтениях приняла закон о продлении программы материнского капитала до 31 декабря 2030 года³⁰. С предложением продлить ее в 2024 году выступил президент Владимир Путин в ходе послания Федеральному собранию.

Полагаем, что необходимо сделать материнский капитал постоянно действующей мерой и выплачивать его в прогрессивных размерах при рождении каждого ребенка. То есть каждый следующий даст право на более крупную выплату. При этом не должно быть никакого критерия нуждаемости.

Стимулировать рождаемость в стране пытаются разными способами, в том числе и более радикальными, например, предлагается не брать на работу бездетных женщин. Озвучивались и другие инициативы, призванные поддержать семейный союз. Например, сделать экономически выгодным первый брак путем введения налоговых льгот, различных видов социальной помощи лицам, состоящим в первом браке. Или давать льготы по ипотеке и субсидии на обучение людям, состоящим в первом и единственном браке. Однако, сразу последовала оговорка: льгота для «первобрачных» должна «сопровождаться введением мер, направленных на выявление фиктивных брачных союзов»³¹.

Темой одной из острых дискуссий стало введение налога на бездетных мужчин и пар. Такое мнение озвучил протоиерей Русской православной церкви (РПЦ) Андрей Ткачев. Священнослужитель полагает, что у представителей сильного пола старше 40 лет должны быть жена и дети. Мужчин, у которых отсутствуют дети и обязательства перед семьей, А. Ткачев сравнил с «трутнями»³². По его мнению, подобный образ жизни может быть оправдан лишь «болезнью или кастрацией». Чтобы представители сильного пола захотели жениться и воспитывать наследников, их с целью стигматизации необходимо пристыдить небольшим (символическим) налогом, уверен протоиерей. При этом мужчина должен взять на себя ответственность за отцовство до 40–45 лет, добавил Ткачев.

Ранее, во время проведения Московского экономического Форума 1–2 апреля 2025 года, эксперт комитета Госдумы по аграрным вопросам Виктор Таранин призвал обложить бездетных мужчин налогом порядка 25 %. По его словам, в РФ проживает 30 миллионов мужчин в возрасте от 25 до 45 лет, которые до сих пор не решились пойти под венец³³. Полагаем, что такие предложения.

Между тем, Русская православная церковь (РПЦ) выступила против предложений взимать налог за бездетность, сделав официальное заявление о том, что вместо применения давления в отношении бездетных государство должно оказывать российским семьям больше поддержки. «...Нужно создавать заведомо преференционные условия для людей, которые имеют семьи, рожают, воспитывают детей, что является выражением справедливости, потому что, очевидно, семьи с детьми тратят свои доходы, в том числе на детей, тогда как в большинстве случаев одинокие люди этой статьи расходов на себе не

²⁷ О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 28.02.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 25.05.2025).

²⁸ О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей: Федеральный закон от 28.12.2017 № 418-ФЗ (ред. от 25.12.2023) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 25.05.2025).

²⁹ Об утверждении коэффициента индексации выплат, пособий и компенсаций в 2025 году: Постановление Правительства РФ от 23.01.2025 № 33 // СЗ РФ. 03.02.2025. – № 5. – Ст. 331.

³⁰ О внесении изменения в статью 13 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»: Федеральный закон от 28.02.2025 № 24-ФЗ // СЗ РФ. 03.03.2025. – № 9. – Ст. 853.

³¹ Россия переживает пик разводов среди пар в возрасте 30–40 лет // МК.RU. – URL: <https://www.mk.ru/social/2025/05/13/rossiya-perezhiwaet-pik-razvodov-sredi-par-v-vozhaste-3040-let.html?ysclid=mbhwp1gnqd794334874> (дата обращения: 25.05.2025).

³² Бездетных мужчин в России сравнили с трутнями и призвали стигматизировать // Лента.ру. 17.05.2025. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/05/17/bezdetnyh-muzhchin-v-rossii-sravnil-i-trutnyami-i-prizvali-stigmatizirovat/> (дата обращения: 23.05.2025).

³³ В России предложили ввести налог на бездетность для холостяков. Размер: 25% от зарплаты // Секрет Фирмы. – URL: <https://secretmag.ru/news/v-rossii-predlozhili-nalogom-na-bezdetnost-oblozhit-30-mln-chelovek-chem-oni-ne-ugodili-01-04-2025.htm> (дата обращения: 23.05.2025).

несут». Также РПЦ допускает возможность отмены взимания подоходного налога с уже родивших россиян – данная мера поддержки сейчас реализуется в Венгрии³⁴.

Нестандартный способ мотивации для родителей выдвинул вице-спикер Госдумы Б. Чернышов. По его словам, чтобы стимулировать в стране рождаемость, можно ежемесячно проводить Всероссийскую лотерею среди родившихся младенцев. Он предложил разыгрывать среди новорождённых каждый месяц по 10 квартир, а также автомобили и бытовую технику³⁵.

В связи с этим заслуживает внимания мнение авторитетного российского демографа Алексея Рахши о том, как получать в нашей стране каждый год примерно 150 000 дополнительных рождений, на которые мы сегодня не можем рассчитывать. «В России нужны сегодня лишь три меры: миллион рублей на второго ребенка, полтора миллиона – на третьего и безусловный базовый ежемесячный доход на всех детей до восемнадцати лет»³⁶. Думается, что даже если уважаемый демограф где-то и немного ошибся в цифрах, то предложенные им меры, безусловно, эффективные и целесообразные.

В настоящий момент в контексте демографических угроз в российском обществе и властных структурах идут острые дискуссии о возможных путях реформирования пенсионной реформы. Так, в мае 2025 года журналист С. Мардан в эфире своей авторской передачи предложил отменить пенсии для граждан России, которые не имеют детей. По его мнению, подобные меры являются единственным способом повлиять на демографическую ситуацию в России, так как нынешние методы стимулирования рождаемости, якобы, не дают эффекта, в связи с чем требуют радикального пересмотра.

Свое отношение по поводу подобных сомнительных предложений представителя «четвертой власти» незамедлительно высказали законодатели. Так, депутат С. Горячева заявила, что отмена пенсий для бездетных не повысит рождаемость³⁷. Парламентарий Н. Останина также выступила резко против идеи С. Мардана об увеличении демографии с помощью отмены пенсий, так как «инициатива лишать пенсий россиян, не имеющих детей, является аморальной и противоречащей Конституции РФ», в которой право на пенсионные выплаты гарантировано всем гражданам РФ независимо от того, есть у них дети или нет³⁸.

Полагаем, что, несмотря на социально-экономические и политические сложности настоящего времени, целесообразно начать формирование новой концепции пенсионной системы, учитывающей происходящие радикальные перемены. Для ее разработки привлечь научные коллективы и авторитетных экспертов. Главное, чтобы в центр данной концепции был поставлен человек – как трудящийся работник, так и пенсионер. При этом в концепцию должны быть обязательно включены вопросы непрерывности культурного и духовного развития граждан в течение всей жизни, включая ее пенсионный период.

В обеспечении демографической безопасности России большое значение имеет миграционная составляющая. С 26 октября 2023 года вступил в силу Федеральный закон № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»³⁹, который значительно изменил подход к вопросам получения и подтверждения гражданства. Этот закон стал важным шагом к упрощению ряда процедур, расширению оснований для гражданства и устранению сложностей, с которыми сталкивались многие соотечественники за гра-

³⁴ «Справедливость»: РПЦ официально выступила против налога на бездетность // Московский комсомолец. 18 мая 2025. – URL: <https://www.mk.ru/social/2025/05/18/spravedlivost-rpc-oficialno-vystupila-protiv-naloga-na-bezdetnost.html?ysclid=mb22e12g3t80250342> (дата обращения: 23.05.2025).

³⁵ Лотерея для новорождённых: в Госдуме предложили стимулировать рождаемость в России квартирами // Секрет Фирмы. – URL: https://secretmag.ru/news/lotereya-dlya-novorozhdyonnykh-v-gosdume-predlozhili-stimulirovat-rozhdaemost-v-rossii-kvartirami-03-11-2024.htm?utm_source=readmoreintopic&utm_medium=readmoreoutoftopic2&utm_campaign=analytics (дата обращения: 23.05.2025).

³⁶ Рахша А. России нужна демографическая ясность // Дем.Информ. 22.12.2022. – URL: <https://deminform.ru/interview/-2?ysclid=mb3hif0zv5495487656> (дата обращения: 24.05.2025).

³⁷ В Госдуме отреагировали на идею лишить бездетных россиян пенсий // Газета.Ру. 21.05.2025. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/05/21/25839494.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Finstory%2Ff648311c-e4b7-5cf7-8265-68ec9b710262 (дата обращения: 25.05.2025).

³⁸ В Госдуме отреагировали на предложение лишать пенсии бездетных россиян // Московский комсомолец. 21.05.2025. – URL: <https://www.mk.ru/social/2025/05/21/v-gosdume-otreagirovali-na-predlozhenie-lishat-pensii-bezdetnykh-rossiyan.html?ysclid=mazta01u56383356104> (дата обращения: 25.05.2025).

³⁹ О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 01.05.2023.

нищей и иностранные граждане, решившие переехать на постоянное место жительства в Россию в силу разных причин и обстоятельств.

Однако в настоящее время актуальной в ракурсе обеспечения демографической безопасности представляет проблема трудовых мигрантов, которые зачастую приезжают с целью не только заработать и вывезти из РФ все заработанные средства, но и бесплатно получить максимум льгот (образование, социальную помощь и медицинское обслуживание), в том числе и гражданство РФ, сохранив при этом, по возможности, паспорт своей страны. При этом они не собираются ассимилироваться в российский социум, а намерены создавать религиозные и культурные анклавы, которые отказываются жить по российским законам. По этому поводу председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А. Клишас отметил, что крайне опасно создавать специальные законы для мигрантских автономий, так как таким образом можно разрушить единство российского законодательства⁴⁰.

В свою очередь, Государственная Дума 20.05.2025 приняла во втором и в третьем, окончательном, чтении закон о проведении в Москве и Московской области с 1 сентября 2025 г. по 1 сентября 2029 г. эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан и лиц без гражданства.

Вместе с тем, для увеличения численности населения, могут быть применены и нестандартные, но вполне логичные и обоснованные политико-правовые меры. Так, 17 мая 2025 года Президент РФ Владимир Путин подписал Указ, облегчающий выдачу российских паспортов жителям Абхазии и Южной Осетии⁴¹. Согласно Указу жителям этих двух республик российское гражданство можно получить по упрощенной схеме: достаточно подать заявление в Сухуме, Цхинвале или ближайшем отделении МВД РФ. При этом заявителям пятилетнее проживание в России, а также сдача экзаменов по языку и истории не требуются. С политической точки зрения – это укрепляет влияние РФ на Кавказе. А с демографической – прибавляет несколько сотен тысяч человек к населению России. Напомним, что ранее – в 2014 и 2022 годах российское население выросло за счёт включения новых регионов в перечень субъектов РФ, среди которых Республика Крым, город федерального значения Севастополь, Донецкая Народная Республика (ДНР), Луганская Народная Республика (ЛНР), Запорожская и Херсонская области.

В заключение исследования, в контексте демографических проблем обратимся к теме СВО. Отдельные эксперты⁴², по-нашему мнению, совершенно справедливо считают ошибочным суждение, что СВО «обвалит» российскую демографию, так как большинство мобилизованных и контрактников возвращаются домой и все равно вносят свой вклад в демографию России.

Мы разделяем точку зрения, что основная первопричина снижения рождаемости лежит *в идеологической плоскости*. При всей важности финансово-экономической и жилищной базы история знает слишком много примеров, когда все эти факторы оказывались вторичными. Так после суровых и голодных послевоенных лет, когда советские граждане испытывали тяжелые последствия Великой Отечественной войны, после короткого демографического спада наша страна буквально восстала из пепла, в том числе в части пополнения нации. Значит, дело все же не в жилищной площади, не в доступной ипотеке, не в выплатах и даже не в мирной комфортной жизни. Чисто монетарные меры государственной поддержки дают только точечные и частные позитивные результаты, но не системные и общенациональные достижения. Дело, прежде всего, в мироощущении народа, его патриотизме, приверженности национальной идее, единстве и сплоченности, ментальном иммунитете.

⁴⁰ Клишас заявил, что миллионы мигрантов едут в Россию для «паразитирования на социальной инфраструктуре» // МК. 20.05.2025. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2025/05/20/klishas-zayavil-cto-milliony-migrantov-edut-v-rossiyu-dlya-parazitirovaniya-na-socialnoy-infrastrukture.html?ysclid=mawpgqtxm4343688588> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴¹ О приеме в гражданство Российской Федерации граждан Республики Абхазия и Республики Южная Осетия: Указ Президента РФ от 17.05.2025 № 328 [сайт]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.05.2025).

⁴² Ефремова-Герлина А. Плодитесь и возрождайтесь: как СВО может поднять нашу демографию // Absatz.Media. – URL: <https://absatz.media/author/106246-alina-efremova-gerlina> (дата обращения: 24.05.2025); Александр Проханов о спецоперации: «Российское руководство задумало эту операцию как локальную, не включая в неё потенциал всей остальной великой России» // Всем!ру. – URL: https://wsem.ru/publications/aleksandr_prokhanov_o_spetsoperatsii_rossiyskoe_rukovodstvo_zadumalo_etu_operatsiyu_kak_lokalnuyu_ne_3265/# (дата обращения: 24.05.2025).

Для подавляющего большинства россиян⁴³ специальная военная операция, в которой Североатлантический альянс ведет прокси-войну с нашей страной, имеет сильное духоподъемное значение, позволяющее народу испытывать гордость за свою Родину, за своих защитников, за свой народ. СВО помогла нашей нации, как минимум, встать на путь преодоления кризиса смыслов. Объединиться: так же в свое время наши предки были объединены Великой Отечественной войной и воодушевлены Великой Победой 1945 года⁴⁴.

В связи с этим думается, что лучшей демографической стимулирующей мерой будет наша победа в СВО. Демографический спад должен закончиться вместе с неизбежной победой России, когда мужчины вернутся домой, наступит спокойная мирная жизнь и, как следствие, произойдет рост экономики и духовной стабильности, так как предсказуемость и стабильность жизни – лучший демограф.

Список литературы

1. Рудакова Е.К. Обеспечение демографической безопасности России в условиях когнитивных угроз: автореф. дис. ... доктора политических наук. – Нижний Новгород, 2023. – 42 с.
2. Демографическая доктрина России. Проект для обсуждения. – Москва: Институт мирового развития, 2005. – 61 с.
3. Ростовская Т.К., Золотарева О.А. Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации // Вопросы управления. – 2022. – № 3. – С. 6–18. DOI: 10.22394/230433692022 3-6-18.
4. Rosina Alessandro. Europe's demographic challenge: policies for sustainable generational renewal. – URL: <https://feps-europe.eu/europes-demographic-challenge-policies-for-sustainable-generational-renewal/>
5. Hara T. Demographic Sustainability. In: May, J.F., Goldstone, J.A. (eds) International Handbook of Population Policies. International Handbooks of Population. – 2022. – Vol. 11. Springer, Cham. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-02040-7_35.
6. Chesnais J.C. The Demographic Transition. – Oxford, 1992.
7. Roser Max. Demographic transition: Why is rapid population growth a temporary phenomenon? // Published online at OurWorldinData.org. [Online Resource]. – URL: <https://ourworldindata.org/demographic-transition>. – 2023.
8. Аминов И.И. Психолого-педагогическая характеристика молодежного экстремизма: причины и профилактика // Образование, технологии и общество на смене эпох: материалы XX международно-го конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. В 2-х томах. Москва, 28–29 марта 2024 года. – Москва: изд. ЧОУВО МУиВ, 2024. – С. 694–702. – EDN CYJDQZ.
9. Armitage Alanna. From Demographic Security to Demographic Resilience in Eastern Europe «От демографической безопасности к демографической устойчивости в Восточной Европе». – URL: <https://www.graduateinstitute.ch/communications/news/demographic-security-demographic-resilience-eastern-europe>.
10. Чикунов И.А., Сербиновская Н.В. Анализ дефиниции термина «безопасность» // Вестник науки и образования Северо-Запада России. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 53–59. – EDN BPCCNC.
11. Працко Г.С., Мелихов А.И. Конституционно-правовые основы демографической безопасности в Российской Федерации // Философия права. – 2014. – № 1. – С. 56–59.
12. Завьялова О.Г. Демографическая безопасность региона: оценка и типология // Вестник МАНЭБ. – 2009. – № 2. – С. 169.
13. Основные направления совершенствования демографической политики государства в системе экономической безопасности / В.А. Сенков, Д.Ю. Домничев, А.Л. Золкин, Е.А. Свердликова // Экономическая безопасность. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 1403–1418. – DOI 10.18334/ecsec.6.4.119387. – EDN IEJTTA.
14. Мохов А.А. Ментальная безопасность и ментальный иммунитет // Современное право. – 2023. – № 2. – С. 19–23.
15. Гаспарян В.В. Оценка влияния миграционных процессов на экономическую безопасность России и ее регионов: дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05. – Ставрополь, 2009. – С. 5–18.

⁴³ Фонд Общественного мнения [сайт]. – URL: <https://fom.ru/Dominanty/15191> (дата обращения: 30.05.2025).

⁴⁴ Ефремова-Герлиня А. Плодитесь и возрождайтесь: как СВО может поднять нашу демографию. – URL: <https://absatz.media/author/106246-alina-efremova-gerlinya> (дата обращения: 24.05.2025).

16. Мамонов В.В. Обеспечение демографической безопасности – приоритетная задача Российского государства / В.В. Мамонов // Журнал российского права. – 2002. – № 6 (66). – С. 32–39. – EDN VSUUDO.
17. Тиводар С.И. Демографическая безопасность России (институционально-правовое обеспечение национальных интересов): дис. ... доктора юридических наук / Тиводар Сергей Иванович. – Ростов-на-Дону, 2008. – 57 с. – EDN ZNUJN.

References

1. Rudakova E.K. Obespechenie demograficheskoy bezopasnosti Rossii v usloviyah kognitivnyh ugroz: avtoref. dis. ... doktora politicheskikh nauk. – Nizhny Novgorod, 2023. – 42 s.
2. Demograficheskaya doktrina Rossii. Proekt dlya obsuzhdeniya. – Moskva: Institut mirovogo razvitiya, 2005. – 61 s.
3. Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A. Demograficheskaya stabil'nost' kak prioritet demograficheskoy politiki Rossijskoj Federacii // Voprosy upravleniya. – 2022. – № 3. – С. 6–18. DOI: 10.22394/230433692022 3-6-18.
4. Rosina Alessandro. Europe's demographic challenge: policies for sustainable generational renewal. – URL: <https://feps-europe.eu/europes-demographic-challenge-policies-for-sustainable-generational-renewal/>
5. Hara T. Demographic Sustainability. In: May, J.F., Goldstone, J.A. (eds) International Handbook of Population Policies. International Handbooks of Population. – 2022. – Vol. 11. Springer, Cham. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-02040-7_35.
6. Chesnais J.C. The Demographic Transition. – Oxford, 1992.
7. Roser Max. Demographic transition: Why is rapid population growth a temporary phenomenon? // Published online at OurWorldinData.org. [Online Resource]. – URL: <https://ourworldindata.org/demographic-transition>. – 2023.
8. Aminov I.I. Psihologo-pedagogicheskaya harakteristika molodezhnogo ekstremizma: prichiny i profilaktika // Obrazovanie, tekhnologii i obshchestvo na smene epoh: materialy HH mezhdunarodnogo kongressa s elementami nauchnoj shkoly dlya molodyh uchenykh. V 2-h tomah. Moskva, 28–29 marta 2024 goda. – Moskva: izd. ChOUVO MUIV, 2024. – С. 694–702. – EDN CYJDQZ.
9. Armitage Alanna. From Demographic Security to Demographic Resilience in Eastern Europe “Ot demograficheskoi bezopasnosti k demograficheskoi ustoichivosti v Vostochnoi Evrope”. – URL: <https://www.graduateinstitute.ch/communications/news/demographic-security-demographic-resilience-eastern-europe>.
10. Chikunov I.A., Serbinovskaya N.V. Analiz definicii termina “bezopasnost'” // Vestnik nauki i obrazovaniya Severo-Zapada Rossii. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 53–59. – EDN BPCCNC.
11. Pracko G.S., Melihov A.I. Konstitucionno-pravovye osnovy demograficheskoy bezopasnosti v Rossijskoj Federacii // Filosofiya prava. – 2014. – № 1. – С. 56–59.
12. Zav'yalova O.G. Demograficheskaya bezopasnost' regiona: ocenka i tipologiya // Vestnik MANEB. – 2009. – № 2. – С. 169.
13. Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya demograficheskoy politiki gosudarstva v sisteme ekonomicheskoy bezopasnosti / V.A. Senkov, D.Yu. Domnichev, A.L. Zolkin, E.A. Sverdlikova // Ekonomicheskaya bezopasnost'. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 1403–1418. – DOI 10.18334/ecsec.6.4.119387. – EDN IEJITA.
14. Mohov A.A. Mental'naya bezopasnost' i mental'nyj immunitet // Sovremennoe pravo. – 2023. – № 2. – С. 19–23.
15. Gasparyan V.V. Ocenka vliyaniya migracionnyh processov na ekonomicheskuyu bezopasnost' Rossii i ee regionov: dis. ... kandidata ekonomicheskikh nauk: 08.00.05. – Stavropol', 2009. – С. 5–18.
16. Mamonov V.V. Obespechenie demograficheskoy bezopasnosti – prioritelnaya zadacha Rossijskogo gosudarstva / V.V. Mamonov // Zhurnal rossijskogo prava. – 2002. – № 6 (66). – С. 32–39. – EDN VSUUDO.
17. Tivodar S.I. Demograficheskaya bezopasnost' Rossii (institucional'no-pravovoe obespechenie nacional'nykh interesov): dis. ... doktora yuridicheskikh nauk / Tivodar Sergej Ivanovich. – Rostov-na-Donu, 2008. – 57 s. – EDN ZNUJN.

Статья поступила в редакцию: 04.05.2025

Received: 04.05.2025

Статья поступила для публикации: 11.06.2025

Accepted: 11.06.2025

ЕВРОПЕЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И РОССИЯ: СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА. ВЗГЛЯД ИЗ ИТАЛИИ

Карла Рампино¹,

e-mail: rampinocarla@gmail.com,

¹Римская делегация региона Апулия (Римский офис), Рим, Италия

В данной статье с позиции демократических принципов современных государств, суверенитета государств, анализируются международно-правовые проблемы санкций государств Европы против России, предлагается критический взгляд на оправдывающую санкции западную антироссийскую пропаганду. В статье делается вывод, что «демонизация» Западом России основана не на действиях, которые заметно отличают ее от остального мира, а на присущей государственным системам необходимости создавать врага, чтобы утвердить свое превосходство. Объектом критики являются те западные пропаганды, которые, основываясь на аморальной манипулятивной динамике, прекрасно справляются с конструированием врага только потому, что маскируются убедительной, по крайней мере внешне, идеологической целью, основанной на демократических принципах. На самом деле за такими механизмами скрываются стратегии борьбы за власть с нарушением основных принципов и норм международного права, выходящие далеко за пределы территории, на которой ведутся войны, то есть в геополитические игры с экономическими и географическими интересами гораздо более широкого масштаба.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: Россия, Запад, демократическое государство, суверенитет, государственная власть, свобода, принцип национальности, война

EUROPEAN DEMOCRACY AND RUSSIA: CREATING THE IMAGE OF THE ENEMY. A VIEW FROM ITALY

Carla Rampino¹,

e-mail: rampinocarla@gmail.com

¹Rome Delegation of the Apulia Region (Rome Office), Rome, Italy

This article analyzes the international legal problems of sanctions imposed by European states against Russia from the standpoint of democratic principles of modern states and sovereignty of states, and offers a critical view of Western anti-Russian propaganda justifying sanctions. The article concludes that the West's "demonization" of Russia is based not on actions that significantly distinguish it from the rest of the world, but on the need inherent in state systems to create an enemy in order to assert their superiority. The object of criticism is those Western propagandas that, based on immoral manipulative dynamics, cope well with constructing an enemy only because they are disguised as a convincing, at least outwardly, ideological goal based on democratic principles. In reality, such mechanisms conceal strategies for the struggle for power in violation of the basic principles and norms of international law, going far beyond the territory where wars are being waged, that is, into geopolitical games with economic and geographical interests on a much larger scale.

Throughout the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: Russia, West, democratic state, sovereignty, state power, freedom, principle of nationality, war

Что такое демократия в современном мире? Наверное, этот вопрос можно было бы задать для каждой эпохи, с тех пор как мир стал демократическим или, более чем демократическим, – политкорректным, но еще важнее задавать его в такие времена, как те, в которые мы живем. В принципе, при определении демократического государства теоретический автоматизм связан с суверенитетом народа [1, с. 28–30].

Но как в эту неявную связь можно вписать проведение манипулятивных избирательных кампаний? Можно ли считать людей, ставших жертвами медиа-манипуляций, суверенными? Где есть манипуляции, там нет и свободы слова, которая обусловлена кем-то или чем-то, и в силу этого не является свободной. Поэтому независимо от того, называются ли те или иные выборы нелегитимными в результате фальсификации результатов [2, с. 222] или же они являются прямым следствием манипуляций и уже как результат этого, нарушается любая форма свободы; в первом случае, однако, речь идет о нелегитимном, а во втором – о легитимном голосовании, основанном на свободном и демократическом выборе народа, хотя, по сути, и незаконном на равных условиях.

Политическая диалектика [3, с. 605] теперь основана не на противостоянии более или менее либеральных идей, а на «демонизации» политического оппонента, будь то внутреннего или внешнего.

Отсюда необходимость «конструировать» врага, причем всегда. В этом причина идеологического опустошения политики, сведенной к экономической логике и географическому доминированию. Именно поэтому государства не развиваются, причем эволюцию следует понимать в смысле цивилизации, а правительства становятся проводниками культурного упрощения масс. «Обезволивание» народа делает его более маневренным и превращает дебаты в борьбу между теми, кто творит больше беззакония, и теми, кто творит меньше, а не в продвижение истинной сути политики, то есть выбора между тем, что хорошо или плохо для народа. Как на войне за последствия игры власти всегда расплачиваются только мирные жители, так и в политической борьбе за последствия всегда расплачиваются только люди!

При ближайшем рассмотрении, будь то манипулятивный демократический режим или бессовестный диктаторский, результаты оказываются одинаковыми.

Но когда мы поднимаемся на вершину законодательной пирамиды, то должны задать себе еще один вопрос: какова реальная задача политического руководства – правительства.

Теоретически целью правительства должно быть обеспечение блага и интересов своей страны, а значит, в соответствии с принципом национальности, и своего народа. Ведь государство приняло на себя функции монопольной политической координации. Государство правит, издает законы и затем принуждает к их исполнению [4, с. 93]. Некая разновидность государства является универсальной чертой человеческой культуры [5, с. 55].

Этот идеологический подход, конечно, неоспорим, по крайней мере, в теории, но на практике дело обстоит гораздо сложнее, тем более, когда речь идет о глобализированном мире [6, с. 248] и, следовательно, когда политические решения одного государства влияют и на другие государства.

Например, в случае с войной на Украине западные страны решили встать на сторону киевского правительства и поддержать политику поставок оружия, одновременно инициировав санкции против России.

Эффект от санкций оказался экономически более разрушительным для Запада, чем для России. Фактически, они вызвали инфляцию на многие широко используемые продукты, такие как хлеб и макароны, – это только те продукты, которые присутствуют на итальянских столах каждый день, и это без учета очень тяжелого состояния энергетического сектора. Таким образом, решение встать на сторону украинского правительства не пошло на пользу итальянскому государству, напротив, оно нанесло ему экономический удар, создав огромные экономические проблемы для семей, пытающихся справиться с удорожанием стоимости жизни.

Если поставить на чашу весов, с одной стороны, выбор Италии, поддержавшей Украину и наложившей санкции на Россию, что привело к экономическим страданиям в собственной стране, а с другой – знамя демократии и поддержку самоопределения народа от российского правления, то что стоит больше?

СМИ отвечают, что права нужно защищать еще больше, если по другую сторону находится «русский монстр», который не собирается останавливаться – как он вторгся на Украину, так и пойдет даль-

ше, и что этого нельзя допустить. Но какой ценой? Действительно ли одержимость «русским монстром» стоит больше, чем трудности, с которыми приходится сталкиваться стране, чтобы выжить?

Этот тезис может быть правдоподобным, если интерпретировать и описывать украинское вторжение как акт, лишаящий народ свободы самоопределения. В действительности же речь не идет ни о денацификации, ни о самоопределении народа.

Как не однократно утверждал Президент РФ (см., напр. [7, с. 219]) «решение о проведении СВО было вынужденное, трудное, но необходимое. Это решение суверенной страны, у которой есть безусловное право, основанное на Уставе ООН, отстаивать свою безопасность. Решение, направленное, на защиту жителей народных республик Донбасса, которые на протяжении восьми лет подвергались геноциду со стороны киевского режима и неонацистов, в том числе при покровительстве Запада»¹.

Но, на взгляд автора, есть у России и еще одна цель – она не заинтересована в контроле над всей Украиной, а заинтересована в сохранении контроля над территориями, которые дают Украине выход к морю. Проблема, старая как царская Россия, заключается в том, что, несмотря на то, что она является таким большим государством, у нее очень мало выходов к южным морям.

Для интеллектуальной честности укажем, что эта проблема существовала еще во времена Екатерины Великой, которая постоянно искала точку опоры на Средиземном море. Тогда для России проблемой были турки, но сама проблема выхода к морю всегда существовала как объективная географическая особенность.

Возвращаясь в более современное время, после потери Финляндии, выход к морю из Украины представляет для РФ фундаментальный стратегический интерес, поскольку является прямым каналом в Средиземное море и включением в крупнейший в мире морской трафик.

В свете этого реального российского интереса западный интерес далек от принципов самоопределения украинского народа, но вмешательство в эту войну и поддержка украинского наступления связаны с простой личной, недемократической и неэтичной, но экономической выгодой. Лишение России выхода к морю означает лишение ее пространства для доминирования в морском судоходстве в Средиземном море.

Таким образом, нарратив о «русском монстре» имеет право на определенный рост интенсивности, но, очевидно, не из демократических принципов, а из геостратегической и геоэкономической логики, чтобы добиться консенсуса для «демократической» поддержки решений, которые считаются стратегическими для Запада (сравните, напр.: [8, с. 124–125]).

Западная диалектика ответит на это вопросом: должны ли мы в таком случае позволить России и дальше присутствовать в Средиземном море?

Если способ избежать этого дается такой дорогой ценой, как война на Украине, с экономическими последствиями по всей Европе и с эпилогом, который, с одной стороны, будет представлять собой передачу завоеванных территорий России, а с другой – план Маршалла на Украине, то можно предположить, что те, кто действительно проиграл, наряду с гражданским населением, – это народы Европы, и поэтому нет, баланс был ясен, говоря, что не стоит вмешиваться в эту историю, как и не стоит приветствовать Зеленского как символ освобождения.

Создание «паладинов справедливости» в образах Зеленского или Навального имело бы смысл, если бы они поддерживались временем, а не обстоятельствами переменной продолжительности, зависящими от смены ориентации интересов создавших их государств.

В этой связи стоит вспомнить, чему должна была научить нас история на примере Каддафи. Лидер, которого сначала поддержал Запад, а затем тот же Запад его предал, в результате чего он был жестоко убит. После смерти Каддафи Ливия погрузилась в непрерывные и изнурительные потрясения для своего народа, который до сих пор борется за стабильное правительство. Будет ли такое же будущее у Зеленского? Этого нельзя исключать...

Как показывает история, вмешательство Запада в войны между другими странами, оправдываемое демократическими лозунгами, оказалось более чем неудачным. Во-первых, лозунги о демократических и пацифистских принципах всегда сопровождались конкретной помощью в виде раздачи солдат и оружия, направленной на разжигание ненависти и насилия, – действия, которые никак нельзя назвать

¹ См.: <https://moscow.er.ru/activity/comments/vladimir-putin-vse-zadachi-svo-bezuslovno-budut-resheny>

пацифистскими; во-вторых, когда западные интересы на территории вмешательства были исчерпаны, результатом всегда было оставление населения в беспорядке и хаосе, что почти всегда приводило к новым гражданским войнам и насилию, а прямым следствием было возвращение к тираническим режимам, с которых все начиналось².

Два примера для всех: война в Афганистане – после двадцати лет миротворческой миссии афганское государство вновь оказалось в руках талибов, усугубив ситуацию насилием над населением; Израильско-палестинская война – конфликт, который так и не был разрешен и, в первую очередь, по вине Великобритании, а вслед за ней и всего международного сообщества, продолжает уносить жизни мирного населения и порождать ненависть, расизм и насилие (не говоря уже о высоком риске эскалации по всему Персидскому заливу).

Во-первых, идеология маскирует самые циничные человеческие чувства, которые превращаются в экономические интересы и, как уже говорилось, в географо-стратегические, а во-вторых, если рассмотреть еще глубже саму человеческую природу, то человеку необходимо верить, что есть добро и зло, что будет что-то хорошее и плохое, чтобы «демонизировать» и выступить против него, чтобы утвердить себя и причину своего существования.

Использование (с помощью национальной и международной политики) такой человеческой слабости делает описанные выше действия государств преступными. Но разве это не искусство войны в современном ключе? Да, это так.

И чтобы это обосновать, в конце статьи возьмем в помощь себе искусство. Создание врага происходит так же медленно, как исполнение классической симфонии в театре.

Дирижер дает сигнал, и первая скрипка начинает играть соло, затем добавляются еще две, потом еще и еще; звук начинается как шипящий, почти пронзительный; затем присоединяются другие инструменты, струнные, духовые, и мелодия становится более решительной, более полнозвучной, округлой; затем добавляются барабаны, и вот уже весь оркестр играет единую музыку. Все инструменты движутся вслед за дирижером, и этот дирижер знает, что у него есть инструмент для управления группой – дирижёрская палочка, создающая гармонию, и именно он решает, когда звук должен усилиться или ослабнуть, или даже остановиться, угаснуть.

Если бы мы хотели перенести работу дирижера на военное искусство, то можно было бы сказать так: дирижер – это страна, мощная, та, у которой, прежде всего, есть армия и оружие, а оркестр состоит из других стран, которые в большей или меньшей степени, в зависимости от своего звукового потенциала (оружия или имущества), могут внести свой вклад в мелодию.

Однако есть один факт: ни одна из этих стран не способна дирижировать остальными, потому что они сами по себе недостаточно сильны, чтобы диктовать ритм, у них нет дирижерской палочки, она есть только у дирижера, а этого дирижера может заменить только тот, кто, как и он, обладает такой же или даже более «волшебной» дирижерской палочкой. И вот страны следуют за мелодией дирижера, зная, что играть вне оркестра в одиночку не имеет смысла, потому что звук этой единственной скрипки будет подавлен музыкой многих других инструментов вместе взятых, а также потому, что дирижер обещает оркестрантам, что если они будут следовать его палочкам, то шоу будет великолепным и все станут знаменитыми.

Именно так и происходит: вальс из более или менее танцевальных ссор длится до тех пор, пока длится шоу.

Список литературы

1. *R.M. MacIver. Community: A Sociological Study Being an Attempt to Set Out the Nature and Fundamental Laws of Social Life.* – London: Macmillan, 1924.
2. *Слюсаренко Т.В.* Механизм реализации политических прав и свобод граждан в Российской Федерации // Тенденции и современное состояние истории, экономики и права: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Шадринск, 30 марта 2007 года / ШГПИ. – Шадринск: ШГПУ, 2007. – С. 218–225.

² См.: <https://documents.un.org/doc/undoc/pro/n01/708/21/pdf/n0170821.pdf> (20.10.2024).

3. *Потанов Д.В.* Диалектика социально-политических отношений и форм политического режима в России // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13, № 2(95). – С. 604–615. – DOI 10.35775/PSI.2023.95.2.021.
4. *Paul Vinogradoff.* Outlines of Historical Jurisprudence. – V. 1. – London: Oxford University Press, 2020.
5. *Лоуи Р.* Происхождение государства / пер. с англ. А. Снигирова; под науч. ред. М. Черновой. – Москва: Дело; РАНХиГС, 2023. – 128 с.
6. *Хигерович А.А., Слюсаренко Т.В.* Некоторые причины изменения динамики глобализации // Актуальные направления развития отраслей права в условиях новой реальности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 02 декабря 2022 года / под ред. А.В. Семенова, Т.В. Слюсаренко, В.Г. Голышева. – Москва: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2023. – С. 248–252.
7. *Стасюк Е.В.* Особенности самоидентификации молодежи Хабаровского края в условиях специальной военной операции // Власть и управление на Востоке России. – 2023. – № 4(105). – С. 218–230. – DOI 10.22394/1818-4049-2023-105-4-218-230.
8. Centenario della Costituzione sovetica 1918 Influssi nei paesi del Mediterraneo / Prefazione di Gabrielle Crespi Reghizzi. – Roma: L’Erma di Bretshneider, 2018.

References

1. *R.M. MacIver.* Community: A Sociological Study Being an Attempt to Set Out the Nature and Fundamental Laws of Social Life. – London: Macmillan, 1924.
2. *Slyusarenko T.V.* Mekhanizm realizacii politicheskikh prav i svobod grazhdan v Rossijskoj Federacii // Tendencii i sovremennoe sostoyanie istorii, ekonomiki i prava: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Shadrinsk, 30 marta 2007 goda / ShGPI. – Shadrinsk: ShGPU, 2007. – S. 218–225.
3. *Potapov D.V.* Dialektika social’no-politicheskikh otnoshenij i form politicheskogo rezhima v Rossii // Voprosy nacional’nyh i federativnyh otnoshenij. – 2023. – Т. 13, № 2(95). – С. 604–615. – DOI 10.35775/PSI.2023.95.2.021.
4. *Paul Vinogradoff.* Outlines of Historical Jurisprudence. – V. 1. – London: Oxford University Press, 2020.
5. *Loui R.* Proiskhozhdenie gosudarstva / per. s angl. A. Snigirova; pod nauch. red. M. Chernovoj. – Moskva: Delo; RANHiGS, 2023. – 128 s.
6. *Higerovich A.A., Slyusarenko T.V.* Nekotorye prichiny izmeneniya dinamiki globalizacii // Aktual’nye napravleniya razvitiya otraslej prava v usloviyah novoj real’nosti: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 02 dekabrya 2022 goda / pod red. A.V. Semenova, T.V. Slyusarenko, V.G. Golysheva. – Moskva: izd. ChOUVO «MU im. S.Yu. Vitte», 2023. – S. 248–252.
7. *Stasyuk E.V.* Osobennosti samoidentifikacii molodezhi Habarovskogo kraja v usloviyah special’noj voennoj operacii // Vlast’ i upravlenie na Vostoke Rossii. – 2023. – № 4(105). – С. 218–230. – DOI 10.22394/1818-4049-2023-105-4-218-230.
8. Centenario della Costituzione sovetica 1918 Influssi nei paesi del Mediterraneo / Prefazione di Gabrielle Crespi Reghizzi. – Roma: L’Erma di Bretshneider, 2018.

Статья поступила в редакцию: 29.12.2024

Received: 29.12.2024

Статья поступила для публикации: 11.05.2025

Accepted: 11.05.2025

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 2 (46)' 2025

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор

Альтенгоф А.А.

Компьютерная верстка

Савеличев М.Ю.

Переводчик

Грибов В.В.

Электронное издание.

Подписано в тираж 16.07.2025.

Печ. л. 11,63. Усл.-печ. л. 10,81. Уч.-изд. л. 8,3.

Объем 1,6 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 25-0004.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов

ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,

115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,

тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.